

И. Я. ЛЕВЯШ

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ГЕОПОЛИТИКА

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

2

СОУС

Илья Яковлевич Левяш
Глобальный мир и геополитика. Культурно-цивилизационное измерение. Книга 2
Серия «Глобальный мир и геополитика», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7610869

*Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение В 2 кн Кн 2 / И Я Левяш:
Беларус. навука; Минск; 2012
ISBN 978-985-08-1441-8*

Аннотация

В монографии рассматриваются проблемы синтеза постдисциплинарного знания о глобализации и геополитике, обосновано новое направление исследований – геоглобалистика, раскрываются ее культурно-цивилизационные основания и авторская интерпретация сущности глобализации как уникального процесса современности. В системно-синергетической оптике представлена структура глобализации, эволюция научных представлений о ней в направлении от классической геополитики к глобалистике. Значительное внимание уделяется феномену «нового регионализма», особенно его европейскому измерению, и в этой связи – полиаспектное видение России, в целом – «славянского треугольника» СНГ, их позиционирование в контексте «нового Востока». Отмеченная проблематика рассматривается в контексте современных неклассических вызовов и угроз глобальной, региональной и национальной безопасности, в конечном счете – представлений о глобализации как планетарном фронтире.

Рассчитана на научных и практических работников, аспирантов, магистрантов и студентов-дипломников.

Содержание

Введение	5
Часть VI	6
1. Самоидентификация России в глобальном мире	6
1.1. Метафизика и аксиология смыслов	6
1.2. От наследия к Современности	11
2. Гетерогенность Запада – дилемма для России	20
2.1. Ракурс Россия – США	20
2.2. Европейский выбор России: pro и contra	26
3. Украина на пути «национализации»	42
3.1. От «окрайны» до Украины	42
3.2. «Цветная революция» как «послание» России	48
3.3. Украина между НАТО, ЕС и Россией	53
4. Субъектность Республики Беларусь как нации-государства	57
4.1. Белорусская одиссея	58
4.2. Становление Республики Беларусь как нации-государства	63
4.3. Республика Беларусь в новом мире	71
4.4. Союзное государство или Союз государств?	73
5. Россия и СНГ: авторитет силы или сила авторитета?	79
5.1. СНГ на глобальной «шахматной доске»: внешние и внутренние факторы	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Илья Яковлевич Левяш
Глобальный мир и геополитика:
культурно-цивилизационное
измерение. Книга 2

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор, В. А. Мельник

доктор философских наук, профессор, В. Ф. Мартынов

Введение

В монографии «Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение» рассматривается междисциплинарная проблематика синтеза геополитики и глобалистики на их культурно-цивилизационных основаниях и в результате – формирования такого инновационного направления социогуманитарного знания, как *геокультуральная глобалистика*.

Работа состоит из девяти частей, размещенных в двух книгах. Вторая книга включает в себя VI–IX части монографии.

Часть VI «Россия: испытание наследием и современностью» – верификация России с позиций не темпоральной, а сущностно понятой современности, тест ее витальной силы и исторической перспективы.

В части VII «Россия и новый Восток» выясняется сущность определения Востока по критерию способности к модернизации, комплекс особых отношений России с ведущими государствами азиатского треугольника Китай – Индия – Япония.

В части VIII «Неклассические вызовы глобализации» излагается авторская интерпретация основных вызовов и угроз современности – концепции и практики стабильного развития, проблемы войны и мира, террористической угрозы.

Часть IX «Глобализация как планетарный фронт» является интерпретацией эволюции смыслотермина «фронт», как характеристики транспограничных коммуникаций, к определению его современного глобального масштаба и последствий.

В тексте используется аббревиатура журналов: «Беларуская думка» – БД, «Вестник Европы» – ВЕ, «Вопросы философии» – ВФ, «Иностранная литература» – ИЛ, «Литературная газета» – ЛГ, «Літаратура і мастацтва» – ЛіМ, «Мировая экономика и международные отношения» – МЭиМО, «Международный журнал социальных наук» – МЖСН, «Международная жизнь» – МЖ, «Московские новости» – МН, «Независимая газета» – НГ, «Общественные науки и современность» – ОНС, «Свободная мысль» – СМ, «Социально-гуманитарные знания» – СГЗ, «Социально-политический журнал» – СПЖ, «Россия в современном мире» – РСМ, «Россия в глобальной политике» – РГП, «Современная Европа» – СЕ, «Философские науки» – ФН.

Книга адресована студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям учебных курсов социальной философии, политологии и культурологии, а также всем субъектам, вовлеченным в процесс глобализации и регионализации мира.

Часть VI

Россия: испытание наследием и современностью

1. Самоидентификация России в глобальном мире

1.1. Метафизика и аксиология смыслов

«Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы? ...Кто из нас здесь Эдип? Кто сфинкс?»

Ф. Ницше

«У народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, который не может быть другим»

А. де Кюстин

Безотносительно к тому или иному субъекту культуры/цивилизации, проблема его идентификации и самоидентификации может быть представлена как вопрос Сфинкса Эдипу. Вопреки устойчивому предрассудку, это не разные персонажи. Сфинкс это Эдип, озадаченный вопросом о *собственной* сущности. Между тем, по Фоме Аквинскому, «сущность всякой вещи есть то, что выражено в определении, которое содержит родовое, а не индивидуальное... сущность вещей не согласуется с существованием...» [История..., 1994, с. 262, 263]. К сущности «вещей» еще нужно пробиться через устойчивые стереотипы, или «идолов» (Ф. Бэкон), и надежный способ их «расколдовать» – преодоление одного из самых устойчивых «идолов» – фатального конфликта между существованием «во мнении» (идентификацией) и адекватным осознанием своей сущности (самоидентификацией).

У этой оппозиции есть онтологические и аксиологические основания, но в «природе вещей» заложены не только различия между ними, но и их взаимообусловленность. Классический прецедент соотношения между идентификацией и самоидентификацией преподан Гете: «Тот же, кто духом незыблем, тот собственный мир созидает» [Т. 5, с. 584]. Эту ясную позицию Зевс европейской поэзии разъяснил в размышлениях в связи с изданием во Франции собрания его трудов. Он писал, что «в новейшее время французы начинают в нас ценить именно то, что *мы сами считаем для себя наиболее ценным...* каждую нацию, равно как и значительные труды любого ее представителя, можно понять исходя *из них* и *от них*, и... судить о таковых можно, только считаясь с присущими им особенностями (курсив мой – *И. Л.*)» [Т. 10, с. 375–376].

Проблема в том, чтобы, не нарушая *меры* взаимодействия между Мы и Они, с одной стороны, не подменять в *релятивистском* духе самоидентификацию идентификацией в духе «что станет говорить княгиня Марья Алексевна?», а с другой – не преувеличивать своей самодостаточности, достигать *реальной субъектности* и, соответственно, *легитимации*. Всегда уместно прислушаться к нелицеприятному и во многом постигнутому России А. де Кюстину, который заметил, что, если русские «хотят присоединиться к европейским народам и быть с ними на равных, они должны научиться переносить суждения других о себе». Вместе с тем «у народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, кто не может быть другим» [1994, с. 98, 103–104].

Между тем, Россия в условиях «распада связи времен» 80–90 гг. прошлого столетия в историческом беспамятстве предала забвению максимуму Ф. Достоевского: «Только бы мы

осамились, стали самими собой» [Т. 11, с. 137]. Но полезно не пренебрегать и тем, что, по А. Сахарову, обретение «самости» должно быть творческим ответом на вызовы единого и неделимого глобального мира. «Спасение страны, – писал он, – в ее *взаимодействии* со всем миром и невозможно без спасения всего человечества» [1990, с. 146]. Это проблема постижения и обновления трудной *меры* между национальными интересами и всечеловеческими ценностями, иными словами, *realpolitik* и *universalis*, хотя типичной является убежденность в фатальной оппозиции «интересы *contra* ценности», вплоть до конфликтов между народами – и не только с другими, но и с самими собой.

До сих пор «различные толкования» не отменяют поклонения такому расхожему «идолу», как *редукция* ценностей к интересам, или к «пользе». «Мы часто смешиваем два этих качества – «ценность» и «пользу», – и это приводит в тупик: разве вещь ценна не тем, что она полезна? Это, конечно, говорит рассудок... (он) упорно пытался и пытается аннексировать понятие ценности и отбросить все противящееся этой аннексии; зачислить «ценность» на службу «полезности», подчинить ей «ценность» или хотя бы представить «ценность» дополнением к «полезности» [Бауман, 2002, с. 207].

В равной мере ошибочны редукция ценностей к интересам «полезности», как и представления о том, что «трепетную лань» *universalis* нельзя запрячь вместе с «конем» *realpolitik*. Пашет все-таки не геополитический плуг, а социокультурный *пахарь с помощью плуга*. Если же геополитический «плуг» полагает себя самодостаточным, то он напоминает иронию Д. Дидро о «сумасшедшем фортепьяно», которое возомнило, что само творит музыку.

Интересы – направленные на определенные объекты и осознанные потребности. Со времени Аристотеля известно, что одной из фундаментальных потребностей людей является их единение в политике в интересах достижения общественного блага. Однако такое состояние в отрешенной форме описывается не в терминах потребностей и интересов к ним, а как *ахю* – ценность и *ахюс* – достойный. Ценность не существует ни как самодостаточная «вещь в себе», ни как творение «из ничего». Она всегда – их взаимосвязь.

Ценности – любые феномены (вещи и процессы, действия и поступки), которые *значимы* для человека в связи между их объективными свойствами и потенциальной, а в практической деятельности – реальной способностью удовлетворять потребности человека, служить реализации его интересов, достижению желаемых целей. Отсюда потребность «связывать ценность данного поступка, данного характера, данной личности с намерением, с целью, ради которой действуют, поступают и живут...» [Ницше, 1994, с. 310], или ее смыслом. Философ писал, что «смысла *нет налицо*», и «*влагать известный смысл*» – непреходящая задача. «Так дело обстоит... с судьбами народов: они допускают самые различные толкования для самых *различных целей*» [Там же, с. 285].

Символически интересы соотносятся с ценностями как *зерно и плод*. Зерно в потенции содержит в себе плод, и оно может этого не сознавать и даже позиционировать и бунтовать против плода. В зрелой – мудрой и ответственной – политике «полезность зачисляется на службу» ценностным приоритетам, которые определяют смыслы, направленность, структуру и динамику интересов. В конечном счете, между ними – отношения не конфронтации, а *инверсии*.

Однако «лицом к лицу – лица не увидеть. Большое видится на расстоянии». Высоко ценимый Ф. Ницше «пафос расстояния» и производная от него веберовская мудрость «глазомера» не приходят автоматически и нередко связаны с фундаментальными заблуждениями в поисках самоидентификации и идентификации. Во многом это ментальная дилемма *вовлеченности* или *отвлеченности* ценностных ориентаций и нередко – динамичной смены этих состояний.

В полной мере эта диалектика характерна и для России. Классическим прецедентом вовлеченности в ее судьбу является идущая от Радищева и Чаадаева, Леонтьева и Розанова, Гоголя и Салтыкова-Щедрина, Ильина и Бердяева, Солженицына и Сахарова традиция служения великой Родине/Отечеству и вместе с тем – *по праву* сокровенной сопричастности к ее судьбе – заинтересованная и острая критическая рефлексия [Левяш, Русские..., 2007]. Н. Гоголь писал: «Эх, тройка! птица-тройка! кто тебя выдумал?...». Ф. Достоевский усмотрел в знаменитом гоголевском образе двусмысленный символ: «Тройка у него изображает Россию. И летит, и сторонятся в почтительном недоумении народы... И дивятся другие народы... Если в эту тройку впряжен Чичиков, Собакевич, Ноздрев... то при каком хотите ямщике ни до чего хорошего не доедете. Не починить ли тройку? А для этого что – вникнуть и осмотреть...» [Т. 15, с. 351].

Во имя чего? Последователь русского Екклезиаста Р. Розанов начертал словно на скрижалях: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее... И еще ужаснее любить все это. Стонаю и люблю». Наконец, в апогее этой потрясающей сакральной исповеди: «До какого предела мы должны любить Россию... до истязания; до истязания, до *истязания* самой души своей... любовь к родине чревна» [1970, с. 104, 129, 494, 562–563].

Напротив, ментальный источник позиции «отвлеченных» – в бессознательной инволюции, казалось бы, тех, кто изначально вовлечен в судьбу России, но более сострадательно, чем деятельно, и жалуется, что ей «не дают» войти в цивилизованную ойкумену глобального мира. Вот типичный текст: «Опасность ситуации в том, что, не пуская Россию в современную западную цивилизацию, ее переправляют транзитом из *формационно-классовой*, двухмиросистемной, в *геополитическую* систему координат, где главенствует идея противостояния интересов» [Громов, 1998]. Оказывается, не Россия «переправляется», а ее «переправляют». В духе вторичной «объектности» звучит

и утверждение о том, что идет «непрерывный поиск формулы *адаптации* отечества к меняющимся мировым условиям» [Цыганков, 2005, с. 384]. Адаптация – норма для любого субъекта, но как самодостаточная, она есть определение через идентификацию Другим, или заведомо *объектная* роль.

С другой стороны, особенность «смутных времен» в том, что присущее им состояние бифуркации вызывает не только имплозию (взрыв вовнутрь) утраты самоидентичности, но и, напротив, тяготеет к «выпрямлению спирали», или взрыву вовне, по Ф. Достоевскому, к той «неограниченной свободе», которая, влечет к «неограниченному деспотизму». В. Гавел говорил: «Еще долгие десятилетия мир будет приходить в состояние равновесия. Взрыв национализма, популизма, терроризма, конституционных кризисов и т. п. – все это имеет связь со всеобщим шоком общества – *шоком свободы*. Теперь взорвалось все, что накопила история...» [Известия, 7.08.1993].

Такой, по-своему уникальный, тектонический взрыв вынес на поверхность проблему еще не известной ранее России как *системной* – глобальной, трансрегиональной и этнонациональной геополитической и культурно-цивилизационной реальности, далеко не сводимой к традиционному формационно-классовому измерению.

Глобальной – потому что масштабы России, ее положение в центре геополитического хартленда, трудовые и энергетические ресурсы, ядерный потенциал, сложный симбиоз общепризнанного в мире духовного богатства и инерции советско-коммунистического наследия, – все это не оставляет сомнений, что вне российского фактора стабильные международные отношения просто немыслимы.

Трансрегиональной – в силу той амбивалентной «любви-ненависти» (Фрейд), которая довлеет над Россией как географически евразийской державой, но в историческом и

культурно-цивилизационном измерении, вопреки сомнениям Р. Киплинга, не как «самого западного из восточных государств», а «самого восточного из западных». Это обуславливает проблематичность и тем не менее жизненность идеи «единой Европы» как *триединой* – Западной, Центральной и Восточной.

Этнонациональной – потому что топос современной России, простирающейся в Европе и Азии, со многими часовыми поясами, параллелями и меридианами, с отчетливой интенцией к возрождению великого государства в пространстве взаимодействия уже традиционных (США) и новых растущих геополитических центров – ЕС и АТЭС, поиском путей и средств реинтеграции постсоветского пространства, драмой регионализации в пределах Российской Федерации, – все это во многом симбиоз культурно-цивилизационных, геополитических и геоэкономических противоречий.

В чем уникальный характер исхода из этих противоречий? Многомерность проблемы и поиск ее решения – во многом «воспоминание о будущем» и изначально вызывает к *архетипам* судьбоносного выбора России. Они формировались и эволюционизировали по формуле А. Тойнби «Вызов-и-Ответ». Ее контекст в том, что «Вызовы-и-Ответы» не сводимы к внешнему взаимодействию, и «по мере развертывания процесса наблюдается тенденция к смещению действия из области внешнего окружения... в область внутреннюю. Иными словами, критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения» [Тойнби, Постижение..., 2003, с. 258]. Вызов истории это категорический императив выживания и свободного развития цивилизации и ее ядра – культуры, но Ответ, в конечном счете, зависит от того, какова степень «внутреннего творческого импульса» принявших вызов народов [Там же, с. 114]. Их реальная субъектность означает динамичную способность к адекватным ответам. Но эти действия могут быть неадекватными, и тогда народы становятся статичными объектами, в терминологии А. Платонова – «дубьектами», и теперь уже «народ жить может, но ему нельзя».

Ответы России на вызовы исторического времени всегда в решающей мере зависели от степени ее субъектности, реальной способности к внутренней динамике и в меру этого – реакции на внешние вызовы. В таком ракурсе ведущие отечественные архетипы представляют собой далеко не линейную драму взаимодействия и последовательной смены смыслообразующих символов.

Первым стал эзотерический и статичный, вне исторического времени, образ затаившейся от монгольско-тевтонских лихолетий «святой Руси». Но в итоге собирания и упрочения России, поднятой на дыбы Петровской трансформацией, гоголевский гений создал символ России как «птицы-тройки». В 20–30 гг. XX в. вновь возник образ пассионарной России. Она, по Е. Замятину, – ледокол, «такая же специфически русская вещь, как и самовар... всюду моря свободны, только в России они закованы льдом... – и чтобы не быть отрезанным от мира, приходится разбивать эти оковы. Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движение других стран... она взбирается вверх – и сейчас же проваливается вниз... она движется, разрушая» [1989, с. 28]. Под занавес прошлого века «ледокол» постигла судьба, аналогичная «Титанику», а циклопические масштабы катастрофы и глубина «провалов» страны не оставили места эзотерике. Святая Русь «всплыла» и нередко маркируется как «остров Россия» (В. Цимбурский).

Обратим внимание на разрывы между смысловыми приметами этих символов. Образы прикровенной Руси и зримого «острова» – из статичного *ретро* (Московского царства или ближе – СССР за «железным занавесом»). Однако динамичная «тройка» – это уже, казалось бы, ясный *футуро*-образ. Она «несется», однако ее интенция – не ведая куда и не зная ни откуда, ни как, ни кто, собственно говоря, «ямщик».

О чем свидетельствует этот противоречивый символический ряд? Россия всегда более устремлена либо в свое *прошлое*, либо в *будущее*, умаляя первостепенность, более того –

самоценность настоящего. В терминах Тойнби, архаизм и футуризм – в равной мере утопия, идеализация былого или чаемого, но неизменно – недооценка библейского «здесь и сейчас». Не говоря уже о символах «птицы-тройки» и «острова» (они не технологичны, и с ними просто невозможно работать), маршрут «ледокола» оказался ситуационным, а не эпихальным. Этот символ – ретро последнего поколения: ныне Россия определяет свой национально-государственный маршрут, маневрируя среди *глобальных* айсбергов.

Современный российский маршрут своеобразен не только «подъемами» и «провалами», но и тем, что он на порядок сложнее линейно понятой формулы «Вызов-и-Ответ» и во многом определяется проблемным характером реальной субъектности России. Смысловой эпицентр дискурса – в прояснении дилеммы «глобализация или геополитизация» относительно мира вообще и России – в особенности. Изначально Россия не признала в идее и тем более практике глобализации «свое-иное»: Как отмечала В. Федотова, «с левых позиций... отношение к глобализации в России сегодня похоже на прежнее отношение к капитализму... Глобализация вообще не стала темой серьезного размышления правящих кругов ни в качестве угрозы (как ее воспринимают старые «левые»), ни в качестве вызова (как к ней должна была бы отнестись правящая элита)» [2002, с. 59, 60].

Глобализация еще во многом рассматривается как вселенский апокалипсис. Риторически звучат уже названия работ известных авторов: «Антропологическая катастрофа» (П. Гуревич), «Конец цивилизации, или конфликт истории» (А. Неклесса) Но, оказывается, это не только «левая» ориентация. На заседании Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) в 2001 г. в основном докладе не нашла поддержки предложенная формулировка глобализации как объективного процесса. По оценке В. Третьякова, доклад был «изначально пессимистичен», и его следовало бы назвать не «Россия в условиях глобализации», а «Конец России в процессе глобализации» [НГ, 6.03.2001].

Дискуссии о глобализации в российской оптике скрывают базовую коллизию: текстуально мы говорим о глобализации, а «между строк» подразумеваем геополитику. Но почему? Россия, отмечал Л. Ионин, вступила в XXI век далеко не фаворитом. Поэтому «российские и американские элиты смотрят... в разных направлениях: американцы в XXI век (ключевое слово «глобализация»), а россияне – в XX (ключевое слово «геополитика»)... речь идет о столкновении, с одной стороны, партикуляристской геополитической идеологии..., и – с другой – универсального глобалистского проекта» [1998, с. 34].

Однако М. Чешков уместно подчеркивает, что болезненный характер восприятия глобализации не сводим к ее противопоставлению геополитике. Глобализация «несет вызов цивилизационному сознанию, грозя ему нивелировкой и хаосом». В таком контексте возникает потребность в смысловом и структурном углублении идеи «снять противоречие глобальности и цивилизованности, столь характерное для российского общественного сознания, возможно, углубляя научно-познавательный смысл идеи глобальности» [Актуальные..., 1999, с. 44].

В этом русле есть смысл напомнить предложенную в части I авторскую интерпретацию идеи глобальности, начиная с критики иллюзии отождествления *общечеловеческих* (мировых) и *глобальных* проблем. Парадокс в том, что все глобальные проблемы – общечеловеческие, но далеко не все из них – глобальные. Всегда были, есть и будут общечеловеческие проблемы, которые могут быть решены на индивидуальном, групповом, страновом уровнях.

Реалии глобализации одновременно создают и беспрецедентные трудности, и объективные предпосылки решения дилеммы культуротворческого «единосущего» или только цивилизационной «одинаковости» [Розанов,

1992, с. 143]. Глобализация это становление единой и взаимосвязанной, в терминах Тойнби, «Цивилизации с большой буквы» на основе гомогенизации материальных производительных сил, социально-политических структур (предметно об этом – в IX части моногра-

фии). Глобализация культур – напротив, процесс адаптации общецивилизационных достижений к культуротворчеству, выработка творческой способности национальных культур к «амостоянию» и вместе с тем – к их «цветущей сложности» в контексте всечеловеческих ценностей и смыслов.

«Думать о деле» глобализации значит прежде всего упрочить универсалистские опоры и творчески-преобразующий потенциал культуры. В конечном счете, креативная способность ответить на вызов глобализации зависит от становления неизвестного ранее способа реализации завещания «осевого времени» – цивилизационного единства в конструктивном культурном многообразии.

В таком ракурсе новое дыхание обретает замечательная мысль В. Соловьева: «Для показания своей национальной самобытности на деле нужно думать о самом этом деле, нужно стараться решить его самым лучшим, а никак не самым национальным образом. Если национальность хороша, то самое лучшее решение выйдет и самым национальным, а если она не хороша, так черт с нею» [Т. 1, 1989, с. 7].

1.2. От наследия к Современности

*«Да не поклонимся словам! // Русь – прадедам, Россия – нам...
Перестаньте справлять поминки // по Эдему, в котором вас // не было»
М. Цветаева*

*«Офицеры-декабристы заставляли солдат кричать: «Да здравствует Конституция!», а когда те спрашивали, кто она такая, отвечали, что это супруга великого князя Константина»
Литературная газета, 6–12.02.2008*

Как и повсюду в мире, для России различие понятий «идентификация» и «самоидентификация» имеет принципиальный характер. С одной стороны, что есть Россия и чем она может стать, как она воспринимает себя в мире, и, в свою очередь, мир ее, – взаимосвязанные, но разные вопросы.

Квинтэссенция этих вопросов сегодня выражается в кардинальных альтернативах: является ли Россия великой мировой державой? великой региональной державой? вообще державой? Амплитуда суждений и оценок настолько безбрежна, что, отвлекаясь от ментально или профессионально русофобских, позволяет воспроизвести лишь самые характерные позиции. Кричащий штрих на этом фоне – нередкая апелляция к определению Николаем I традиционной России как «больного человека» [Тойнби, Цивилизация..., 2003, с. 501]. Такова позиция «отвлеченных», для которых наша страна была и остается этой страной. С точки зрения И. Бродского, этот «человек» не просто болен, а еще ранее «приказал долго жить». Духовный исход из России и разрыв с ней он воспринял не как личную драму, а конец самой России. В беседе с А. Михником Бродский вопрошал: «Что будет с Россией? Как сложится ее судьба? Какова ее роль? Для меня все это кончилось на Чаадаеве и его определении России как провала в истории человечества... Я думаю, что Россия кончилась как великая держава» [Иосиф..., 1996].

Внешне все выглядит именно так. По словам польского историка Зб. Гужейла, «если прежде СССР соперничал с США и НАТО вблизи Гамбурга и Стамбула – благодаря дружественным Москве ГДР и Болгарии, а в «сталинский» период – и вблизи Италии и в Средиземноморье – благодаря «сталинистской» Албании, где была крупная советская военная база, то теперь линия такого соперничества приближена к Пскову, Смоленску, Белгороду, Ростову-на-Дону, Сочи, Астрахани и Махачкале. То есть перенесена вглубь когда-то советской территории» [Цит. по: ЛГ, 6–12.02.2008]. Действительно, нынешние границы России

почти совпадают с ее границами во время правления царя Алексея Михайловича и, стоит заметить, до Переяславской рады 1654 года.

«Российская Атлантида» – предложенный В. Цимбурским образ такого конца. Интересно, что она – не просто страна, а именно *империя*, «которую мы потеряли». Россия лишена признанного метаисторического идеала, который мотивировал бы ее существование. Тем не менее, Цимбурский, в отличие от «нигилизма слабости» Бродского, полагает, что ее имперский «ритм» пока жив и способен подсказывать направление интересов [Цимбурский, 1999, 2000].

Вообще характерна взаимосвязь: именно те, кто убежден, что «умом Россию не понять», склонны верить в ее фатум как *имперского* Феникса. Следует разделить надежду А. Зиновьева «подняться на уровень одной из ведущих стран планеты, о чем мы мечтаем». Иной была его претензия «составить... серьезную конкуренцию в битве за мировое господство» [Цит. по: ЛГ – Действующие лица, вып. 1, 2003]. Фантазмы «снов разума» отечественных прожектеров беспредельны и допускают, что «в нашей судьбе заложен и космогонический смысл... проявилась астральная, космогоническая судьба России» [Цит. по: ЛГ, 5.11.2003]. Адепты такой веры разъясняют ее *вселенское* назначение: «Россия не Евразия и не слепок Европы... Россия – это опорная колонна земного шара, это материк особенного свойства, и это вечно живой кит, на котором покоится в пучине бездны мать сыра земля» [Цит. по: Наш..., 2007, с. 255]. Такие мифологемы не нуждаются в коммуникациях с другими смысловыми оценками, подобно известной максиме Тертуллиана: «Credo, quia absurdum est» (лат. – «Верую, ибо абсурд»).

В эпицентре же работоспособного смыслового дискурса – действительно *проблемная ситуация* в России и вокруг нее, начиная с анализа и оценки наследия, с которым Россия связана непосредственно. В таком ракурсе немецкий исследователь К. Зегберг подчеркивает первостепенность вопроса о «взаимосвязи между глобализацией, советским наследием и происходящими переменами...» [1999]. Исходная точка этой взаимосвязи – отмеченная И. Валлерстайном *объективная роль*, которую Советский Союз играл в миросистеме. «СССР всегда стремился к полной интеграции в межгосударственную систему. В 1933 году он вступил в Лигу Наций..., выступал союзником Запада во Второй мировой войне, стал соучредителем ООН и никогда в послевоенные годы не прекращал добиваться от всех стран (и прежде всего от США) признания себя как одной из мировых «сверхдержав». Эти усилия, как неоднократно отмечал Шарль де Голль, трудно объяснить с позиций марксистско-ленинской идеологии, но они абсолютно ожидаемы как политика великой военной державы, действующей в рамках существующей миросистемы» [Валлерстайн, 2003, с. 21–22].

В конце XX в., по оценке В. Путина, произошла «крупнейшая геополитическая катастрофа» – крушение и распад СССР как великой мировой державы. Некоторые российские политологи и геополитики до сих пор ставят кардинальный вопрос: «Как могло столь быстро свершиться такое глубокое падение?». По их мнению, ответ заключается в неудаче собственного советскому обществу глобального проекта. И все же «ни о какой победе Запада над Востоком в самой этой («холодной») войне говорить нет оснований» [Ионин, 2000]. На наш взгляд, такие основания все же есть, как, строго говоря, нет оснований утверждать о глобальном характере коммунистического проекта.

В России коммунизм был одной из ипостасей индустриального общества, *незападным* типом его строительства и модернизации. Тем не менее, пережив период «бури и натиска», проект быстротечно мутировал. Таков рок жесткой конструкции и имперской «сверхзадачи» Системы [Левяш, 1997], которая пренебрегла Вызовом не темпорально, а *сущностно* понятой Современности. Известный авторитет в области политической философии Ш. Эйзенштадт отмечал, что воплощение в Советском Союзе «культурной и политической программы современности» вызвало «сильнейшие и непрерывные трения и противоречия. В первую

очередь, речь идет о противоречии между акцентом на автономии человека и мощным, жестким контролем, истоки которого кроются в технократических и/или этически-утопических положениях этой программы...» [2002, с. 71].

Оценивая специфические причины обвала СССР, В. Путин усмотрел их прежде всего «в экономике советского типа». Главный ее порок – идеократический характер. Россия 70 лет шла «по тупиковому маршруту движения». За этот «эксперимент» заплачена «огромная цена». В общемировом контексте страна оказалась неконкурентоспособной: «Власть Советов не сделала страну процветающей, общество – динамично развивающимся, человека – свободным» [Путин, 1999].

Иными словами, советская модернизация была относительно успешной в до-глобальную эпоху и утратившей эффективность – с ее наступлением. Коммунистический проект, по замыслу являясь *мировым*, никогда *не был глобальным*. В нем царили: охранительная идеократия против меритократии, технологический консерватизм против вызовов технотронных революций, «островная» автаркия против открытого общества. Империя напоминала странную птицу немецкого художника П. Клея – устремленную вперед, но с повернутой назад головой. Исторически назревший прорыв к *интенсификации* развития подменялся традиционно *экстенсивным* ростом, стремлением не к решению инновационных проблем взаимосвязанного мира, а к неизбежной «нулевой сумме» (памятное заявление Н. Хрущева с трибуны ООН: «Мы вас закопаем»).

Объективности ради, кремлевские «копатели» были не одиноки. До сих пор серьезно не обсуждается проблема альтернативного прогнозирования, поднятая в работах С. Козна: как сложилась бы трансформация России, если бы Запад решительно поддержал не компрадорские, а подлинно реформаторские силы в России? К сожалению, возобладали – на языке формальной логики «или – или», в эквиваленте классической геополитики – «нулевая сумма», и из ее же арсенала – «закон своего сукина сына». Такова, по аналогии, циничная природа мюнхенского предательства Чехословакии великими державами Запада (им казалось, что пожар – не на их крыше). Затем – пусть они побольше убивают друга, мы же поможем слабому – «равновесия ради». Европу, породившую нацистского монстра, поднимали на костылях «плана Маршалла», а Россию, не только сыгравшую ключевую роль в разгроме нацизма, но и отрешившуюся от тоталитаризма в 90-х гг., «опускали» и пытались расчленить методами «шоковой терапии».

Далеко идущие прожекты витали в «шахматном» воображении не только Бжезинского. Известно, что директор Французского Института в Москве, «левый интеллигент» М. Хальтер заявил в 1989 г.: «Если мы хотим помочь Советскому Союзу, его надо колонизовать». Тогда мало кто заметил, что известный французский писатель Р. Перро обратился к президенту Ф. Миттерану с письмом «Надо ли колонизовать Советский Союз, чтобы ему помочь?». Этот вопрос был без труда переадресован постсоветской России, и перед ней, утратившей пассионарность, разверзлась бездна «распада связи времен», исторического небытия.

По России, «которую мы потеряли», одни плачут, иные смеются, но прежде всего важно понять, что став «больным человеком», страна, говоря словами В. Путина, не рассматривает себя, как «инвалида», и ее выздоровление требует прежде всего освобождения от недооценки *проблематичного* характера возрождения России. Политическая элита России разделяет эту озабоченность. Президент Геополитической академии, генерал Л. Ивашов отмечает: «Мы утрачиваем сознание того, что Российская Федерация обладает: объективными параметрами великой державы, имея обширную территорию с богатейшими природными ресурсами; населением с высоким интеллектом; геополитическими традициями державности и особыми цивилизационными ресурсами; опытом социалистического проекта, альтернативного либерально-рыночному проекту; эксклюзивными знаниями по проектиро-

ванию сверхсложных систем, основами фундаментальной науки; стратегическим военным потенциалом» [Геополитика..., 2006, с. 56].

Проблема в том, как *распорядиться* этим совокупным и уникальным потенциалом. Отмеченные очевидные преимущества не отменяют отставания страны по такому критическому культурно-цивилизационному параметру, как динамичный переход к обществу, основанному на приоритете *человеческого капитала* [Левяш, Человеческий..., 2004]. В докладе Всемирного банка (2003) констатировалось, что «темпы долгосрочного роста экономики в странах ОЭСР зависят от поддержания и расширения базы знаний... Процесс глобализации ускоряет эти тенденции... Сравнительные преимущества стран все меньше и меньше определяются богатством природных ресурсов или дешевой рабочей силой и все больше – техническими инновациями и конкурентным применением знаний... Экономический рост сегодня является в такой же мере процессом накопления знаний, как и процессом накопления капитала» [Цит. по: Формирование..., 2003, с. 7–8]. И далее – предметно: «Исходя из опыта индустриальных стран, учитывающих вклад образования в обеспечение экономического роста и социального единства страны, общий уровень инвестиций страны в образование должен составлять от 4 до 6 % внутреннего валового продукта (ВВП). При этом расходы на высшую школу, как правило, составляют от 15 до 20 % всех расходов в государственное образование» [Там же, с. 23].

В России, казалось бы, на этой «Шипке все спокойно», и внешне ситуация не только близка к уровню развитых стран, но и по некоторым показателям Россия не только не уступает, но и превосходит многие экономические развитые страны. Уровень грамотности населения составляет 99,5 %, численность студентов вузов на 10.000 населения – 327. В настоящее время высшее образование в России характеризуется резким увеличением численности выпускников вузов. По сравнению с 1995 г. их количество увеличилось в 2,7 раза. Начиная с 1995 г., прирост численности студентов ежегодно составлял 7–15 %, опережая демографические показатели. По такой статье расходов, как бюджетное финансирование образования – менее 70 %, страна значительно опережает США (50 %), но несколько отстает от Германии, Франции и Великобритании (80 %). Три ведущие страны в области образования имеют бюджетное финансирование выше 80 %. В России бюджетное финансирование вузов ниже 70 %. США являются единственной из стран с развитым образованием, где уровень бюджетного финансирования ниже 50 % [Миронов, 2007, с. 14–15].

Однако такая статистика удобна российской бюрократии, но за ней скрывается традиционная для России ставка на экстенсивный рост и «быстрые деньги». Тотальная «образованщина» (Солженицын) находится в таком же соотношении с формированием и оптимальным использованием человеческого капитала, в каком и СССР, в котором, как известно, инженеров выпускали вчетверо больше, чем в США.

Как отмечал Ф. Фукуяма, «ирония развития состоит в том, что межгосударственная конкуренция в будущем будет определяться характером обществ... И для всех стран во главу угла будет поставлен вопрос, кто может наиболее эффективно развить и использовать «человеческий капитал». В ходе этого соревнования, которое может рассматриваться как сублимация нынешних войн, изменится понимание многих вещей, в том числе и то, что в прошлом называлось «войной» [1995]. Перед нами не сублимации «нынешних войн», а их подлинная сущность. Ныне для экономической «аристократии» вести классические войны рискованно, а разрушать производственную и социальную инфраструктуру непродуктивно. В таком раскладе факторов апелляция к примату культуры, «человеческому капиталу» имеет не только ценностный, но и *функционально-стратегический* характер.

В условиях бурной военно-технологической революции нет автоматизма и в беспорядочных, на первый взгляд, геополитических и тем более геэкономических преимуществах России. Традиционная неуязвимость необъятных российских просторов, которая была весомым

фактором избавления от Наполеона и Гитлера, теперь в решающей мере зависит от технотронных средств нейтрализации систем управления и высокоточного оружия, способного нанести неприемлемый ущерб стране любого масштаба. И формула: «Россия – глобальная нефтяная держава» – претенциозна, но главное – уже из стратегии вчерашнего дня.

Эпицентр глобального соперничества – не здесь, и стоит напомнить недооцененного организатора «народно-монархического» движения И. Солоневича: «История России есть «история преодоления географии». Или иначе: наша история есть история того, как дух покоряет материю, а история США есть история того, как материя покоряет дух... Если диаметрально противоположные геополитические предпосылки создали два разных, но все-таки сильнейших государства последнего столетия, то совершенно ясно, что решение вопроса лежит не в геополитике, а в психологии, то есть не в материи, а в духе» [1991, с. 69, 76].

В. Розанов провидел «реформу, нам предстоящую: *ожить древним духом* – тем прекрасным духом, прототип которого дала нам еще Киевская Русь. Возможно сделать это при сохранении всей той крепости сил, какую сумела создать Москва, и не отказываясь нисколько от правильных сторон просвещения, которое любить завещал Великий Петр. Все это можно соединить; все – слить в новую гармонию, чрез живой акт души» [1992, с. 60]. Однако, с горечью резюмировал он уже в 1918 г., «в сущности, мы знаем *слова* о Возрождении, а не видим *Возрождение* в нас (в самих нас) именно бурь Возрождения, а в *бурях-то Возрождения* конечно и лежит вся тайна его» [1970, с. 556]. Россия, как девушка, которая «цветет, а завязаться плоду не дают» [1970, с. 263]. Взамен завязался совсем другой «плод», и полностью оправдался прогноз Н. Бердяева о том, что настоящая буржуазность в России возможна только после коммунизма [Бердяев, Истоки..., 1990, с. 119–120].

Драма современной российской государственности, единодушно отмечают эксперты, в том, что в мире глобальных вызовов она пока не смогла перейти от задач экстенсивного *выживания* к «завязыванию плода» интенсивного *развития* как императива Современности – последней «волны» модернизации.

Уникальная для России возможность выживания и развития в условиях глобализации – ее потенциал, природно-ресурсный и человеческий, которому еще предстоит стать *двуединым*. Известно, что такой обобщающий индикатор, как ВВП, это не столько «честное зеркало» благополучия страны, сколько престижа и рейтинга ее правящих элит. А. Бунич, президент Союза предпринимателей и арендаторов России, убедительно, опираясь на системные экономические выкладки, пишет об этом в статье «Не там копаем» [ЛГ, 9–15.02.2011]. Установка на гонку за пресловутым ВВП любой ценой, вплоть до манипуляций со статистикой, скорее дезориентирует, и уместен вопрос А. Пушкова: «Вы не считаете, что конкурентоспособность – это ложный идол? Вы спросите, где многие наши граждане предпочли бы жить: в либеральных США или же в Германии, где действительно создано социальное государство при капитализме?... большая часть предпочтет Германию, которая всего лишь на 25-м месте по конкурентоспособности. Этот фетиш важен прежде всего для элиты... Да, конкурентоспособность важна и для активной части общества, но это не значит, что ей в жертву должно приноситься абсолютно все» [ЛГ, 11–17.06.2008].

Кто же направит возрождение России в деятельное русло, вновь «зажжет» ее великим и привлекательным проектом и организационно – технологически обеспечит его реализацию в условиях *динамичного развития, сориентированного на социальную сверхзадачу*? В какой общественно-политической парадигме ныне осуществляется этот процесс? Известные «идентификаторы» России, которые претендуют на роль главных источников ее легитимации в мире, дружно предлагают ей ту же дилемму, в которой, как в безысходном лабиринте, запутался поздний СССР – выбор *между демократией и авторитаризмом*.

Этот урок заслуживает внимания. Позднему Советскому Союзу, представленному его первым и последним президентом М. Горбачевым – официальным лидером так называемой *перестройки*, помочь было невозможно. И глубинная причина – не в известном плачевном состоянии экономики. Все это – производные от того конкретно-исторического *состояния идеократической беспомощности*, которая была характерна для перестройки. Профессор политологии Оксфордского университета А. Браун в статье с исчерпывающим названием «Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом», пишет, что, начиная с 1990 г., президент СССР «проводил четкое различие между режимами тоталитарными и авторитарными, с одной стороны, и плюралистическими и демократическими – с другой. Однако нюансы разграничения тоталитаризма и авторитаризма его не слишком заботили» [2007, с. 71].

Перестройка замышлялась как второе издание *авторитарно-демократической* стратегии ленинского НЭПа, по определению ее творца – «надолго и всерьез». Такая стратегия в короткий срок уже дала впечатляющие результаты (и ее плодотворность во многом подтверждается современным Китаем). Это была перспектива *нормального* строительства социализма как синтеза широкой демократии (от экономической до внутривластной) с авторитаризмом «командных высот» руководства и управления. Но это были «преждевременные мысли». Страна, и прежде всего партия, оказались не готовыми к такому синтезу, и на смену НЭПу пришел сталинский тоталитарный режим, эффективный в экстремальных ситуациях, но быстротечный и тупиковый в исторической перспективе [Левяш, 1989, 1996, 2004, гл. 12].

Задача перестройки заключалась в том, чтобы, окончательно преодолев наследие тоталитаризма (этот процесс начался уже после смерти диктатора), вновь реализовать отложенный ленинский синтез в контексте реалий конца XX в. Но дилетантская горбачевская оппозиция авторитаризма и демократии предопределила *действительный разрыв* с ленинизмом. Условно с этого момента перестройка стала мутировать, по меткому присловью А. Зиновьева, в «катастрофу», политическая инициатива была перехвачена так называемыми «либерально-демократическими» силами, и столь же властолюбивый, сколь дремучий Б. Ельцин стал их терминатором и могильщиком СССР.

Теоретический уровень нуворишей, приступивших к «великому переделу» собственности и власти, исчерпывающе выразил недавний олигарх № 1, а ныне «частное лицо, гражданин Российской Федерации, ИЗ № 99/1» М. Ходорковский в своем письме: «Мы ждали демократии как чуда, которое само собой, безо всякого человеческого участия и усилия, решит все наши проблемы на десятилетия вперед» [Цит. по: НГ, 5.08.2005]. Но следовало ли снова наступать на смертельно опасные грабли? А. Солженицын противопоставлял различное, выстраданное личной судьбой, отношение «волкодава» и «людоеда» к демократии. Людоед – по определению воплощение тоталитаризма, в отличие от авторитаризма, который, оказывается, не волк и, разумеется, не овца, а волкодав – страж «овечьего стада», символ хрестоматийно известного *autoritas*, или, по латыни, власти. «Страшны, – подчеркивал мыслитель, – не авторитарные режимы, а режимы, не отвечающие ни перед кем и ни перед чем».

Принципиальное *различение* нашего мудреца было основано на глубоком политико-философском фундаменте. Конструктивный исход подсказывала вся политическая логика Современности и все ее столпы, не лишённые критической рефлексии, начиная с программного вопроса Гете: «Могущество, когда, когда // Соединишь ты с властью разум?».

Опыт XX – начала XXI вв. показывает, что как функционирование стабильных демократий немислимо без усиления роли государства, так и демонтаж тоталитарных режимов и переход к «открытому обществу» невозможен без авторитаризма «управляемой демократии». Весь вопрос в ее *векторе*. «Использование термина «авторитарный», – писал Э. Фромм, – с необходимостью требует прояснить понятие авторитета. С этим понятием связана огромная путаница, поскольку широко распространено мнение, будто мы стоим перед

альтернативой: диктаторский, иррациональный авторитет или вообще никакого авторитета. Но эта альтернатива ошибочна. Реальная проблема в том, какой вид авторитета следует нам признать... Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность... Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми» [1992, с. 17].

По А. Шлезингеру, «тоталитарный режим в своем стремлении овладеть человеческой душой уничтожает все автономные институты, тогда как авторитарный режим, будучи деспотическим по характеру, но ограниченным в плане размаха, оставляет душу в покое, проявляя терпимость к институтам, предоставляющим индивидам некоторое укрытие от государства... «плюрализм» – наличие автономных институтов – является свидетельством авторитарности» [1992, с. 153, 154].

Модель авторитарной демократии не имеет постоянной прописки, и, вопреки заблуждениям и фальсификациям, имеет давнюю и прочную прописку на американской почве. А. Шлезингер не оставлял камня на камне от идеологемы США, как либерально-демократической классики, и воссоздал впечатляющую историческую панораму их традиционно авторитарно-демократической политики. Изначально, писал он, в американских колониях Британской империи государственное вмешательство в экономику считалось обычной практикой. В XVII в. оно было необходимо для выживания общества с ограниченными ресурсами. Но когда американская революция победила, она сама утвердила государственное регулирование. В итоге: «Сильное, деятельное правительство никогда не вырождается в диктатуру. Диктатура везде приходит на смену слабой и беспомощной власти» [Там же, с. 357].

Такой вывод дорогого стоит, и он впечатляюще подтверждается политической практикой США в XX столетии. Невозможно согласиться с иронией по поводу того, что Ф. Рузвельт «аж четыре раза избирался президентом» [ЛГ, 27.04.-5.05.2005]. Действительно, Америка готова была 16 лет видеть в нем своего президента. В критический момент он заявил сенату и конгрессу, что в случае надобности в дальнейших ассигнованиях может обойтись без этих парламентских институтов и обратиться к плебисцитарной демократии – непосредственно к народу [Цит. по: Солоневич, 1991, с. 39]. «Новый курс» Ф. Рузвельта имел ярко выраженный авторитарно-демократический характер. Но сводится ли дело к личности Рузвельта? По оценке знатока политической философии Дж. Грэя, гражданское общество в принципе «не нуждается в политических и экономических институтах либеральной демократии», и в различных вариантах оно вполне совместимо с авторитаризмом [Gray, 1996, с. 325].

США изначально были и по преимуществу остаются *авторитарно-демократическим* государством, как правило, не посягающим на либеральный индивидуализм гражданского общества. В отличие от них, Западная Европа успела пройти исторически краткий, но все же либеральный «курс» в духе лютеровского «Каждый сам себе священник». Тем не менее авторитарная демократия (не говоря уже о тоталитарной якобинской диктатуре) никогда не была здесь призраком. Даже вольнолюбивый Вольтер, готовый отдать жизнь за право оппонента высказывать свои мысли, в письме к Сан-Ламберту в 1771 г. заметил, что считает «лучшим подчиняться доброму льву, который намного сильнее меня, чем двум сотням крыс моего вида».

С тех пор западноевропейский синтез авторитаризма и демократии постоянно доказывал свою экономическую и политическую эффективность. Наполеоновский проект паневропейской империи «на острие штыка» закономерно потерпел крах. Но это не отменяет плодотворности Гражданского кодекса Наполеона, и его творец с законной гордостью писал: «Я закладываю во французскую землю гранитные блоки, которые являются институтами» [Цит. по: МЭиМО, 1998, № 2, с. 153]. Известно, что император не любил прессу (вообще «идеологов»), но при нем она была гораздо свободнее, чем во времена Директории. Совмеща

образы и оценки Вольтера и Маркса, уместно заметить, что Наполеон I – высокая трагедия «льва», а его племянник Наполеон III – всего лишь фарс амбициозной «крысы».

Писать об авторитарном голлизме, как точке опоры, которая подняла Францию с колен, вернула ей статус великой демократической державы, значит ломить в открытую дверь. Тем не менее, по словам английского исследователя Дж. Пиндера, де Голль «ограничил исполнительную власть, которая более не вызывала уважения, и предпочел руководить с помощью референдумов, стараясь уничтожить всех посредников между собой и народом» [Pinder, 1963, с. 32–33]. Интереснее заметить, что, если бы де Голль был диктатором, для его ухода понадобились бы переворот или смерть. Но он, однажды не поддержанный большинством нации, ушел «по-английски».

Таковы классические ипостаси *просвещенного*, или *конструктивного* авторитаризма. Их можно без труда умножить, апеллируя, например, к политической практике Германии. Известно, что прусский король Фридрих I гнался за своими подданными по берлинским улицам, колотил их палкой и кричал: «Отчего вы не любите меня, паршивые псы!». Тем не менее, он был Великим реформатором. Еще в большей мере это относится к Бисмарку. До сих пор он импонирует геополитикам школы «политического реализма» афоризмом: «Великие вопросы истории решаются кровью и железом». А в историю он вошел как великий мастер объединения Германии. Можно, наконец, с уверенностью сказать, что, если бы Веймарская республика в Германии была не либеральной, а *авторитарно-демократической*, как рекомендовал М. Вебер, шансы Гитлера на власть были бы ничтожны.

У читателя может сложиться мнение, что автор охотно обсуждает проблему не просто комплементарности, а *синтеза* демократии и авторитаризма «за бугром», но хранит молчание в важном споре на эту тему в родных пенатах. На самом деле замысел с точностью до наоборот – опираясь на мировой опыт, обратиться к отечественному измерению этой проблемы [Левяш, 2000, 2001, 2006] на ее *постперестроечном* этапе.

Ельцинский режим был маргинальным «созвездием маневров и мазурки». Оно оказалось одновременно и помпезно полуцарским, и порой неоправданно жестким, и формально-демократическим, но, в конце концов – анархическим. Интересен в этой связи комплимент В. Гавела: «Петр Великий управлял страной железной рукой, проводя при этом многочисленные реформы» [Цит. по: НГ, 26.03.1996]. Аналогичную осанну в адрес Петра I впервые произнес Маркс.

В чем перспективность *рациональной* (Фромм), или просвещенной, конструктивной авторитарной демократии? В синтезе ее эффективности, справедливости и силы. *Эффективности* – потому что такая демократия гарантирует динамический баланс свободы и ответственности, самоорганизации и организации, частных интересов и социального контроля, конкуренции и социализации. Каждая социальная группа или общность обладает здесь долей власти над властью, основанной на политическом консенсусе. *Справедливости* – потому что роль этих групп в созидании общественного богатства соразмерна их доле в его распределении, а неконкурентоспособные группы надежно защищены. Демократия должна быть *сильной*, чтобы твердой рукой направлять разноликие общественные интересы в русло базовых, общенациональных интересов. «Слабое государство, – писал В. Розанов, – не есть уже государство, а просто «нет» [1974, с. 181].

Главная проблема – в *характере* и *направленности* отечественной авторитарной демократии. Она по определению не может быть либеральной, но в равной мере и тоталитарной, и об этом свидетельствует как тупик западной либеральной демократии, так и отечественной тоталитарной демократии. Такая трансформация роли государства – действительно *общая воля*, но не тоталитарная *неволя* или либеральное *своеволие*. Первая – путь к консолидации и обновлению социума, иные – к его деградации и распаду.

Трезвые мыслители на Западе понимают самоценный и непреходящий смысл формулы Достоевского: «Лишь бы нам осамиться!», и пассионарную способность России, вопреки лихолетьям, «сосредотачиваться» и быть *самой собой*. Американский политолог Д. Ремник, автор книги «Могила Ленина», указывает на глубинные истоки феномена России-Феникса: «Если бы русские сегодня пытались создать современное государство исключительно по иностранным образцам и если бы в русской истории не было бы ничего... на что можно было бы опираться и чем можно было бы гордиться, мало чего можно было бы ожидать. Но... почва российской истории далеко не бесплодна». Ремник приходит к заключению: «Несмотря на очевидную стратегическую слабость России, на Западе преобладает мнение, что она возродится как великая держава» [Цит. по: НГ – Сценарии, 8.12.1999]. Ф. Фукуяма также считал естественным, что после крушения коммунизма и развала СССР встал вопрос о национальных интересах новой России. Даже те, кто выступает за возврат к «объективным» национальным интересам, «внутренне верят, что это означает смену статуса сверхдержавы XX века на статус великой державы XXI века» [Фукуяма, 2000].

Это значит, пишет эксперт Московского Центра Карнеги Л. Шевцова, что, не претендуя на сверхдержавность, «модернистский прорыв готовы поддержать 70 % россиян! Не будем впадать в крайность и идеализировать российское общество... Но для народа, который не имеет традиции политических свобод и самостоятельных институтов, россияне удивительно быстро начали осваивать новые для них ценности» [2005].

Тем не менее, в модернистском прорыве России другой эксперт этого Фонда усматривает альтернативу: «Основной вектор усилий России в новом веке должен заключаться в том, чтобы стать успешной страной... Слово страна сознательно противопоставляется понятию держава» [Тренин, 2002]. Это кредо ведет к слову одного из ключевых российских архетипов, ибо сильное, как изнутри, так и вовне, государство-*держава* было и остается ментальной ценностью россиянина. Искомая формула: «*И успешная страна, и великая держава*». В неизменно новом мире Россия все более возвращает себе роль стабилизатора в «концерте» реальных субъектов международных отношений. К чести Г. Киссинджера, он задолго до принципиального мюнхенского «ревизионизма» В. Путина признал эту роль как кардинально значимый глобальный *инвариант*. «Представление России о себе как историческом игроке на мировой арене должно восприниматься всерьез» [Цит. по: НГ, 9.06.1999].

Разумеется, такая роль требует надежного «панцыря» (Вебер) – не просто «укрепления», а *модернизации* обороноспособности страны. Не менее значимо и творческое видение нового типа взаимообусловленности внешней и внутренней ипостасей России как великой мировой державы. Вызовы России отчетливо просматриваются «по всем азимутам», и предстоит выяснить степень адекватности ее ответов.

2. Гетерогенность Запада – дилемма для России

«Фауст: Куда же мы теперь?»

И. В. Гете

Развивая идеи внешнеполитического «ревизионизма» в конструктивном духе, В. Путин, как президент Российской Федерации, в послании Федеральному собранию отметил: «Российская внешняя политика направлена на совместную прагматическую и неидеологизированную работу по решению насущных для нас проблем. Речь идет об основанной на международном праве культуре международных отношений без навязывания моделей развития и форсирования естественного хода исторического процесса» [Цит. по: МН, 27.04.–3.05.2007].

*Современная культура международных отношений отвергает классическую геополитику «нулевой суммы» и исходит из приоритетной ценности международного права. Однако, в принципе верная, такая ориентация еще не лишена внутренней противоречивости. С одной стороны, Россия еще не вышла за пределы традиционной «Руси прадедов» – незавершенного поиска своих цивилизационных оснований и соответствующих геополитических ориентаций. Вопрос Киплинга: Россия – самая западная из восточных или самая восточная из западных стран? – остается во многом открытым. С другой стороны, в определении внешнеполитического маршрута страна вынуждена считаться с тем, что противоречия глобализации обуславливают *реструктуризацию* мира – расщепление, миграцию и новую консолидацию культурно-цивилизационных комплексов (КЦК) на фоне естественной в этом процессе борьбы за цивилизационную гегемонию или культурное лидерство. В свое время Бисмарк – мастер внешнеполитических гамбитов – советовал русскому послу: «Вся политика может быть сведена к... формуле – постарайся быть среди *троих* в мире, где правит хрупкий баланс пяти великих держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций» [Цит. по: СМ, 2000, № 6, с. 26].*

Кто эти «трое» в начале XXI в.? Самодостаточность даже великих держав в глобальном мире безвозвратно ушла в прошлое, и традиционную или восходящую субъектность демонстрируют четыре актора – один транснациональный (США и НАТО) и три суперрегиональных – Евросоюз, Китай и исламский мир. Отношение к этой триаде во многом зависит от выбора Россией своих культурно-цивилизационных ориентаций, и, если Россия – только Евразия, то восточный вектор вполне оправдан. Если же

Россия – «самая восточная из западных стран», то, не выпадая из евразийского спектра, она должна органично тяготеть к Западу. Проблема – и не только для России, но и Европы в целом, – в том, что после почти векового культурно-цивилизационного и геополитического разлома Европа совершает кардинальную «переоценку ценностей», и реально Россия все более имеет дело с «двумя Западами» – европейским и американским. В таком ракурсе выбор неотвратим, и неизбежно встает вопрос не только о том, «откуда мы» и «кто мы», но и отсюда – *с кем мы* во взаимосвязанном глобальном мире.

2.1. Ракурс Россия – США

«Как гадали при Колумбе об Америке – «те же люди», как и в Европе, но «ходят ногами вверх и головой вниз»

В. Розанов

Еще в 90-х гг. прошлого века казалось, что, как наследник одной из двух сверхдержав биполярного мира, Россия должна «через голову Европы» ориентироваться по преиму-

шеству на формально сохранившие сверхдержавный статус Соединенные Штаты Америки. Однако опыт взаимодействия вначале «перестроечной», а затем и ельцинской России с Америкой показал, что она с неотвратимостью естественного закона конвертирует так называемые «общечеловеческие ценности» на свои национальные интересы, именно их выдавая за универсальные.

Кануло в Лету время, когда государственный секретарь США Дж. Адамс писал: «Где бы – сейчас или в будущем – ни водружалось знамя свободы и независимости, там сердце Америки, ее благословение и молитвы. Но она не пойдет в чужие пределы, чтобы истреблять там драконов. Она желает свободы и независимости во всем мире. Но борется она и защищает только свои собственные свободу и независимость... она даже могла бы диктовать миру свою волю. Но тогда она уже более не смогла бы оставаться хозяйкой своего собственного духа» [Цит. по: Киссинджер, 2004, с. 267]. Уже в начале XX века президент Т. Рузвельт провозгласил: «Пресная праведность, не подкреплённая силой, точно так же безнравственна и даже еще более вредоносна, чем сила, лишённая права» [Там же, с. 269]. Пришедший ему на смену В. Вильсон, пишет Киссинджер, полагал, что «у Америки более высокое нравственное призвание: переделать мир по своему образу и подобию» под углом зрения вопросов «Верно ли это? Справедливо ли это? Соответствует ли это интересам человечества?» и, разочарованный Версальским миром в 1919 г, заявил, что христианские нормы нужно «вбивать силой». И даже президент Т. Рузвельт в 1941 г. подчеркивал, что целью американской политики являются «четыре свободы... и притом повсюду в мире». Так, пишет американский дипломат, «США облачились в мантию... защитника и борца за права народов всего мира» [Там же, с. 276].

В 90-х гг. США продолжили строительство «потемкинской деревни» своего универсализма. Заместитель госсекретаря С. Тэлбот утверждал, что «американский народ хочет, чтобы внешняя политика его страны руководствовалась идеальными ценностями, а не только реальными интересами. Соединенные Штаты вполне осознанно и неизменно полагают, что их страна основана на системе идей и идеалов, которые применимы повсюду в мире» [Talbot, 1994, с. 49]. В документе «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» утверждалось, что они «остаются самой мощной силой, стоящей на страже мира, процветания, всеобщих ценностей демократии и свободы», но «императив вовлеченности» требует, что «мы должны лидировать в мире... проявлять свою волю и способность к глобальному лидерству». И вновь – заверения в том, что «в основе международного лидерства США лежит сила демократических идеалов и ценностей» [Стратегия..., 1999].

Однако авторитетный американский политолог Т. Грэхем не считает нужным скрывать «голового короля». В статье, адресованной специально Москве, он откровенно пишет, что «вызов для США состоит лишь в том, чтобы разумно использовать свою мощь для углубления своих интересов, а не растрачивать ее на второстепенные дела» [Цит. по: НГ, 31.05.2001]. Ранее эти интересы кристаллизовались в известном афоризме: «Что хорошо для Дженерал моторс, хорошо для Америки». Ныне – что хорошо для Америки, хорошо для мира, и эта формула уверенно проецируется на мировую *перспективу*. Геополитики Дж. и М. Фридманы в книге «Будущие войны и американское мировое господство в XXI веке» не только пишут о том, что «двадцать первый век будет американским веком», но видят в нем «начало американской эры, начало *американского тысячелетия*» [Цит. по: Геополитика..., 2006, с. 64].

В этом есть своя – неистребимо имперская – логика. Было время, и наследники Цезаря называли Рим «вечным городом» в то время, когда он уже рушился. Официальная Америка «под собою не чуяла» планеты, подменяла причины следствиями, особенно в контексте американской «склонности... поднимать переполох по поводу «национальной безопасности»... эта ее несамостоятельность вполне реальна и подчас прискорбна» [Лернер, т. 2, с. 473]. Историк из Йельского университета Т. Снайдер в статье «Оруэлл, двадцать лет спустя» писал,

что президент США, неокон Буш-младший «без конца толкует о свободе, так что уже тошнит» [Цит. по: ЛГ, 30.03.– 5.04.2005]. Даже известный и признанный аргус американских национальных интересов усматривал в этом «типичный пример катастрофической некомпетентности государственного руководства» [Бжезинский, 2005]. Симптомы тупика множились, и они были заметны уже на американском политическом Олимпе. Вначале «бунтовали демократы... каким все-таки образом умудрилась администрация завести страну в такое болото... Но вот то, что взбунтовались республиканцы, партия власти, это новость... Как сказал один из вашингтонских острословов, «Буш выглядит сегодня так, словно готов внести 28-ю поправку к Конституции о праве президента задать простой вопрос: «Можно, я пойду домой?»» [Янов, 2005].

Общий баланс старомодных претензий США на «сверхдержавность» подвели ведущие американские политологи и геополитики. Многоопытный Г. Киссинджер констатировал, что «перед лицом, быть может, самых глубоких и всеобъемлющих потрясений, с какими когда-либо сталкивался мир, они не в состоянии предложить идеи, адекватные возникающей новой реальности» [2002, с. 3]. По словам директора Фонда Никсона Д. Саймса, у США, конечно, есть глобальная *роль*, но это вовсе не означает, что у них есть глобальная *миссия*.

Поучительный парадокс в том, что именно эта миссия непреходяще выдается как защита «общечеловеческих ценностей», и США не только по-прежнему видят мир сквозь призму этого софизма (подмены основания), но деятельно и упорно «выпрямляют спираль» мира в этом духе. Независимо от партийных «качелей» в США – это их внешнеполитический *инвариант*, хотя он и выявляется в разных формах. Интересы правящих элит США далеко не всегда не совпадают с интересами мирового сообщества, а редукция к ним универсальных ценностей – их «похищение» у мира.

Анализ американской внешнеполитической реальности затруднен прежде всего неоимперскими интересами и производными от них мифологемами Вашингтона относительно Москвы. В прежнем двухполярном мире их отношения напоминали черно-белый телевизор: США олицетворяли «империю добра», СССР – «империю зла», и почти все – от сути до эволюции стратегий – решалось в духе *realpolitik*. В 1946 г. посол США в СССР Дж. Кеннан впервые предложил идею *сдерживания* – удержания СССР строго в пределах той сферы влияния, которую он создал в ходе борьбы против нацистской Германии и милитаристской Японии. Президент Г. Трумен официально провозгласил эту стратегию. Вашингтону было недостаточно «сдерживания», и поэтому идея Кеннана оказалась неприемлемой для части американской элиты как «слишком оборонительная» концепция. Консерваторы требовали «отбросить» СССР и избрали наступательный курс. Базовые документы той эпохи позволяют понять, как это происходило в обстановке распада-развала СССР.

Вот достойные воспроизведения опорные мысли мемуаров «Как изменился мир» президента Дж. Буша-старшего и Б. Скаукрофта – советника по национальной безопасности:

«*Буш*: Я лично считал, что идеальным вариантом было бы рассеивание Советского Союза, когда возникли бы различные государства, но ни одно из них не располагало бы такой ужасной мощью, какая была у Советского Союза.

Скаукрофт: Я считал, что для нас будет лучше, если Советский Союз развалится... Вместе с тем я не считаю, что такой должна быть *официальная* американская политика. Такая позиция почти гарантировала бы враждебное отношение в долгосрочном плане большинства русских граждан, которые составляют большинство населения Советского Союза.

Буш: 8 декабря (1991) мне позвонил Ельцин, чтобы рассказать о своей встрече с Кравчуком и Шушкевичем.

Ельцин... Это чрезвычайно важно. Учитывая уже сложившуюся между нами традицию, я не мог подождать даже десяти минут, чтобы позвонить вам (Горбачеву сообщили позже – *И. Л.*)...

Скаукрофт: Вслед за соглашением о создании СНГ Ельцин рьяно работал над завершением распада Советского Союза.

Больше всего запомнился Бушу звонок Горбачева к нему в Кэмп-Дэвид на Рождество с подражениями... Это был звонок о том, что на столе у президента СССР – указ о его собственной отставке, что никаких катаклизмов в бывшем СССР не должно быть, что Горбачев передает власть и «ядерный чемоданчик».

«Горбачев: У вас будет очень спокойный рождественский вечер».

Буш: Это был голос хорошего друга; это был голос человека, которому история в огромной мере воздаст должное. В этом телефонном звонке было что-то значимое. Здесь звучал голос истории. Во время разговора я чувствовал себя буквально частью исторического процесса. Это было очень важное событие, некий принципиальный поворотный пункт. Боже, как нам повезло в нашей стране – мы столько раз были удостоены твоей милости».

Скаукрофт резюмирует: «Итак, все закончилось... Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении... Мы внесли свою лепту в поиски благоприятного исхода из этой великой драмы, но ключевой фигурой заключительных сцен был скорее всего сам Горбачев... когда надо вырабатывать и закреплять жесткие программы экономических реформ, он, как Гамлет, уклонялся от выполнения своей задачи. В то время как я называю эту тенденцию к колебаниям *недостатком*, с нашей точки зрения, это было *благодатью*. Если бы у Горбачева была авторитарная политическая воля его предшественников, то мы бы и сейчас имели Советский Союз. Это был бы *обновленный и усиленный Советский Союз*» [Джордж..., 1998].

В известном смысле директор Московского Центра Фонда Карнеги С. Брукнер был прав: «Запад всегда будет наступать на Россию, когда только сможет, и это никогда не изменится» [Цит. по: НГ – Сценарии, 1999, № 3]. Но книга Буша – Скаукрофта также подтверждает мнение О. Бисмарка: «Обыкновенно думают, что русская политика чрезвычайно хитра и искусна, полна разных тонкостей, хитросплетений и интриг. Это неправда. Она наивна» [Цит. по: История России..., 1997, с. 10].

Вопрос в том, может ли Россия позволить себе такую *наивность* в начале XXI века, когда она имеет дело как с *вызовами* глобализации, так и с геополитическими *угрозами* разрушения ее целостности. В начале XXI в. крепнущая Россия не оставила повода для таких геополитических «снов», и США вновь ввели в антироссийскую «шахматную игру» козырную карту своего миссионерства под штандартом «оплота свободы и демократии». Однако *тактика* во многом изменилась. С одной стороны, Россию прессингуют, когда она претендует на *суверенную* демократию, с другой – в духе Хантингтона готовы ослабить давление при условии поддержки Россией глобальных претензий США.

Зб. Бжезинский в интервью «Независимой газете» был более однозначным: «В США широко распространилось разочарование по поводу тенденции, уводящей Россию от демократии... что тормозит превращение России в ведущую современную демократическую страну. Притом в европейскую страну» [НГ, 29.07.2005]. Гроссмейстер глобальной «шахматной игры» позволил себе публикацию статьи с выразительным названием «Moscow's Mussolini (Now Putin Is Creating a Fascist State)» [Brzezinski Moscow's..., 2004]. Даже обычно настроенный в саентистском духе Ф. Фукуяма заявил: «В США наблюдается разочарование тем, в какую сторону меняется Россия. Это можно сравнить с разочарованием любовника... мы думали, что Россия идет к эффективной либеральной демократии, как Чехия или Венгрия. Но мы с приходом Путина столкнулись с не очень демократическим государством с точки зрения сдержек и противовесов в виде гражданского общества, свободной прессы и т. д.» [Цит. по: МН, 22–28.06.2007].

Поворот американского руля стал предельно ясен, когда политический компас указал в направлении такой масштабной, по сути планетарной, акции, как торжества в Москве в связи

с 60-летием Победы над фашизмом. О величии этого триумфа, его ключевой и непреходящей роли в спасении европейской и мировой цивилизации и культуры от «зверя из бездны» в свое время писали даже недружественные СССР авторитеты. Достоин великого политика откровение У. Черчилля: «На протяжении последних двадцати пяти лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Но все это бледнеет перед тем зрелищем, которое раскрывается перед нами теперь. Прошлое с его преступлениями и трагедиями отступает в сторону. Дело каждого русского, борющегося за свой дом, является делом всех свободных людей во всех уголках земного шара» [Цит. по: МН, 18–24.03.2005]. Вашингтонский патриарх Г. Киссинджер усмотрел в этом подвиге закономерный итог двухвековой внешней политики России: «Как это ни парадоксально, в течение последних 200 лет баланс сил в Европе в нескольких случаях был сохранен благодаря усилиям и героизму России. Без России Наполеону и Гитлеру наверняка удалось бы установить всемирные империи» [Цит. по: НГ, 6.04.1999].

Однако официальный Вашингтон не только пренебрег нашим общим антифашистским наследием. Нельзя сказать, что в Америке не размышляли над конструктивными альтернативами. Президент Центра Никсона (Вашингтон) Дм. Саймс анализировал *иллюзии* Вашингтона, которые еще смотрят на Россию «сквозь призму холодной войны». Во-первых, «Россия Путина сравнивается не с характерной для ельцинского периода смесью авторитаризма, хаоса и коррупции, но с демократией, реформами, верховенством закона, которых прежде в стране практически не существовало». Во-вторых, «усилия Путина по укреплению государства... как правило, осуждаются здесь как новый авторитаризм», потому что, резонно замечал эксперт, «игнорируется, как и почему в данном случае поступает правительство».

Саймс признал, что «в этом контексте и при очевидной фокусировке... на продвижении демократии оправдывать сохранение американо-российского партнерства становится сложнее». Но это проблема не столько Москвы, сколько Вашингтона, потому что «Россия слишком важна, чтобы ее игнорировала какая бы то ни была администрация... Россия – это великая держава, у которой есть собственные интересы, взгляды и обстоятельства». Политолог дал не лишенный резона совет: «Россию не будут по-настоящему уважать, пока она не станет достаточно прозрачно формулировать свою... политику, а последняя не будет приносить разумных результатов. Недостаток уважения особенно важен, поскольку Россию по большому счету перестали бояться» [Цит. по: НГ, 25.04.2005]. По сути это рекомендация искомого *синтеза universalis и realpolitik*.

Директор Института международных исследований Стэнфордского университета К. Блэкер обратил внимание на *взаимосвязь* между укреплением российской государственности и реакцией на этот процесс в Вашингтоне. Ранее республиканцы критиковали Клинтона за вовлеченность в российские внутренние дела и утверждали: «Мы будем относиться к России как к великой державе, какой она является. Мы будем иметь дело с той Россией, какая есть». И они держались этой линии вплоть до 11 сентября 2001 года. «Внезапно для них опять стало важным иметь какое-то понимание траектории движения России».

Блэкер рационально объяснил такую перемену, и оно целиком стоит курсива: *«Все, что делает Путин, проистекает из одной и всеобъемлющей цели, какой является восстановление России в качестве великой державы... Я не считаю и никогда не ощущал того, что политика Путина движима политическими расчетами, связанными со свертыванием демократии... Ясно, что это отступление от либеральной демократии. Но не думаю, что это ее разгром. Вообще существует множество форм демократии. Я согласен с тем, что Путин сказал Бушу: Россия будет демократической, но демократической по собственному выбору. Я имею в виду, что важен контекст – культурно-исторический контекст... Я считаю важным для России определенное восстановление национальной идентичности вдоль культурных линий, вдоль исторических линий... Нет никаких оснований полагать, что Рос-*

сия должна имитировать политическую культуру Германии, Великобритании и Соединенных Штатов для того, чтобы быть демократической. Россия найдет свой собственный путь» [НГ, 3.06.2005].

Знарок российско-советской политической истории С. Коэн считает обоснованным право России на идентичность, включая уроки демократического процесса по аналогии с другими народами. Он пишет, что французы и американцы со временем изменили образы своих национальных революций в контексте современных ценностей. Американцы простили своим отцам-основателям их рабов. США почти 50 лет руководили президенты-работодатели, а не имевшие рабов были сторонниками рабства. Более того, труд рабов использовался даже при строительстве Капитолия и Белого дома. Женщины в этой стране начали голосовать только в 1920 году. Коэн настаивает на аналогии: «Почему же российская демократическая нация не могла бы со временем простить Ленина и других основателей советской системы, которые все-таки были приверженцами демократии, хотя и подавляли ее? Простить как представителей своей эпохи...» [Цит. по: Коэн, 2005, с. 142].

Такие доводы свидетельствуют о том, что неангажированные американские эксперты признают легитимность российской суверенной демократии и видят перспективу ее поступательного развития. Это означает, что Дм. Саймс лишь отчасти прав, когда писал, что «такая, по-новому уверенная в себе Россия менее склонна прислушиваться к зарубежным советам...» [НГ, 10.06.2005]. Очевидно, Россия готова прислушиваться к компетентным советам, основанным на уважении к ней, и об этом свидетельствует внимание, которое российская элита уделяет аналитике названных выше и многих других экспертов. Россия заинтересована и готова «стать реальным партнером США», но решительно – не их сателлитом. Этот принцип известен давно: «Служить бы рад, прислуживаться – тошно».

Тем не менее, Дм. Саймс прав в том, что России еще недостает способности «достаточно прозрачно формулировать свою политику». Точнее, она не вполне овладела мудростью и искусством синтеза *universalis* и *realpolitik*, резко перейдя от горбачевско-ельцинской абсолютизации первой ко второй. Об этом свидетельствует, при понятном неприятии однополюсного и даже «полутораполюсного» мира, концепция и практика *многополюсного* мира, в котором Россия – один из его ведущих игроков. Такой подход вряд ли соответствует интересам как России, так и мира. «В условиях многополярного мира каждый из «полюсов» обречен на противостояние единственной сверхдержаве. Но такое позиционирование обнаруживает уязвимость России по ряду известных важных параметров. В многополюсном мире Америка имела бы дело с разобщенными субъектами международных отношений, и России это не гарантирует стабильности... Нам необходимо настойчиво стремиться к отказу от устаревшей геополитической парадигмы». Отсюда – реалистическая констатация: «Мир превратился не из биполярного в многополюсный, а из двухмерного в многомерный... это пересекающиеся и взаимодействующие друг с другом, но все же разные миры... Для каждого измерения должна существовать своя стратегия» [Ионин, 2000]. Если многополярный мир это «многополюсный миф» (Мирский), то более адекватным геоглобалистскому подходу представляется концепт *многомерного* мира.

Растущая многомерность мира подтверждается выявленным в предыдущем разделе книги феноменом Запада как двуликого Януса. Суть этой двуликости кратко выразил М. Лернер: «Европа разрывается между нуждой в Америке и отвращением к ней» [Т. 2, с. 469]. В этом фрейдистском комплексе «любви-ненависти» геополитика – лишь вершина айсберга, а его основание – фундаментальное, глубинное раздвоение «Запада», дистанцирование и подготовка к «разводу» американского и европейского культурно-цивилизационных комплексов.

Некоторые сторонники политики *universalis* еще питают иллюзии на этот счет. Так, А. Этциони пишет: «Отношение Америки как сверхдержавы к региональным организациям в

целом (и к Европейскому Союзу, в частности) покажет, к созданию какой глобальной архитектуры она стремится» [2004, с. 161–162]. В этом духе – его предложение о трансформации НАТО «в глобальный альянс за мир и процветание, в котором Россия приняла бы полноправное участие» [Там же, с. 38–39]. Пока же и в обозримом будущем происходит «с точностью до наоборот». Отсюда – упорная реализация выработанного еще в период холодной войны, но не афишируемого «плана Анаконды» – изоляции, окружения и «удавления» той России, которая не приемлет удел евразийского шерифа США. Отсюда – и попытка, выражаясь словами М. Голдмана, «въехать в квартал», втянуть в сферу американского влияния ряд новых государств, примыкающих к России.

Здесь – воспаленный нерв проблемы, но она уже далеко не столь однозначна, как в период глобальной конфронтации СССР и США. Ныне формула – с одним известным и двумя неизвестными. Вполне прозрачно откровение газеты «Уолл-стрит джорнэл»: «Россия – враг... Главное – внешняя политика России открыто враждебна политике США, даже там, где это не обещает России никаких выгод. Настало время, когда мы должны начать считать Россию Владимира Путина врагом Соединенных Штатов» [Цит. по: МН, 22–28.12.2006].

Не менее известны и оценки российских геополитиков. «Отношения между США и Россией натянуты... Эти отношения быстро сползают от незначительного партнерства к совсем холодному миру, по симптоматике напоминающему холодную войну. Нарастающая конфронтация опережает сдержанный оптимизм» [Геополитика..., 2006, с. 45]. Не удивительно, констатирует Э. Качинс, что «в то время как многие в США стали более скептически относиться к партнерству с Россией, значительная часть российской политической элиты также испытывает сомнения по поводу перспективы партнерства...» [Цит. по: НГ – Дипкьюрер, 21.02.2005].

Неизвестные слагаемые глобального неустойчивого баланса в решающей мере зависят от неопределенности *характера* и *способа* взаимосвязей между США, Европой и Россией. Без России как «своего-другого», ЕС обречен на американизацию и в итоге – на культурно-цивилизационную вторичность и удел протектората *Rex Americana*. Напротив, вместе с Россией в пространстве Большой Европы ЕС в принципе способен достичь искомой европейскости и реализовать модель альтернативного геоглобального обустройства.

Видимо, императив – в разрешении фундаментальных дилемм. Пора внести ясность в самоопределение России относительно «Запада». Если гомогенный «Запад» – уже мифологема, то отношения России с США и Европой, оставаясь взаимосвязанными (хотя и по-новому), по определению не могут совпадать. Демонизация США и антиамериканизм, как и всякое «анти», не продуктивны в принципе. Необходимо понимание реальной роли США и меры конструктивного взаимодействия к ним. Но культурный, ценностно-смысловой и отсюда – геоглобалистский выбор и стратегические приоритеты России – не за океаном, а в Европе. С таких позиций в ее пространстве наиболее емкая из дилемм – *европейскость* относительно американизма и европейскость относительно *российскости* – не только самоидентификации России как Евровостока или Евразии, но и высокой вероятности их сложного, но все же реального синтеза.

2.2. Европейский выбор России: pro и contra

«Ни Россия в будущем не сможет жить без Европы, ни Европа без России»

Иоанн Павел II

«Россия – наследница тоталитарной Азии; ее ценности несовместимы с ценностями Европы»

О. Халецки

Вынесенные взаимоисключающие суждения свидетельствуют о по-прежнему *открытом* характере сформулированной Р. Киплингом дилеммы: Россия – самая восточная *Европа* или самая западная *Азия*? В этой проблеме *самоидентификация* и *идентификация* России неотделимы друг от друга, но, думается, решение загадки русской – Сфинкс – прежде всего ее вопрошание к *себе* о собственной сущности и только в таком контексте – вопросы об отношении Европы к России.

Глубинная причина по-прежнему открытого характера дилеммы «Россия и Европа» или «Россия в Европе» в том, что, подобно «расщеплению» Запада (хотя и на иных основаниях), в отношении к Европе уже веками существуют *две России*. Н. Бердяев объяснил это фундаментальное противоречие бинарностью европейски ориентированного «сверхкультурного» логоса России и хаоса ее «азиатчины». Обе культуры имеют своих выдающихся адептов. В глубоко укорененном культурном «раздвоении единого» по сути в двух разных исторических временах – традиционном и модерна – веками прослеживаются две основные тенденции, незавершенный поиск позиционирования России по смысловой горизонтали *Запад-Восток*.

Бердяев пронизательно выявил парадокс *взаимопроникновения universalis* ценностей российского западничества и *gealpolitik* интересов славянофильства. С одной стороны, «отрицание России и идолопоклонство перед Европой – явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души». Не менее очевидный «парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли» [1990, с. 54].

Критики славянофильства иногда представляют его как сублимацию *незрелости* русского национального самосознания. Один из персонажей Достоевского утверждал, что «за невозможностью быть русским стал славянофилом» [Т.10, с. 436], другой заключил, что «мы переверканы до такой степени, что русскими быть не можем, и я стал славянофилом» [Т. 11, с. 295]. Между тем славянофильство сформировалось в результате *вызревания* русской идеи. Оно было подготовлено патриотическими идеями Ломоносова, оппозицией просветителей Новикова, Фонвизина, Карамзина, Радищева «офранцузиванию» русского общества. Зрелость этих мыслителей выявлялась как в неприятии квазипатриотического «русопияства», так и в нередкой русофобии. Вместе с тем, подлинно патриотический пафос славянофилов сочетался с противоречивым отношением к Европе. С одной стороны, Киреевский вполне определенно назвал основанный им в 1829 г. журнал «Европеец», с другой – это течение не избежало антиевропейской ксенофобии и миссионерства.

Закат классического славянофильства и его естественного производного – панславизма ясно выразил прозревший Достоевский. По его словам, славянофильство «дожило до самого своего верха и, стало быть, дальше не пойдет». Теперь понятно, что «все эти всеславянства и национальности – всё это слишком старо, чтобы быть новым» [Т.10, с. 32].

Были ли западники *русскими патриотами*, защищали ли они базовые интересы России, как и ее высшие ценности? В. Белинский взывал «к той истинной любви к Отечеству», которая «должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину – значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества» [1979, с. 225]. В письме В. Боткину (1847) он писал: «Я – натура русская. Скажу тебе яснее: я русский и горжусь этим... Не хочу быть даже французом, хотя эту нацию люблю и уважаю больше других. Русская личность пока – эмбрион, но сколько широты и силы в натуре этого

эмбриона». Уже в последние годы своей жизни «неистовый Виссарион» заключил: «Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях... В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль» [Цит. по: НГ, 14.06.2001].

Концептуальные основания русского западничества ясно выразил В. Ключевский: «Чем кто больше любит свое отечество, тем настойчивее должен проводить это (европейское – *И. Л.*) влияние. Всякий патриот должен был стать западником, и западничество должно было стать только одним из проявлений патриотизма... Западная культура для нас вовсе не предмет выбора: она навязывается нам силой физической необходимости. Это не свет, от которого можно укрыться, – это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая» [1983, с. 18–19].

В воззрениях В. Розанова общецивилизационная эволюция России так же необходима, как и сохранение ее культурной идентичности. С его точки зрения, «как было бы ошибочно назвать «западником» Ломоносова, так ошибочно будет назвать Погодина «славянофилом»... Они были слишком даровиты и жизненны, чтобы принять эти, в конце концов, несколько книжные теории... Западничество и славянофильство, так и не соединимое в книгах, соединяются... в живой натуре человека, которая богаче, могущественнее и правдивее всякой логики» [1992, с. 81].

Все точки над «і» исчерпывающе расставил П. Струве: «Я западник, и, следовательно, националист». Н. Бердяев подчеркивал, что славянофильство и западничество были двумя необходимыми ипостасями вызревания смыслового *синтеза*. Россия – «целый огромный мир, объединяющий бесконечное многообразие, великий Востоко-Запад...» [1990, с. 101, 116]. На почве буржуазной культуры она «никогда не будет талантлива. Ее гениальность в ином... Миссия России быть Востоко-Западом, соединительницей двух миров» [1994, т. 1, с. 302].

Эти строки написаны под влиянием революций 1917 г. в России. Попытка духовного облагораживания большевизма, его интеграции в контекст первородной русской идеи стали смыслом идейно-политического движения, которое в 1921 г. провозгласило себя как *евразийство*. По Бердяеву, «евразийцы стоят вне обычных «правых» и «левых» [Россия между..., 1993, с. 12]. Тем не менее, П. Савицкий правомерно подчеркивал, что евразийство «лежит в общей со славянофилами сфере», однако последнее «было течением провинциальным, домашним» [Там же, с. 102, 103], отягощенным этнонационализмом. Это положение принципиально важно для понимания масштабов и псевдо-универсалистского смысла евразийства. Как писал отошедший от евразийства П. Флоровский, евразийцам «первым удалось расслышать живые и острые вопросы творимого дня», но все же «это – *правда вопросов*, а не правда ответов, правда проблем, а не решений...» [Там же, с. 22].

Когда студенты Московского университета обратились к Достоевскому с письмом, он ответил, что, отстраняясь от российского общества, студент «уходит... куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство не бывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает с народом» [Цит. по: ЛГ, 26.01–1.02.2005] Но по самоопределению «русский европеец» мыслитель был убежден: «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, *всечеловеком*... Для настоящего русского Европа и удел великого Арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел всей родной земли, потому что наш удел и есть всемирный» [Т. 26, с. 147–148].

Русский человек в Европе ментально и издавна «у себя дома». Ее, говоря словами Ф. Достоевского, «священные камни» это не только хранимый сакральный пепел великих русских культурных и политических деятелей, которые *учились* у Европы и *учили* ее, но и общее,

вопреки расколу, христианское наследие и общая страшная цена, заплаченная за освобождение Европы от нацистской чумы.

Но память хранит и иное. Чудовищная закономерность XX в. заключается в том, что дважды Россия и Германия воевали на истребление, а в выигрыше оказывались США. В 1941 г., как упоминалось ранее, президент Г. Трумен цинично говорил: «Если мы увидим, что побеждают немцы, то будем помогать русским, если же будут побеждать русские, то следует помогать немцам. И пусть они убивают друг друга как можно больше» [Цит. по: НГ, 22.06.2001]. Так поступают только «не-свои-чужие».

Известна роль России в объединении германских княжеств в единое государство. Она оказала им существенную поддержку, и канцлер Вильгельм I прислал Александру II прочувствованную телеграмму, утверждая, что «Германия обязана своим объединением только России» [Цит. по: СМ, 1997, № 12, с. 69]. Интересно, что Бисмарк, прислушиваясь к Ницше, заклинал никогда не воевать с Россией и трактовал отношения с ней в «семейном» духе: «Тевтоны – муж, славяне – жена» [Цит. по: Розанов, 1970, с. 418]. Тем не менее, австро-венгерский кайзер Франц Иосиф писал своей матери: «Наше будущее – на востоке, – и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере... мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, и наш естественный противник на востоке – Россия» [Кайзеры..., 1997, с. 433].

Ключевые слова здесь, вопреки геополитической интриге (в равной мере характерной для Бисмарка, Ришелье и Горчакова), – «*наше будущее на востоке*» как пространстве «*друзей*». Страшная правда и в том, что этот смысл был подорван нацистским геноцидом славянства. Испытываемый сегодня Германией комплекс *исторической вины* не снимает кардинального вопроса: являлись ли споры и даже «ссоры» России с другими государствами Европы индикаторами национализма, не дозревшего до осознания коренной общности *единой* культурно-цивилизационной «*семьи*» или они стали свидетельствами столкновения *различных* цивилизаций? Приблизиться к решению этой грандиозной проблемы можно путем постижения контекста *эволюции* реальной роли России в Европе, анализа далеко не однозначных оценок России в Европе и, напротив, столь же противоречивого видения Европы самой Россией.

Исследователи отмечают, что, в отличие от преимущественного интереса Европы к мусульманскому Востоку в средневековый период, Россия стала предметом пристального внимания, начиная с эпохи Возрождения. Эней Сильвий Пикколомини (папа Римский Пий II) считал русских *европейцами* в связи с их *христианским* вероисповеданием и искал союза с Россией против мусульманской угрозы. Такая интенция еще долгое время вызывала различные суждения и споры. В начале XVI в. Ф. Рабле причислял русских к *язычникам*, или неверным (*mecreants*), скопом зачислив в эту категорию «москвитов, индусов, персов и троглодитов».

В 1620 г. Иоанн Ботвид в докторской диссертации обсуждал вопрос: «Являются ли москвиты *христианами?*» (король Швеции почтил своим присутствием ее защиту) [Мережковский, 1991, с. 197]. В доминировавшие представления той эпохи входила еще тема *цивизованности* русских. Считалось, что они не достигли эталонного (т. е. западноевропейского) уровня, и по этой причине подчеркивалось их *варварское* состояние, недостаток цивилизованности. Когда Дж. Мильтон называл Московию середины XVII в. «самым северным регионом Европы, который можно признать цивилизованным», то этот отзыв можно было счесть почти комплементарным на фоне той дурной репутации, которую ей приписывала версия, доминирующая в Европе того времени.

В XVIII–XIX вв. имидж России продолжал оставаться двусмысленным. Об этом свидетельствуют крупнейшие европейские авторитеты. Г. В. Лейбниц называл русских «кре-

щенными медведями». Ж. де Местр впервые высказал идею о том, что историческая судьба России пока *не определена*. А. де Кюстин совершил путешествие в Россию и заключил, что ей еще «предстоит угадать партию своей национальной карьеры». Отрезанная от Европы христианским расколом и татарским нашествием, она не стала частью европейского мира: «Это не Европа, или, по крайней мере, это азиатская раса, оказавшаяся в Европе. Для того, чтобы предстать достойной гостьей на европейском пиршестве, Россия должна последовательно пройти все стадии развития европейских стран, подчиняясь собственной традиции, и тогда законы универсального развития приведут ее туда же, куда до сих пор приводили всех» [Кюстин, 1994, с. 98, 103–104]. В период вторжения Наполеона в Россию Гейне в начале оплакивал его поражение «на ледяных полях Севера», где «сыны огня и свободы погибают от стужи и от рук рабов», но, прозрев под влиянием освободительной роли России в русско-турецкой войне 1829 г., отмечал, что «русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечия языческого национализма» [Соч., т. 4, с. 227].

Хорошо известно, что Гегель отчетливо подразделял народы на «исторические», субъектов истории, и «неисторические», которым «нечего сказать» миру. Правомерность такого различения спорна и требует специального анализа. Однако в пределах нашей темы существенно отметить, что в 1821 г. Гегель в частном письме, получившем впоследствии широкую известность в России, писал российскому респонденту: «Вы счастливы, что имеете отечество, занимающее столь огромное место во всемирной истории, отечество, которому, без сомнения, предстоит еще гораздо более высокое предназначение. Другие государства как будто бы уже достигли цели своего развития, быть может, кульминационный пункт некоторых из них уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощной силой среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную свободу развития своей интенсивной природы» [Цит. по: МН, 24–30.11.2006]. Напомним, что эти строки принадлежат мыслителю-*европоцентристу*, и в такой оптике – его оценка динамики российского потенциала как европейского по своей природе.

Однако эти перспективные идеи тогда не стали парадигмой. Даже О. Шпенглер, который критически относился к западному центризму, писал, что «слово Европа и возникший под его влиянием комплекс представлений были единственной причиной, заставлявшей наше историческое сознание объединять Россию и Европу в одно ничем не оправдываемое целое... Все это слова, заимствованные из банального толкования географической карты и не имеющие под собой никакого реального основания» [1993, с. 50]. «Будущее Британской империи, – говорил в 1919 г. британский премьер-министр Ллойд Джордж, – может зависеть от того, как будет развиваться ситуация в России, и лично я не могу хладнокровно думать о могучей и единой России со 130-миллионным населением» [Цит. по: История..., т. 1, с. 96–97]. Известный польский социолог О. Халецки в годы послевоенного протектората СССР над Польшей свел застарелые счеты «между славян»: «Россия – наследница тоталитарной Азии; ее ценности несовместимы с ценностями его концепции Европы». Такой дальтонизм порой в принципе не знает меры. Не говоря уже о Польше, первый канцлер ФРГ К. Аденауэр чувствовал дискомфорт, проезжая поездом Среднюю Германию, и опускал шторы, чтобы «не видеть этой азиатской степи» за окнами вагона [Цит. по: ОНС, 1997, № 6, с. 89]. Далеко ли русофобия ушла со времен холодной войны, свидетельствует Г. Кроне-Шмальц, корреспондентка телевидения ФРГ в Москве, автор нескольких добротных книг о России. Уже в 2005 г. она констатировала, что «в случае с Россией налицо *громдный разрыв* между существующими в этой стране *реалиями*, с одной стороны, и *стереотипами*, все еще сохраняющимися в западных головах, – с другой» [НГ, 14.10.2005].

Как ранее не без оснований заметил персонаж Достоевского, «ненависть тут тоже есть... они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг пере-

строилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России...» [Т. 10, с. 110–111].

Однако было бы односторонним утверждать, что дальтонизм русофобии фатально гнездится в недрах *ratio* геополитики или ментальности. В действительности они издавна и прочно включают в себя и свою противоположность – не менее фундаментальную *русофилию*.

В последней четверти XIX в. обострение отношений между Россией и другими великими державами привело к тому, что «Европа хмурится и вновь начинает беспокоиться» [Достоевский, т. 10, с. 375]. В это критическое время самым веским оказалось ницшеанское видение *сущего и должного* России. В отличие от версии России как азиатской страны, мыслитель усматривал реальность в «громадном срединном царстве», где «сильнее и удивительнее всего сила воли проявляется, где Европа как бы возвращается в Азию – в России» [1990, т. 2, с. 244].

Мыслитель отчетливо видел историческое величие России в таких признаках, как «воля, побуждающий инстинкт, антилиберальная до яркости – воля к традиции, к авторитету, к ответственности за целые поколения, к солидарности прошлых и будущих поколений, из рода в род... Если такая воля налицо, то возникает что-нибудь вроде Римской империи или вроде России – единственной страны, у которой в настоящее время есть будущность, которая может ждать, может обещать...» [1990, т. 1, с. 403]. Ницше предлагал Европе последовать примеру России, «решиться сделаться столь же сильной, а именно получить единую волю» с тем, чтобы уже в следующем столетии она была способной осуществлять такую же «метapolитику», как и российская [1990, т. 2, с. 244, 245]. Даже «как бы возвращение» России в Азию не довод для отрицания ее *европейского* характера. Историческая судьба Европы *неотделима* от судьбы России. «Мыслитель, у которого на совести лежит будущее Европы, при всех своих планах, которые он составляет себе относительно будущего, будет считаться... с русскими, как наиболее верными и вероятными факторами в великой борьбе и игре сил» [1990, т. 2, с. 287]. Ницше писал не только о том, что «мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе», но и провозглашал: «Никакого американского будущего!» и максималистски требовал: «Сращение немецкой и славянской расы» [1998, т. 1, с. 42–43].

После Первой мировой войны А. М. ван ден Брук, ведущий представитель идеологии Консервативной Революции, выдвинул идею союза с Россией, несмотря на приход к власти ленинского большевизма. Граф фон Брокдорфф-Ранцау предложил дипломатический проект, который привел к германо-советскому анти-Версалью – соглашению в Раппало (подписанному Ратенау и Чичериным в 1922 г.). Тенденцию формирования паневропейского пространства отмечал К. Хаусхофер в основанном им в 1924 г. журнале «Геополитика».

Новый этап русофилии, основанной на паневропейской идее, наступил под решающим влиянием голлизма в Западной Европе. Де Голль в радиообращении о результатах своего визита в СССР в 1966 г. назвал его «визитом вечной Франции в вечную Россию». Это прочная традиция. И. Батай, редактор журнала «Геополитика», профессор Сорбонны (Франция), отмечал, что неоголлизм «не воспринимает Европу как некое ограниченное пространство... Сорок лет назад было сказано, что Европа простирается от Атлантики до Урала. Мы считаем, что она простирается от Атлантики до Тихого океана» [Цит. по: МН, 8–14.12.2006]. Известный геополитик Ж. Тириар назвал свою книгу «Европа от Дублина до Владивостока». В этом же ключе австрийский экс-канцлер Г. Клаус написал книгу «Большая Европа, конфедерация от Атлантики до Владивостока». По его инициативе в 1993 г. была создана комиссия «Большая Европа». С точки зрения Р. Стойкера,

«Европа, где мы родились, Европа, поделенная на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме, – эта Европа противна жизни... Мы осознали, что нас планомерно удушают, и поняли эту стратегию: заблокировать Европу... от России... для предотвращения *евро-российской синергии* (курсив мой – *И. Л.*)... проект обновленного и безупречного евро-российского союза – не аномалия и не сумасбродство» [Стойкерс, 2002].

Под этим углом зрения Россия трактуется не просто как органически европейская, но и «надежда и опора» старой Европы. Эта вероятность особенно беспокоит таких ветеранов русофобии, как Бжезинский, и отсюда его предложение и одновременно – предупреждение: «Если Россия не обретет тесных связей с Североатлантическим сообществом, то в какой-то момент идея генерала де Голля о Европе до Урала станет реальностью, причем не той, которая могла бы понравиться большинству россиян» [Цит. по: НГ, 21.12.2001].

Возможно, классики геополитики недооценивают, что искомый Гете синтез силы и разума не сводится к противостоянию панатлантизма и паневропеизма, а покоится на глубоких *культурно-цивилизационных* основаниях. Убедительным свидетельством движения европейской мысли в этом направлении стали размышления Иоанна Павла II о том, что «ни Россия в будущем не сможет жить без Европы, ни Европа без России», и будущее Европы «во многом зависит от того, куда пойдет Россия». Видя перспективу общеевропейского строительства, говоря его словами, «от Атлантики до Урала и дальше», Папа последовательно подчеркивал, что «без единого культурного пространства трудно представить себе единую Европу будущего» [Цит. по: НГ, 12.11.1993].

Американский политолог Ф. Закария, солидарный с видением паневропейской перспективы, интерпретирует историческую *уникальность* России в контексте не оппозиции, а нераздельности и вместе с тем специфики ее общеевропейских культурных и цивилизационных оснований. Для него очевидно, что Россия «во многих отношениях является европейской страной, однако имеет несколько отличную от большинства европейских народов историю... Россия издревле имела тесные связи с Европой... Россия – огромная страна, представляющая собой самобытную цивилизацию, обладающая уникальным интеллектуальным и культурным потенциалом и... являющаяся частью западного мира» [2004, с. 47, 48, 51].

Однако *принадлежность* России к Европе и *вовлеченность* в ее судьбы не однозначны и даже могут противоречить друг другу, как *внутренние* и *внешние* связи. Индикатором принадлежности России Европе может быть, к примеру, ответ М. Кутузова на полученную им от поэтессы А. Буниной оду, где говорилось, что чаша весов с кровью воинов перевешивает чашу с Москвой. Полководец ответил жестко, но однозначно: «Я весил Москву не с кровью воинов, а с целой Россией, и со спасением Петербурга, и со свободой Европы» [Цит. по: НГ, 1.12.2000]. Это подвиг «русского европейца», купленный страшной ценой. Но означает ли «азиатчина» – вовлеченность имперской России в дела Европы в качестве «жандарма» – принадлежность к ней?

Проблема напоминает формулу «квадратуры круга». Вновь ожившее евразийство энергично акцентирует ее дифференциалы и полагает невозможным ее интеграл. Адепты неоевразийства просто дезавуируют иные подходы. Между тем, даже с формально-логической точки зрения, А. Дугин называет свой текст «Альтернативная Европа», а с другой... обратимся к источнику.

С одной стороны, бесспорно, что «если Россию называть Европой, то надо говорить, что есть две Европы – русская, или православная, и Западная Европа... католико-протестантский ареал». Однако за этим следует противоположное суждение: «В этом смысле Россия никакая не Европа, и Европа – никакая не Россия, это очевидно. Глупо сравнивать... Европа и Россия – это два равнопорядковых, но различных между собой явления. Нелепо рассматривать Россию как часть Европы, точно так же, если мы осознаем, что речь идет о различ-

ных путях исторического развития христианской культуры, Европу нельзя рассматривать как часть России. Можно сказать, что мы имеем дело с двумя цивилизациями... (со времени Раскола – *И. Л.*)... Это две традиции, две линии в рамках христианского мира, которые уже более тысячелетия живут по разным законам, развиваются по разной логике и имеют разную историю. Западное и восточное христианство – это два полюса, не сводимые ни в чем, имеющие собственную логику... западники просто отказываются понимать, что речь идет о двух различных цивилизациях».

В этом пассаже остается не ясным, является ли Россия «альтернативной», но все же *Европой* на том основании, что она *православная*, а не протестантско – католическая? Асимметрия мозга не означает отрицания единства его полушарий, а, как следует из названия статьи, предполагает его. А. Дугин верно пишет, что «нельзя говорить о том, чтобы взять какую-то часть одной из этих цивилизаций за универсальный критерий. Именно в этом случае возникает абсолютно неверное представление о том, что Россия – это такая плохая Европа». И здесь же – абсолютизация «асимметрии», или «наличие двух субъектов, двух идентичностей, двух самостоятельных субстанций... Речь идет о развитии отношений... между двумя различными сущностями». Уже под занавес – известный и неизбывный, в духе Ксеркса, а не Христа, имперский «сон»: «Поэтому чисто гипотетически, если бы мы особенно постарались, то вполне могли бы *включить в себя* Европу» [2007].

Оказывается, конструктивное решение проблемы невозможно не по существу, а в силу ее *неоимперской* ангажированности: либо Россия «включит в себя Европу», и тогда можно великодушно счесть себя уже не «альтернативной», а доминирующей, *русоцентричной* Европой, либо «мы повернемся к вам своею азиатской рожей». Дугин вдохновлен «волей наших народов к воссозданию великой империи. Это та имперская легитимность, выше которой вообще ничего нет... Перед этой целью и миссией никакие законы и правила не имеют голоса. А оформить все можно и потом в полном соответствии с требованиями легальности и правовыми нормативами. Была бы только воля» [МН, 1–7.12.2006]. Перед подобными откровениями «сторонятся в почтительном недоумении народы... И дивятся другие народы» (Ф. Достоевский).

Между тем рациональный синтез не только возможен, но и его, в терминах Э. Фромма, «актуальная потенциальность» в том, чтобы, осознав недалечность, бесперспективность и *гибельность* почти тысячелетнего раскола христианской Европы на две ветви [Левяш, 2003], понять и различить *сущность* – общую корневую систему и *существование* Европы, которое «не принадлежит к природе вещей» (Фома Аквинский). В такой логике объективное противоречие между цивилизационной «почвой» и европейской культурной «солью» России предполагает осознанный выбор не между неоевразийской утопией и реальностью, а разными по объему и смыслу *содержанием* и *сущностью*, тенденциями и их вектором. Включая в себя Азию, но оставаясь собою, Россия сопричастна к ней, способна к ее пониманию и сотрудничеству именно как Европа. Но как культурный субъект, Россия – не азиатская, а *европейская* Евразия, или *Евровосток*, и в таком качестве принимается Европой как «свое-иное». Д. Лихачев возвел такую ориентацию в социокультурный императив: «Бессмысленно спорить о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии... Русская культура... культура единая... принадлежат европейскому типу культуры» [1991, с. 297]. Это – *европейская самоидентификация* России как неотъемлемой подсистемы *триединой* Европы [Левяш, 1999; он же, 2004, гл. 11; он же, 2005].

Такая Европа во многом еще «вещь в себе» (подобно еще недавно Центральной Европе), и объективная тенденция ее трансформации в «вещь для себя» не может быть автоматической, тем более – линейной. Движение Евросоюза на Восток обострило противостояние *pro* и *contra* европейского характера России. Симптомы дезориентации и неизбежного

скепсиса достаточно многообразны, и диагноз «кризис» практически не оспаривается политическими элитами и экспертным сообществом.

«Определенность неопределенности» отчетливо выявилась на представительных форумах. Так, через все дискуссии XV Международного экономического форума в Крыница-Здруй (Польша, 2005) проходил вопрос о границах Европы вообще и Евросоюза в частности. С точки зрения россиян, Россия – неотъемлемая часть Европы, и неуместны споры о том, не стоит ли «закончить» Европу в районе Уральских гор. Совсем иную точку зрения озвучил на пленарной секции «Модель и границы Европы» президент Литвы В. Адамкус: граница ЕС должна проходить по восточной границе Литвы с Россией и Белоруссией. Никто ему не возразил [МН, 16–22.09.2005].

На международной конференции в Москве накануне Рижского саммита НАТО (2006) А. Рар, директор программ России и стран СНГ Центра Кербера (Германия) констатировал «очень серьезный кризис в отношениях Европы и России сегодня» и «многое» объяснил тем, что «мы просто не понимаем новую роль России, по-прежнему рассматриваем Россию в том образе, в котором мы ее рассматривали в 90-е годы». Политолог выразил надежду, что, «сам Путин не хочет войти в историю как политик, который потерял Европу для России» [МН, 8–14.12.2006].

Действительно, исходное условие выхода из кризиса – понимание Западом *новой* России, драматически прошедшей «смутное время» конца XX в. и уверенно встающей с колен в начале XXI в. Те силы, которые пытались использовать переходную слабость России, не в ладу с прогностикой, основанной на историческом опыте. Россию не однажды ставили на колени, но она неизменно вставала Фениксом из пепла, ценой огромных жертв «сосредотачивалась» и самоутверждалась.

Как заметил Бисмарк, «Россия никогда не сильна и не слаба настолько, насколько кажется» [Цит. по: НГ, 27.03.2001]. Парадокс, но она всегда, в конечном счете, сильнее, чем казалась, в грозные времена. Известный «кремлелолог» Т. Грэхэм однозначно признает, что «России до сих пор удавалось преодолеть периоды стратегической слабости и восстановить свой статус великой державы, а те, кто недооценивал ее силу... расплачивались за это очень дорого» [1999].

Отто фон Бисмарк писал, что «Германия никогда не должна порывать связей с Россией». Его правнук, князь Фердинанд фон Бисмарк в книге «Посадим Германию снова в седло. Новые соображения патриота» пишет, что Россия является неотъемлемой частью Европы. «Россия является по своему происхождению, религии и традициям европейской страной. Именно Россию и Германию должна связывать дружба, основанная на историческом опыте... Германия должна всячески содействовать этому в соответствии с духом тех дружеских связей, которые в свое время обосновал Бисмарк» [Ferdinand, 2004, с. 200].

Неверной по существу является надежда, что Россия, ее политическая элита *не хочет* «не потерять Европу». Россия по определению *не может* потерять свою исторически вызревшую *европейскую сущность*. Иное дело – Евросоюз, который – искренне или по расчету – не может или не хочет признать эту сущность в ее динамике, вполне может потерять *доверие* России.

Для адекватного понимания ситуации Брюссель должен понять *сущность* современной европейской политики Москвы. Выбор России, прошедшей «краткий курс» горбачевско-ельцинской платонической и неразделенной любви к «Западу», основан на самоидентификации страны в предложенной В. Путиным формуле: «Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией». Логичный интеграл такого подхода сформулирован В. Путиным в бундестаге ФРГ в 2002 году. Геоглобалистский лейтмотив его речи в том, что Европа могла бы сыграть влиятельную роль в глобальном плане, если она *объединит* свой потенциал с потенциалом России [Актуальные..., 2003, с. 167].

Россия отклоняет латентную неоимперскую интенцию «расширения» Европы, но усматривает объективную закономерность в ее «воссоединении» и строительстве Большой Европы, включающей наши народы и государства. В. Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии» констатировал *европейский контекст* евразийской интеграции и «ложную развилку» выбора между ними некоторых соседних государств. Глава российского правительства подчеркнул, что действующие структуры СНГ, как и проектируемый Евразийский Союз, будут «строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». Это «позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу» [Путин, 2011].

Это прежде всего *европейский* выбор великой державы, полной решимости продвигаться по этому пути. Комментируя эту ключевую идею, российский политолог Г. Павловский отмечал, что «модернизацию нам и Китай предложит – причем с выездом на дом... Нам нужна европеизация, а не только модернизация, то есть консолидация нации на основе европейского выбора» [НГ, 8.04.2005].

Отношения Брюсселя с Москвой являются решающим тестом их зрелой способности *совместно* предложить адекватную модель глобализации не только евроазиатского континента, но и мира. Это требует признания реальной *субъектности* России, и это возможно, как заявил В. Путин на IX Петербургском экономическом форуме, «при одном неременном условии – сохранении и обеспечении суверенитета нашего государства» [МН, 17–23.06.2005].

Это означает, пишет российский политолог К. Косачев, что «российская государственность более *не нуждается во внешней легитимации*, чем гршили перестроечные и первые постсоветские руководители страны» [МН, 10–16.03.2006]. Более того, провал версии европейской Конституции, которая предполагала создание сверхгосударства, отставание европейскими государствами своего национального суверенитета, резко повышают шансы голлистской модели «Европы отечеств» и придают легитимность фундаментальному условию сближения России и Евросоюза – *без потери суверенитета* России. Эти шансы серьезно выросли в свете известного вопроса: «А судьи кто?». Т. Гомар, руководитель программы исследований по России и СНГ (Французский институт международных отношений) резонно отмечал, что «косвенным результатом может стать то, что Москва однажды заявит Евросоюзу: «Что это вы за загадочное объединение, Конституцию которого некоторые его члены ратифицируют, а одни из главных участников отвергают?» [НГ, 31.05.2005].

В этом ракурсе положение России менее загадочно. В открытой, демократической России уже многое зависит от степени *легитимности* курса политической элиты. В этой связи примечательно исследование российского ИКСИ и немецкого Фонда Эберта (2002). Характерно, что «мысль о движении в Европу ассоциируется именно с Европой и лишь во вторую очередь с ЕС... В целом россияне настроены на интеграцию, но они хотели бы входить в европейское сообщество в своем собственном качестве – именно как Россия, а не как еще одна приведенная к европейским стандартам... страна» [Актуальные..., 2003, с. 208, 210, 211–212]. Через два года исследование Института социологии РАН в принципе подтвердило такие ориентации россиян. К Европе положительно относятся 90 %, но по вопросу об отношении к Евросоюзу уровень симпатии резко падает – до 65 % [МН, 2.08.2007].

Значительный перепад российской общественности в почти *единодушно* положительном в отношении к Европе и *сдержанно* положительном – Евросоюзу не случаен. В России хорошо информированы о *сути* той интенции, которую все более выявил Брюссель. О ней писала «Фигаро». Посетовав на «авторитарную политику Путина», газета заметила: «Мы имеем дело с очень уверенной в себе страной, которая не намерена позволять диктовать ей,

какие решения она должна принимать. Главное – понять, *как управлять* этим все более отдаляющимся партнером» [Цит. по: МН, 7–13.12.2007].

В выделенном курсивом пункте – самый «циклопический» камень преткновения. В этой связи Т. Гомар писал о «фундаментальных разногласиях», среди которых – «восприятие Евросоюзом своих законов в качестве единственного эталона... Европа должна равняться на предложенную им модель» [Цит. по: НГ, 23.11.2004]. Такая интенция во многом вызвана расширением Евросоюза на Восток, готовностью части политических элит Украины, Молдавии, Грузии, Сербии присоединиться к нему, и в целом – ростом политических аппетитов Брюсселя. В итоге, писал А. Рар, «Москву раздражают геополитические амбиции ЕС на постсоветском пространстве, поучения в вопросах демократии и активное проталкивание Брюсселем своих интересов... ЕС действительно начал *выталкивать Москву с политической площадки*. Она тут же закричала: «Постойте! Россия тоже Европа. ЕС не может один претендовать на Европу» [Цит. по: НГ, 26.09.2005].

Перед нами – все более очевидный политический курс скорее не на консенсус между равными субъектами, а *инкорпорацию* России в Евросоюз. Если он диктуется застарелыми счетами – от казаков в Париже в 1814 г. до советских танков в Праге в 1968 г., то ведь, по А. Тойнби, Россия, в свою очередь, всегда испытывала на себе «давление со стороны Западной цивилизации» [Цивилизация..., 2003, с. 46], и, по Александру Невскому, западные «латинщичи хуже татар».

В Евросоюзе далеко не все разделяют такой подход. Это особенно заметно в старом «ядре» ЕС – в Германии и Франции. Экс-канцлер Г. Шредер точно расставил причины и следствия между «наставниками» и «учениками». «Мы, немцы, – пишет он в своих мемуарах, – ответственны не только перед Польшей и другими европейскими странами, мы особенно ответственны именно перед Россией – это обусловлено нашей историей» [Моя жизнь..., 2007, с. 189]. Еще в роли президента Франции Ж. Ширак не только декларировал, что стремится «к прочному, стабильному и уравновешенному партнерству ЕС с Россией» [НГ, 10.03.2005], но и на саммите G-8 в Гленикглсе, сказал: «Я очень люблю Россию и знаю ее так, как мало кто ее вообще знает (Ширак – известный переводчик русской классики – *И. Л.*). Это сложная страна. После того, что произошло со страной после Горбачева и Ельцина, все, что делает президент Путин, правильно» [Цит. по: НГ, 11.07.2005].

Такие сдвиги все более заметны среди европейских интеллектуалов. Еще недавно А. Рар утверждал о российской готовности развивать «сообщество, основанное на интересах, *вместо* сообщества, основанного на ценностях» [Цит. по: Тиммерман, 2004, с. 115]. Ныне германский политолог упрекает уже ЕС в «безответственном отказе от объединения, даже неформального», поскольку оно предвзято рассматривается «через призму либеральных ценностей» [НГ, 28.07.2005].

Подобная эволюция взглядов заметна для Х. Тиммермана – руководителя берлинской экспертной группы по изучению Российской Федерации. Теоретически для него «степень приверженности России европейским ценностям с точки зрения ЕС существеннейшим образом определяет – по крайней мере, на бумаге – характер и качество партнерства». Однако «теория суха», и когда эксперт переходит к древу эмпирической жизни, обнаруживается, что «фаза гармонии и солидарности» после 11 сентября 2001 г. «уступила место расхождению интересов и ценностей между Европой и Америкой, в то время как ЕС и Россия в международных отношениях все в большей мере занимали одинаковые или близкие позиции» [2004, с. 124]. Но если это так, то *на деле* Евросоюз и Россию объединяют не только во многом общие интересы, но и базовые *ценности*.

Признание общих интересов характерно для лорда Хауэлла – представителя Консервативной партии в палате лордов по вопросам внешней политики. Отдав дань уже традиционному речению, что «Россия – это тайна», он тем не менее пишет: «Но мы хотим, чтобы Рос-

сия вместе с нами решала мировые проблемы. Мир – это сложная иерархия, и Россия должна занять в ней достойное место» [Цит. по: СМ-XXI, 2007, № 11, с. 176]. Британский политолог У. Хаттон идет еще далее: «Подходят к концу давние поиски Россией собственного набора ценностей, принципов и институтов, которые помогли бы ей организовать себя. Россия придерживается *тех же ценностей*, которые характерны для европейской социально-экономической модели... Если бы Россия поступила так с начала... преобразований, а не ориентировалась на Америку, реформы были бы менее болезненными... *Стратегические интересы ЕС и России по большому счету совпадают*» [2004, с. 37, 39, 41, 44].

С точки зрения Д. Доминика, директора исследований по безопасности Французского института международных отношений, главного редактора журнала «Внешняя политика» (Париж), «Россия, бесспорно, сделала выбор в пользу партнерства с Западом. Однако партнерство – это не просто красивое слово, это правило существования, правило совместной жизни. Нам необходимо партнерство с Россией, партнерство стратегическое, близкое, долгосрочное для организации и поддержания мира на континенте. *Мы должны услышать Россию, но и она должна услышать нас...* Для реализации этой задачи Россия имеет право рассчитывать на нашу помощь и уважение. Будучи партнерами (если мы действительно таковыми являемся), мы должны судить, оценивать друг друга» [Цит. по: НГ – Дипкуррьер, 7.02.2005].

О паневропейской синергии неотступно размышлял Иоанн Павел II. Он признавал, что «на Западе мало кто, к сожалению, понимает Россию, ее проблемы и трудности» и не скрывал своего «скепсиса в отношении того, что Россия на пути обновления и реформ сможет чуть ли не автоматически опираться на Запад... западноевропейцев преследует дилемма – либо в полной мере осознать, что существует Большая Европа, и начать создавать континент, основанный на солидарности, сотрудничестве и диалоге, либо же появятся новые разделительные линии с угрозой новых опасных расколов» [Цит. по: НГ, 6.04.2005].

Однако такие бесспорные приоритеты в интеллектуальных кругах Европы автоматически еще не ведут к *политической* общности и требуют ясной и последовательной ориентации «власть имущих» элит ЕС на строительство Большой Европы совместно с Россией. Характерно, что именно британский политолог Ф. Кэмерон подтверждает перспективность такой ориентации. Он отмечает, что «те сферы, где ЕС и США будут продолжать действовать вместе как друзья и партнеры, сохранятся. Но возникают и сферы, где они станут соперничать. Это значит, что США перестанут быть главным объектом притяжения для ЕС; Европа свободнее пойдет на сотрудничество с другими стратегическими партнерами – например с Россией и Китаем, плюс Канадой, Индией и Японией... Европейский Союз должен искать других партнеров, которые разделяют его видение миропорядка и стремление действовать через международно-правовую систему» [2004, с. 73, 78].

Символично и то, что геостратегические выкладки Ф. Кэмерона – не последний довод, и в своем прогнозе он опирается на такой, с его точки зрения, более весомый и долгосрочный аргумент, как *общность культурных приоритетов*. «Можно утверждать, – пишет он, – что между Россией и ЕС не меньше связей, чем между ЕС и США. В Америке трудно найти фигуры, равные Толстому, Пастернаку, Пушкину и Достоевскому, Чайковскому и Тургеневу» [Там же, с. 76].

Оценки британского автора – отнюдь не глас вопиющего. Кампания «Группа ИМА» провела репрезентативное исследование жителей Германии о России. Опрошено 1000 человек, сделано 50 экспертных интервью с представителями культурной элиты Германии, и выяснилось, что по критерию «*культурный авторитет*» немцы ставят Россию на *первое* место – впереди даже Франции (Германия – на третьем месте, далее США, Чехия, Польша) [НГ – Ex libris, 3.03.2003].

Если адекватно поняты интересы и ценности России «по гамбургскому счету» совпадают, то в этом – объективная предпосылка не ситуационного, а *стратегического* партнерства. Х. Тиммерманн пишет о стабильно *всесторонней заинтересованности* ЕС в России. «В этом она разительно отличается от избирательного подхода США, являющегося скорее односторонним, в котором упор делается лишь на вооружения и борьбу с терроризмом и который подчинен конъюнктурным соображениям (резкие колебания между предложениями партнерства и его игнорированием)» [Актуальные..., 2003, с. 165]. К. Эньере – министр по европейским делам Франции в правительстве Ж.-П. Раффарена подчеркивает, что, «вне всякого сомнения, связи Европейского Союза с Россией имеют стратегическое значение. Они представляют собой главное направление, позволяющее обеспечить политическую стабильность и экономический подъем нашего континента. Они также являются ключевым элементом архитектуры международных отношений XXI века... Не только структуры нашего сотрудничества, но и само стратегическое партнерство должны проявлять гибкость и постоянно отвечать *трем общим критериям*: они должны быть сбалансированными, углубленными и глобальными... В связи с углублением сотрудничества между ЕС и Россией возникает вопрос: как сделать так, чтобы эти два игрока, находящиеся в процессе постоянного преобразования, не замыкались на свою внутреннюю динамику?... Как можно выйти на стратегическое партнерство, учитывающее статус глобальных игроков Евросоюза и России?» [Цит. по: НГ, 25.04.2005].

В духе отмеченных К. Эньере критериев такие термины, как «сотрудничество» и даже «партнерство» уже недостаточны, и в этом русле возникает вопрос о *целесообразности* интеграции России в ЕС. Интеграция – не самоцель, тем более, что в целом элиты Евросоюза и, вероятно, его население не готовы к такой перспективе. Эксперты Еврокомиссии ставят вопрос о том, чего ЕС и Россия вправе ожидать друг от друга. Европа прошла длительный путь от «Духа законов» Ш. Монтескье до идеологии и практики ЕС, чтобы от абстрактной идеи единства перейти к пониманию таких фундаментальных и взаимосвязанных предпосылок интеграции, как *соразмерность* масштабов государств и *однотипность* их ценностно-смыслового ядра, политико-экономических отношений и структур. Вполне резонен вопрос Тиммермана: «Как много России способна вынести определяемая своими институтами Европа?» [Актуальные..., 2003, с. 177]. В таком ракурсе понятно заключение экспертов Евросоюза по России о том, что, с одной стороны, в политическом и концептуальном плане Россия является частью Европы. «С другой стороны, пока не просматривается перспективный план развития целостной Европы» [Цит. по: НГ, 22.09.2001].

Действительно, у России – полный «джентльменский набор» противопоказаний членству в ЕС. 150-миллионное население (его 75 % издавна проживает в европейской части страны), евразийские масштабы жизненного пространства, еще экстенсивный и во многом неопределенный тип хозяйственной и политической трансформации, – такой комплекс исключает органический характер интеграции России в ЕС и лишь вызовет нежелательное напряжение. Но если институциональная интеграция не рассматривается как «рабочая» перспектива, означает ли это возведение новой «берлинской стены», на сей раз – между Россией и Евросоюзом?

Диапазон оценок состояния и перспектив взаимодействия России с ЕС в российском экспертном сообществе достаточно широк.

Заместитель директора по исследованиям Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) В. Суслов предлагает «начать серьезно обсуждать *вступление* России в ЕС, а также выстраивать с ним такую модель, которая не исключала бы такую возможность». Но политолог не разделяет восторгов с обеих сторон по поводу согласованных между Россией и ЕС «четырех пространств» сотрудничества, как знаменующих «начало ассоциации» России и Евросоюза...» [2005]. Основательные сомнения по поводу стратегической цели деклариро-

ванных «дорожных карт» сотрудничества высказывает А. Мальгин: «Непонятно, к чему мы будем двигаться... Неясен темп нашего движения». Характерно, что это упрек не только в адрес Брюсселя, но и Москвы. «Все это традиционная болезнь российской политики на европейском направлении – мы не знаем, чего мы хотим стратегически. А если и знаем, то скрываем и боимся это закрепить документально... следует обновить упоминавшуюся российскую Стратегию по развитию отношений с ЕС, вычеркнув из нее слова о том, что мы «в обозримой перспективе не стремимся к отношениям ассоциации»... Период ответов-вопросов вряд ли стоит затягивать... В 2007 году истекает срок действия старого ЕС. Приступать к переговорам о новом соглашении без «идеологической ясности» вряд ли разумно. Паллиатив продления СПС... также не решит долгосрочных проблем» [2005].

Такую конструктивную критику и что особенно значимо – *самокритику* не принимают политологи, разочарованные в реальном прогрессе взаимоотношений с Евросоюзом. По мнению В. Батюка, ведущего научного сотрудника Института США и Канады (Москва), следует «признать неизбежное: ЕС всегда будет чем-то внешним и посторонним, и «вступить» в ЕС будет так же нелепо для России, как «вступить» в Китай или Индию». Однако автор ошибается, полагая, что это «непреложный факт». Некорректность его сравнения в том, что Китай и Индия, во-первых, *неевропейские* государства, во-вторых, это централизованные и относительно гомогенные государства, а ЕС – *союз* во многом гетерогенных государств, в идеале допускающих «свое-другое». Отсюда – и пессимизм в адрес ЕС: «Россияне должны смириться с тем, что они оказались за бортом Объединенной Европы». Тем не менее верно, что «Россия должна отвергнуть претензии официального Брюсселя на европейскую исключительность и взять курс на создание БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ, куда на равноправной основе могли бы войти и те государства, которые по разным причинам не могут или не хотят войти в Евросоюз» [2006]. Такое *различие* в подходах к Евросоюзу и Европе вполне оправданно, но совсем иное – их абсолютное *противопоставление*.

Вообще романтический этап *однозначно* позитивного отношения Москвы к Евросоюзу, в отличие от сдержанно-негативного отношения к НАТО, привел к быстрой смене «очарования» на «разочарование». В итоге – известная операция удаления из ванны, помимо грязной воды, еще и здорового ребенка. Вновь, как во времена оппозиции западников и славянофилов, происходит их смысловая *инверсия*. Менее всего можно было ожидать от политолога К. Косачева безапелляционного и исключаящего всякий дискурс заявления: «*Любой российский политик, заявляющий о европейском выборе страны, был бы на долгие годы обречен*». Это напоминает министра иностранных дел СССР А. Громыко, известного как «мистер НЕТ». Доводы от фундаменталистской версии геополитики чистой пробы: «В ЕС мы не можем проситься, «как все», по той простой причине, что большее не может проситься в меньшее». По сути неверна и антитеза: «Придет время, будет, наверное, решаться и этот вопрос – но не когда Евросоюз «созреет», а когда выгода будет очевидной и обоюдной» [МН, 10–16.03.2006]. Напротив, «выгода будет очевидной», когда Евросоюз и Россия созреют для понимания принципиально большего – своей европейской идентичности и оптимальности синергии совместных действий в ответ на вызовы глобального мира.

В определенном смысле позицию неоевразийцев можно понять, но в любом варианте – не принять. *Понять* – потому что действительно что-то неладное происходит с европейской рациональностью и пассионарностью. Евросоюзный проект – плод не политических командиров типа Г. Шредера и Ж. Ширака и «высоколобых» интеллектуалов, а почти анонимного «мозгового центра» политиков (нередко и политиканов) недавнего призыва и менеджеров от социального конструирования. Можно понять многоопытного А. Рара: «В нынешней Европе катастрофически отсутствуют политики-лидеры сильных убеждений и стратегического видения. Нет харизматических лидеров, умеющих вести за собой народы. Все больше

и больше власть захватывает безликая брюссельская бюрократия. На одних призывах Брюсселя к порядку и дисциплине новую Европу не построить» [2005].

Такому Евросоюзу, точнее – его политическому руководству, действительно необходимо недвусмысленно и решительно *отказаться в монополии* на право говорить от имени всей Европы. А *неприятие* евразийского «нет» Евросоюзу объясняется по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, как заметил классик, о людях и партиях следует судить не потому, что они не сделали, а по тому, что ими сделано в сравнении со вчерашним днем. То, что уже сделано Евросоюзом, это фундаментальные и во многом позитивные результаты [Европейский..., 2001]. Евросоюз с очевидностью доминирует в Западной и Центральной Европе, и другой реальной альтернативы в обозримом будущем не предвидится. Именно поэтому, писал А. Рар, «России следует смотреть не на сегодняшний ЕС, а на то, каким он *станет* через 10–15 лет» [НГ, 31.05.2005].

Во-вторых, не продуктивно поддаваться искушению «образом врага» и только в ЕС видеть источник собственных противоречий и проблем. Исходя из принципа «Познай самого себя», важно прислушаться к диагнозу традиционной болезни российской политики на европейском направлении – мы не знаем, чего мы хотим *стратегически*. Точнее, «знаем», но что? «Нет попутного ветра для того, кто не знает, куда плыть» (Сенека). Необходимо ясное решение дилеммы Киплинга и исторический выбор в пользу паневропейского проекта, органично включающего Россию как «своего-другого». Если мы до сих не решили эту дилемму, то по определению у нас не может быть стратегии. Более того, решив в духе *contra*, мы обречены к откату от России к «Руси». И тогда все флаги будут к нам, но не в гости. В этом варианте есть смысл напомнить вполне прозрачную геополитическую притчу. Сказывают, что в середине XXI века в Евразии все будет спокойно, не считая одиночных выстрелов... на германо-китайской границе.

Подлинная проблема сводится к тому, что Россия не может не быть Европой, но и пока не может быть *полноправным* членом ЕС или – не исключено – новой *паневропейской* институциональной структуры. Глава представительства Еврокомиссии в России М. Франко заявил в Институте Европы Российской академии наук в декабре 2007 г., что ни Россия, ни Евросоюз не готовы к подобному шагу [СЕ, 2008, № 2, с. 143].

Не доктринерские, а реальные споры идут вокруг перспективы *ассоциации* России и ЕС. По этому поводу выражается дружный скепсис, и не будем отвергать *ratio* этих сомнений: «Ассоциация, не выходящая даже в долгосрочной перспективе на членство, является худшей из всех моделей отношений, которую можно выстраивать с Евросоюзом. Не случайно от подобной модели упорно отказывается Турция, настаивая на полноправном членстве» [Суслов, 2005].

Совсем иное дело – совпадение коренных интересов и ценностей народов и государств, которые принадлежат к одному культурно-цивилизационному комплексу. Даже имея гетерогенный характер, он напоминает ассиметричные полушария головного мозга, способного нормально функционировать лишь в их единстве, взаимодополняемости. Трагический опыт Европы показал, что претензии на самодостаточность, взаимное «неузнавание» этих полушарий приводят к параличу «мозга», а в последней мировой и европейской Катастрофе – к угрозе его гибели.

Если полнометражная интеграция России и ЕС сегодня невозможна, это не довод для позиции «все или ничего». «Интеграция интеграций» – такова формула, предложенная президентом Беларуси А. Лукашенко. Это еще идея, а не «рабочая» модель, но она соответствует единым смыслам/целям Союза, делегированию полномочий для решения общих задач и вместе с тем, по формуле «Европы отечеств», позволяет сохранять и воспроизводить «самостояние» России, ее национально-государственный суверенитет. Такая форма должна предполагать *вероятность* интеграции ЕС и России уже в *среднесрочной* перспективе (по про-

гностическим канонам это 10–15 лет). Но для этого необходимо более зрелое состояние как России, так и Союза в целом. «Птице-тройке» время «запрягать» в направлении *триединой* Европы.

Такое смысловое *тождество*, продиктованное объективной логикой интеграции России и Европы (интеграция в ЕС – другой вопрос), живо напоминает созданный Н. Гоголем образ «большой дороги», на которой, согласно Ф. Достоевскому, «есть высшая мысль». Этот образ был близок и Ницше в контексте германо-российской общности [Левяш, Европейский..., 2006]. Но он был убежден, что, с одной стороны, «дорогу» не следует трактовать романтически – «опасность летящего» [1990, т. 2, с. 188], а с другой – предупреждал об опасности доктринерства, «чтобы тебя, наконец, не охватила узкая вера, жесткая, строгая мечта!» [1990, т. 1, с. 217]. В конечном счете, формула Заратустры такова: «*Быть великим – значит давать направление*. Ни один приток не велик и не богат сам по себе; его делает таковым то, что он воспринимает в себя и ведет за собой столько притоков. Так обстоит дело и со всем духовно великим» [Ницше 1998, т. 1, с. 458]. Оно обладает «пафосом расстояния» [1990, т. 1, с. 401], способностью «видеть и предусматривать отдаленное, как настоящее, что служит целью и что средством...» [1990, т. 2, с. 42].

Однако, отмечал В. Соловьев, в любом великом деле важно не только то, *что* делать, но и *кто* делает. Создается стойкое впечатление, что емкий и перспективный «лазомер», который М. Вебер выше всего ценил у политических и культурных лидеров, заметно шире кругозора капитанов не только езовского, но и российского кораблей. По традиции «*La Russie se recueille*» (фр.) – «Россия собирается с мыслями». Эта фраза из «Дневника писателя» Достоевского. Верна и аналогия: «*La Brussel se recueille*». Остается надеяться, что «медленно запрягать, но быстро ездить – в характере этого народа, сказал Бисмарк» [Цит. по: Чехов, т. 17, с. 83]. Кстати, Бисмарк был послом во Франции и России.

Действовать здесь и сейчас – таков императив времени. Проблема – что поставить краеугольным камнем, в терминах позднего Наполеона, – дух или меч. Воздавая должное общезначимым цивилизационным достижениям России, есть смысл во главу поставить ее уникальные культуротворческие триумфы.

3. Украина на пути «национализации»

3.1. От «окрайны» до Украины

*«Як умру, то поховайте // Мене на могилі, // Серед степу
щирокого, на Вкраїні милій»*

Т. Шевченко

*«Мы понимаем, что мы разные государства, что мы растем в
разные стороны, хотя и являемся ветвями одного дерева»*

О. Демин, посол Украины в России

*«Найдены дневнеукраинские артефакты. – Но это же
Византия, Украины тогда еще не было! Да кто будет слушать...»*

Литературная газета, 6–12.02.2008

В современном геоглобалистском измерении солженицынский вопрос: «Как нам обустроить Россию?» – исторически традиционно и ныне особенно напряженно взаимосвязан с «украинским вопросом», или проблемным характером национализации Украины. Это контекст столетий ее пребывания в составе Российской империи, затем СССР, но еще до этого – целого тысячелетия ее объективного положения в центральноевропейской системе координат. Обсуждать эту проблему с позиций, отмеченных в эпиграфе «дневнеукраинских артефактов» – значит вступать в неравное соперничество, к примеру, с азербайджанскими археологами, которые обнаружили-таки... мамонта тождественной идентичности. Вообще неблагородная и неблагодарная задача – искать ключи в шизоидных метаниях между приоритетно-«арийским» происхождением и местечковыми комплексами.

Этот очерк основан на ныне *нормативной* парадигме: древнекиевская Русь – купель Украины, России и Беларуси – была продуктом синтеза центральноевропейской государственности и православно-христианской системы ценностей, высокоразвитого средневропейского образования. Усложнение евразийской культурно-цивилизационной структуры и появление новых консолидированных центров силы и влияния на Западе и Востоке Европы привели к глубокому кризису киевской государственности и сделали ее многовековой добычей татаро-монгольской экспансии.

Дальнейший переход исторической инициативы к Москве открыл новую главу истории этого региона. *Территория*, ставшая юго-западным ареалом московской Руси в XVII в. согласно вердикту Переяславской рады и Андрусовскому договору, была в 5 раз меньше той, что сегодня именуется Республикой Украиной. Со времени окончательной ликвидации украинской государственности (упразднения гетманства в 1764 г. и уничтожения в 1775 г. Запорожской Сечи Екатериной II) украинская элита была полностью лишена государственного мышления и опыта суверенного *государствостроения* (украинские историки называют это «синдромом недержавности»). Украинцы активно рекрутировались в церковную, политическую и культурную элиту Российской империи и СССР, но участвовали в ней не как носители каких-либо самостоятельных интересов и ценностей, а как «сыны Российского отечества».

В период становления императорской России обширная территория примерно в ареале бывшей Киевской Руси не случайно называлась *Украиной*. По В. Ключевскому, до начала XVI века было две «Украины» – русско-литовская и московская. Этим именем – Украина – назывались все степные пространства, находившиеся на южной окраине литовско-русских и московских владений, в пространстве между Днестром и Доном [Острогорский, 1913].

После февраля 1917 г., когда Центральная Рада поставила перед Временным правительством вопрос о создании «украинской автономии» в составе России, речь шла только о пяти губерниях Юго-Западного края бывшей империи. Однако сразу после Октябрьской революции – в ноябре 1917 г. – Рада провозгласила создание Украинской народной республики (УНР) на территории уже девяти губерний. Опираясь на кайзеровские штыки, петлюровское правительство в одностороннем порядке присоединило к УНР исконно русские этнические территории. Но и в этой ситуации принадлежность Крыма России не вызывала сомнений ни у Петлюры, ни у всей Центральной Рады. Ее «Универсал» № 1 от 8.11.1917 г. перечислял среди земель, принадлежащих УНР, «Киевщину, Подолию, Волынь, Черниговщину, Харьковщину, Полтавщину, Екатеринославщину, Херсонщину, Таврию *без Крыма*». Даже в то смутное время Крым продолжал оставаться *российским*.

Большевистская Москва не заключала с петлюровцами никаких территориальных договоров. *Граница* между РСФСР и УССР, установленная в общих рамках СССР, возникла как результат «похабного» (Ленин) Брестского мира, который был аннулирован уже в ноябре 1918 г. после капитуляции немецких войск на Западе. Но граница, отрезавшая Украину от России, осталась. С тех пор, пишет публицист А. Нуйкин, «наши «межгосударственные» границы с «незалежной», оказывается, изменялись региональными чиновниками по «революциям» на полях рабочих карт. Хотя по Конституции для этого требовалось утвержденное Верховным Советом СССР «согласие республик». Крым Украине подарил, но без Севастополя, генсек Хрущев в обмен на папку компромата, связанного с периодом его пребывания первым секретарем ЦК КП Украины в годы кровавых репрессий [ЛГ, 24–30.12.2003]. При этом Украине передавали только функции административного управления, *без права на землю и суверенитет* [Затулин, Севастьянов, 1999].

В целом трансформация границ и коммуникаций между Украиной и Россией является, с одной стороны, следствием российско-имперской экспансии на юго-западном направлении, но экспансии в режиме почти открытого *фронта*, а в советский период – встречной латентной экспансией Украины, прикрываемой статусом Украины как республики в составе СССР. С *геополитической* точки зрения российская экспансия, по В. Ключевскому, была результатом необходимости выйти к естественным (для империи) географическим границам и обеспечить их безопасность. В этом ракурсе А. Дугин отмечает, что «стратегически Украина должна быть проекцией Москвы на юге и на западе». Идеологически она подкреплялась мифологемой русского «Старшего брата».

У такой «проекции» издавна были и свои именитые «барды». Так, В. Белинский, подобно многим сторонникам «нашей», но, оказывается, не «вашей» свободы, писал: «Въехавши в крымские степи, мы увидели три новые для нас нации: крымских баранов, крымских верблюдов и крымских татар. Я думаю, что это разные виды одного и то же рода, разные колена одного племени: так много общего в их физиономии». Не жаловал «неистовый Виссарион» и братьев-славян, в особенности самых ближайших. Он заявлял, что малороссы не способны «к нравственному движению и развитию», и, только «слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила бы к себе дверь цивилизации». И даже: «Ох эти мне хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с салом!» [Цит. по: НГ, 14.06.2002]. И. Бродский – еще до разочарования в России – написал антиукраинское стихотворение «Ода на независимость Украины»: «С Богом, орлы и казаки, гетьманы, вертухаи, // Только когда придет и вам помирать, бугаи, // Будете вы хрипеть, царапая край матраса, // Строчки из Александра, а не брехню Тараса» [Цит. по: НГ, 2.12.2004]. В этом смысле Белинский и Бродский ничем не отличались от не вполне трезвого чеховского персонажа: «Наша матушка Расея всему свету га-ла-ва!» – запел вдруг диким голосом Кирюха» [Чехов, т. 7, с. 78]. Дружная «общечеловеческая» ментальность просвещенных интеллектуалов и

Кирюхи были выражением дурно понятого величия Росиии, замешенного на великорусском шовинизме и великодержавности.

Однако редукция российско-украинских отношений к геоимперским интересам и шовинизму «неистового Виссариона» или лауреата Нобелевской премии грешит «бараньей» узостью и пренебрежением к той творческой *коэволюции*, которой достигло взаимодействие Украины с Россией «по ту сторону» великодержавности, в *культурно-цивилизационном синтезе*.

Известный общественный деятель Речи Посполитой и сторонник православного единства В. Богданович отмечал, что со времени Петра I украинские просветители и представители духовенства преобладали в его окружении. Украинским был почти весь состав Св. Синода, начиная со Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и Феодосия Яновского. Представители украинской учености, преимущественно ученики Киевско-Могилянской академии, импонировали Петру, который не любил московского духовенства и потому не внимал его протестам против засилия «черкасов» (так звали тогда украинцев). Пользуясь высоким покровительством, украинское духовенство вплоть до времени Екатерины II деятельно «размоскаливало» русскую Церковь, борясь с старообрядческим расколом, вводя новые книги, проповедничество нового, более рационального типа [Русская мысль..., 1991, гл. 2]. В общем украинский компонент в России был плодотворным.

«Да и в самом деле! – писал В. Богданович. – Разве есть что-нибудь унижительного или вредного в заимствовании культурных плодов одной нации от другой. Напротив, чем нация культурнее и чем она богаче духовно, тем смелее и свободнее она заимствует от других, ничуть не боясь от этого что-либо потерять, но еще обогащаясь духовно. Великорусский народ многое перенял, принял как свое и нам родное от украинской и белорусской и даже польской народности, и от этого не только не потерял в своей национальной физиономии, но многое приобрел. Потерял ли что-либо Ломоносов оттого, что учился по грамматике Смотрицкого, или великорусское богослужение, что приняло киевские распевы?» [Цит. по: Лабынцев, 2003, с. 171–172].

«*Безумие*» – нарушить принцип теории именования, на котором держится вся восточная и западная филология, – он зафиксирован как Сократом, так и Конфуцием: «Если имя вещи дано верно, то дело ладится. Если имя дано неверно, дело придет в нестроение». Л. Толстой полагал именование судьбоносным делом: «Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей».

Однако нынешний украинский мужик во власти «крепок задним умом». В. Аннушкин, доктор филологии, профессор Института русского языка им. А. С. Пушкина, отмечает подобные «озарения». Некий П. Василевский утверждает, что «Гоголь был малороссом до мозга костей», и вспоминает Д. Н. Овсяннико-Куликовского, писавшего о произведениях Гоголя, «будто это перевод с украинского». По словам экс-президента Украины В. Ющенко, и «думал Гоголь по-украински» [ЛГ, 23–29.04.2008].

В действительности российская культура испытала на себе благотворное влияние гения, мыслящего и творящего на *двух языках* – украинском (Т. Шевченко) и русском (Н. Гоголь), но *едиными* по смыслам. «Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющих одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой – невозможно», – писал Н. Гоголь. Он определял язык Пушкина как «*наш язык*», и «дивился» его «драгоценности: что ни звук, то и подарок, все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи... Сам необыкновенный язык *наш* есть еще тайна... Язык, который сам по себе уже поэт» [Цит. по: Ильин, 1992, с. 95].

Наиболее емкая, хотя и без противоречий, смысловая модель русско-украинской культурно-цивилизационной синергии представлена классиками евразийства. Н. Трубецкой признавал, что украинская культура отличается от русской «своей европейской направленностью» и отмечал роль Киева «в европеизации и формировании современной великорусской культуры... Та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры». Трубецкой акцентировал внимание на *взаимопроникновении* культур и формировании *общерусского* синтеза: «Общерусская культура петровской и послепетровской эпохи была компромиссом между украинской и московской редакцией допетровской русской культуры... великороссы отказались от ряда традиций своей духовной культуры в пользу традиций украинских, а украинцы должны были отказаться

от своего государственного минимализма в пользу московского... государственного максимализма». Но главное – не имперский «максимализм», а *общекультурное* достояние. «Великоросы никогда не откажутся от всего наследия общерусской культуры XVIII и XIX вв., не только от того, что внесли в эту культуру они сами, но и от того, что внесли украинцы».

Если же, полагал Трубецкой, общерусскую культуру на территории Украины заменить «новосозданной специально украинской культурой, не имеющей ничего общего с прежней общерусской», то итог будет таков. Новой культуре, может быть, удастся приспособить свой «нижний этаж к конкретному этнографическому фундаменту», и «народные низы» примут ее, поскольку прежняя была плохо приспособлена к специфическим чертам украинцев. Но представители «качественной интеллигенции» столкнутся с огромными трудностями, ибо новая украинская культура не сможет удовлетворительно решить их высшие запросы. Для этого не будет ни богатой культурной традиции, ни «качественного отбора творцов». «Ограничение поля» общерусской культуры «может быть желательно только... для бездарных или посредственных творцов, желающих сохранить себя против конкуренции (настоящий талант конкуренции не боится), а с другой стороны – для узких и фанатичных краевых шовинистов, не доросших до чистого ценения высшей культуры ради нее самой и способных ценить тот или иной продукт культурного творчества лишь постольку, поскольку он включен в рамки данной краевой разновидности культуры». Они сделаются «главными адептами и руководителями этой новой культуры и наложат на нее свою печать – печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и сверх того дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией» [Цит. по: Симферопольский, 1998].

Интерпретация Трубецкого была бы более рациональной, если бы *общероссийский* синтез, в котором принимал пассионарное участие «всяк сущий язык» России, не сводился к *общерусскому* феномену. Такая редукция игнорирует все значимое, что не умещается в этой бессознательно шовинистической парадигме, и тогда, по ироническому замечанию одного из критиков евразийства А. Кизеветтера, можно «замолчать такую безделицу, как Киевско-Печерская лавра, руководящая роль которой в церковно-религиозной жизни русского народа возникла и расцвела еще в дотатарский период русской истории. Но *ad maiorem gloriam* (во славу) Чингизхановских наместников можно и помолчать о Киевско-Печерской лавре! «[Россия между..., 1993, с. 275].

Забвение всего подлинного никогда не проходит бесследно и возвращается бумерангом. Интересно, что такое «вечное возвращение» по-украински происходит в русле одной из европейских традиций – вначале формирования полиэтнической культурной, а затем и политической общности – нации-государства (классические прецеденты – Германия и Польша). На аналогичный процесс в Украине обратил внимание один из фундаторов евразийства П. Бицилли. Он скептически отнесся к «спору между русскими и украинцами... в так называ-

емой исторической плоскости», т. е. к разночтениям «откуда есть пошли» украинцы и русские, в версиях М.

Грушевского и В. Ключевского, и исходил из того, что «вопрос гораздо сложнее». К примеру, Польша даже после трех разделов «показывает... необычайную живучесть национальных организмов. Если «воскресение» Польши после великой войны было возможно, то потому, что Польша с того момента, как Костюшко воскликнул: «Finis Poloniae!», продолжала жить, «пока были живы поляки». Что это значит? Что значат слова патриотической песни: *Jeszcze Polska nie zginela, poki my zyjemy?*».

Польша не перестала существовать, раз была жива польская душа, проявлявшая себя в национальном сознании и воле к национальной жизни. «А Украина?... Украина свою роль в истории человечества сыграла как часть России. Русская культура, русская государственность – в значительной степени дело украинцев... Украинский народ может гордиться всеми теми ценностями, которыми блещет общерусская культура. В конце концов еще не известно, что получит Украина в случае своего полного обособления, но во всяком случае уже известно, что она потеряет... Кто чувствует себя «украинцем», тот сможет тогда свободно, не подчиняя своей деятельности политическим по существу соображениям, творить «украинскую» культуру. Пусть эта культура будет... провинциальная, зато она будет – подлинная... Не забудем, что культура Данте и Петрарки, Чосера и автора песни о Роланде – были тоже провинциальными культурами, когда единственной мировой культурой была латинская» [Бицилли, 2003, с. 283, 285, 288].

Как выразитель концепции евразийского «большого пространства» и его пределах – «подлинности» культуры всех этносов, Бицилли находил аналогию с бытующим тогда проектом Соединенных Штатов Европы, в которой существует созвездие культур, но не будет подавляющей их политической силы. Это была оппозиция панславизму как латентной политики Российской империи. Характерно, что такой подход разделял и А. Солженицын. В своей книге «Россия в обвале» он ясно писал: «Я убежденный противник «панславизма»... Никогда не одобрял нашего попечения о судьбе славян западных... или южных». Вместе с тем он не мог «отнестись без пронзающей горечи к искусственному разрубу славянства восточного», и, если такой «разруб» все-таки произошел, «в самостоятельном развитии – дай Бог Украине всяческого успеха».

Политически и символически точка отсчета такой самостоятельности – 1990 год, когда Верховный Совет Украинской РСР принял Декларацию о государственном суверенитете. После распада СССР относительно Украины принципиальными в культурно-цивилизационном аспекте оказались семантически разные предлоги. Традиционное «на Украине» – символ зависимой территориальности и «плоской» бессубъектности – встречает энергичную отповедь сторонников ее современной суверенности, и они настаивают на большей органичности формулы «в Украине», вполне «самостийной» и сосредоточенной «в себе».

Москва признала суверенитет Украины, и 31 мая 1997 г. Федеральное собрание ратифицировало Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. С точки зрения директора Института стран СНГ К. Затулина и по самозванию «русского националиста» А. Севастьянова, «произошло событие, непостижимое уму», и они провели параллель между «похабным миром» 1918 г. и «похабным договором», назвав его «обманом века» [НГ, 1999]. Но если Юпитер сердится, означает ли это, что он прав?

Сотрудник Восточно-Европейского аналитического центра (Москва) А. Окара отмечал, что, поскольку «в подсознании украинской элиты еще сидит сформированный в течение столетий комплекс «младшего брата», на нее «легко влиять извне, ее несложно провоцировать на те или иные шаги. Последним и занимаются отдельные российские политики и «эксперты» по украинскому вопросу, рассматривающие Украину как а ргіоі враждебное государство, как предателя неких общих геополитических интересов. Мало что так подпитывает

украинский этнонационализм... и пронатовски ориентированных стратегов, как *украинофобия* российских политиков (в том числе их неуважительное отношение к украинскому языку и культуре)... Депутат Н. Лысенко в Госдуме демонстративно разорвал и потоптал украинский флаг... Наиболее влиятельным архитектором украинской политики можно считать некоторых российских политических деятелей – именно они фактически задают тон в российско-украинских отношениях» [НГ, 1999].

Главное в том, что нет признания очевидного банкротства позднего СССР, который пренебрег необратимым процессом нарастания относительной самостоятельности и зрелости союзных республик, до конца – в фарисейском горбачевском варианте «15 + Центр» – пытался сохранить безнадежно устаревшую суперцентрализацию Системы и тем самым объективно поощрял активизацию центробежных тенденций, стремление к *государственной* «самостийности».

С другой стороны, великий проект «советского народа как новой исторической общности людей» мог бы состояться, если бы Система не руководствовалась принципом, о котором под занавес перестройки говорил М. Горбачев. Его суть в том, что суверенитет любого государства есть производное от суверенитета *государствообразующего* народа, и суверенитет России есть производное от суверенитета русского народа. Это аргумент «похабный» даже с точки зрения евразийства, для которого государствообразующим народом в России были не только этнические русские, но и *все* многообразные этносы страны, сопричастные к ее культуре и творящие ее духовное богатство и державную мощь, т. е. на языке наших дней – *россияне*.

Исходя из постулата «государствообразующего народа», в духе А. Луначарского, усматривают в украинцах лишь «культурно-историческую» общность и ставят под сомнение их способность, легитимное право и волю к государствообразованию. Вопрос в том, что понятие «украинец» имеет не сугубо этническое, но и социокультурное и политическое измерение.

Калейдоскоп разновекторных событий, напоминающих «бег на месте», обесмысливает Большую политику и приводит значительные слои населения к аномии, погружению в повседневность выживания. Такое состояние – «сон в руку» *радикалов* разных мастей, включая фашистских недобитков и нуворишей. Они утилизируют комплекс неполноценности «младшего брата», унаследованный от пребывания в империи, и утверждают по принципу: «Кто был ничем, тот станет всем» [Родин 2006]. В такой парадигме крепнет мифологема не только абсолютной «самостийности» украинского государства, но и его заманчиво близкий статус как «сверхдержавы».

Тексты на эту тему впечатляют разнообразием и амбициозностью. Р. Коваль – один из идеологов известной Украинской повстанческой армии (УПА) в ее манифесте «С кем и против кого?», любезно презентованному автору данной монографии на международной конференции «Национализм в Европе» в Польше (Лодзь, 1992), утверждает: «Под нацией мы понимаем этнос, который получил собственную государственность. Мы исповедуем культ силы – духовной, физической, экономической и военной, ибо знаем, что сила – это всё... Научимся диктовать... Украина – сверхдержава с огромным человеческим потенциалом, с украинскими «пятыми колоннами» – не может скрывать от мира свою волю. Нация стремится к расширению своего влияния, своих властных императивов вовне» [с. 74].

Амбициозность и агрессивность национал-радикалов это послание не только миру, но и Украине. Украинцы, несомненно, *титульный* этнос, но если они – «государствообразующая нация», остальные этносы в стране автоматически становятся либо «младшими братьями», либо объектами *ксенофобии*. Нередко она имеет откровенный и разнузданный характер. Так, В. Тымчина, руководитель одного из отделений Конгресса украинских националистов, вещает, что «Днепр станет красным от крови жидов и москалей» [Цит. по: МН,

7–13.12.2007]. Если такая кровавая жидо– и русофобия – демократия по-украински, то она с очевидностью не доросла до известного принципа Сен-Жюста: «Никакой свободы врагам свободы». Но, похоже, не только в Украине, и в Европе в целом этот императив так и не понят до конца, и, судя по скандальному процессу «оранжевой леди» Ю. Тимошенко, здесь милостью павших не жалуют и действуют по принципу древнего талиона («око за око»).

Инфантильность украинской демократии, ее инструментализация или вовсе отказ от нее в решающей мере объясняются ментальностью и интересами правящих элит. К примеру, ее «порочное зачатие» изначально выразилось в том, что, «провозгласив себя президентом до оглашения официальных результатов голосования (и даже, вопреки традиции, приняв в стенах парламента присягу на Библии), В. Ющенко фактически отверг конституционную легитимность и сделал ставку на «революционный» путь обретения власти... подобное развитие политического процесса наглядно свидетельствует о незрелости украинской демократии...» [Лапкин, 2005, с. 52]. Этот путь – плод «оранжевой революции», и ее уроки заслуживают специального внимания как с геополитической, так и культурно-цивилизационной точек зрения.

3.2. «Цветная революция» как «послание» России

*«Это был великолепный восход солнца... мир был охвачен энтузиазмом»
Гегель*

Революция – смысловый термин полимерной значимости, и условием определения такого феномена, как *революции*, является следование правилу Л. Витгенштейна: «Прежде чем спорить, нужно условиться в терминологии». Гегель, скорее оппонент Великой французской революции, чем ее сторонник, храня объективность, все же оценил ее вынесенными в эпиграф высокими словами. Воздерживаясь от них, консервативная Европа дружно ополчилась против универсальной «свободы, равенства и братства», безошибочно расценив их как вызов именно *Великой* революции своей «постепенной» эволюции, а нередко – социальному застою и политической реакции.

Исторический смысл и отсюда – величие революций не заданы автоматически, и зависят от *масштаба и глубины* преобразований. Они обусловлены историческими пределами культурно-цивилизационного комплекса (КПК) и завершением его распада. Коренная переоценка ценностей происходит, когда никакие трансформации КПК – по существу, внутритиповые революции – уже не приводят к «эффекту феникса», и происходит *межтиповая* революция – крупномасштабный и системный скачок в развитии определенной модели культуры/цивилизации, интегральное обновление ее *основного* качества – смена ценностно-смыслового ядра деятельности и переход к другой модели. Радикальная «смена вех» осуществляется в серии многообразных революций – духовных, научно-технических, социально-политических.

Независимо от внутритипового и межтипового характера, масштаба и перспективы социально-политических революций, непреходящей напряженностью отмечено их взаимодействие с *культурной* эволюцией. *Великая культурная революция* является пиком напряжения между оказавшимися в историческом тупике ценностями, отношениями и структурами деятельности, исчерпавшей свою жизненную силу, и сформировавшимся альтернативными ценностями. Разрешение противоречий между ними в революционный период «бури и натиска» означает обновление смыслов и ценностей деятельности, возникновение и упрочение новых отношений и структур. Великие «осевые» революции заложили фундамент хри-

стианского и исламского миров. Великая французская революция завершила целую эпоху порожденного эпохой Просвещения революционного прорыва в Новое время.

Однако между революцией и культурой нет автоматической связи. Любая революция – лишь радикальное средство достижения самоцели – преодоления отчуждения и освобождения творческого потенциала субъекта культуры. Если это средство не адекватно гуманистической «сверхзадаче», происходит лицедейство – *мимикрия* под революционные изменения и *трагедия* – дискредитация революции. Перефразируя Ф. Ницше, революцией легко казаться, но трудно *быть*.

Исходя из таких оснований, что означает «оранжевая революция» 2004 г. в Украине? Вокруг нее – масштабные «шум и ярость», проклятия и аллилуйя, вплоть до утверждений о том, что она является *нормативной моделью* коренных преобразований во всем постсоветском пространстве и прежде всего – в России. В иллюстрациях апологии этого феномена дефицита нет. Однако есть смысл увидеть «оранжевую революцию» *изнутри*. В тот период в польской газете «Nie» («Нет») от 8.12.2004 была опубликована статья «Террор оранжистов» эмигрантки из Украины Г. Даниловской. «Сегодня по всей Украине, – писала она, – стали реальностью: запрет на профессиональную деятельность, преследование за взгляды, навязывание новой обязательной идеологии, которую люди уже называли «оранжизмом»... У нас в провинции начинаются репрессии... Закона не существует... Методы, которыми сегодня пользуется оппозиция, чтобы прийти к власти, страшны. Мне стыдно жить в стране, где неприлично богаты олигархи и неприлично бедны простые люди. Жаль, что выезжать придется не по экономическим, а политическим причинам». Автор интуитивно чувствует, что *насилие* – весьма широкое понятие, и включает в себя физическое принуждение, социальную дискриминацию, политический остракизм, моральный террор и пр.

Беглянке от «оранжистов» резонно возразить: разве якобинцы не прибегали к массовому террору во имя великих идеалов? Его невозможно принять, но можно *понять*, учитывая яростное сопротивление реакции. *Во имя* чего же была «революция» в Киеве, благостно названная «оранжевой» как символ ее «растительного», *ненасильственного* характера? Но если его «поскрести», обнаруживаются довольно жесткие реалии. О них исчерпывающе пишет Л. Руи в статье «Тайный Интернационал» в швейцарской газете «Le Temps» [10.12.2004]. Автор проводит параллели между процессами в Сербии в 2000, Грузии в 2003, Украине в 2004 гг. и пишет о «конспиративных игроках – международных темных силах, состоящих из теоретиков ненасилия и финансистов, близких к американскому правительству... Дж. Шарп является главным теоретиком международной сети несиловых революций. Он с циничной откровенностью пишет: «Речь идет не о разрешении конфликтов, а о *конфликтах самих по себе*, о борьбе, которая означает победу». Любой, кто заглянет в политологический учебник, узнает, что такие способы действий характерны для технологий так называемого «*управляемого хаоса*».

Это по-оружелловски узнаваемые технологии-«перевертыши»: «Свобода – рабство, мир – война». «Американские политтехнологи, планировавшие «народные революции» в Сербии, в Грузии и на Украине, не случайно придумали для своих проектов растительные названия. «Растительная жизнь» – значит инстинктивная, бессознательная. Наряжая людей, как елки...они делали ставку на сон разума. А слова «свобода», «независимость», «демократия» вбрасывали в толпу для алиби – чтобы сознание не знало, что оно спит» [НГ, 9.12.2004].

О последствиях таких технологий и о том, где находится центральный (но не единственный) офис кукловодов, адресно писал итальянский публицист Л. Карачалло в статье «Если вернется холодная война» [L'Espresso, 15.12.2004]: «Украинский кризис напоминает нам, что «холодная война» вовсе не закончилась... Если верх возьмут горячие головы, придется констатировать ввинчивание самого большого европейского государства (не считая России) в спираль насилия с непредсказуемыми последствиями». Учитывая более осторож-

ную позицию Евросоюза в конце 90-х по поводу событий в Киеве, лондонская «The Times» 28.12.2004 рассудительно писала: «Если ЕС воздержится от предоставления помощи, тогда ведущей организацией в вопросе интеграции Украины с Западом станет НАТО. Это таит в себе риск катастрофической конфронтации с Россией».

У «оранжистов» – альтернативный взгляд на события, включая ответ на вопрос: «Кто виноват?», и «образ врага» выражается как в «пещерном», так и в респектабельном вариантах. Первый из них представлен бандеровскими последышами, которые в бесчисленных текстах призывают украинцев последовать примеру тех, кто с оружием в руках боролся «с москалями, жидами и прочей нечистью».

Авторы второго варианта «образа врага», начиная с президента В. Ющенко, претендовали на историсофскую рефлексию русофобии. С одной стороны, они настаивали на исторической укорененности украинского сопротивления «москалям» и в этом смысле – *органичности* «оранжевой революции», а с другой – уже в течение многих лет на трагедии *голодомора* в Украине 30-х гг. – по сути классового, лишенного этнонационального окраса, конфликта.

Явная неподготовленность России к «оранжевой революции» предстает в репрезентативных текстах, к примеру, в интервью одного из ведущих российских политологов Г. Павловского. Он без обиняков сожалел о том, что «оранжевой революции» «вовремя не дали в морду. Присутствие России было косметическим, *мы* едва восстановили баланс... С моей точки зрения, Россия в недостаточной степени принимала участие в украинских делах..., что неправильно и привело Россию к политике свершившихся фактов... Подлинно необходимого *вмешательства* не было...» [НГ, 7.12.2004].

В этом тексте нетрудно отделить зерна от плевел. «Политика присутствия», «активная политика» вполне релевантны духу и букве международного права, тем более – исторических связей России и Украины, права Москвы на «присутствие» в постсоветском пространстве (об этом предметно – в другом разделе). Принципиально иное дело – настойчиво повторяющееся, по сути неоимперское «вмешательство». Буквально по Есенину: «Остался в прошлом я одной ногою. // Стремясь догнать стальную рать, // Скольжу и падаю другою». У Павловского Русь однозначно «стальная», но хорошо бы ей быть и более гибкой, овладевать мудростью и искусством *активного присутствия*, но *без вмешательства*, которое объективно дает квазиреволюционерам алиби на дистанционирование от России. Перефразируя Ленина «Если мы потеряем Украину, мы потеряем голову», можно сказать: если мы потеряем голову, потеряем и Украину.

Гораздо основательнее оценка и позиция А. Дугина, хотя в привычной системе координат: «Десантированные в Киев политтехнологи нанесли колоссальный ущерб имиджу нашей страны и ее президенту. Потому что привыкли к исключительно виртуальным методам. В России при абсолютно... деполитизированном населении это, увы, проходит. Но абсолютно не проходит на Украине, где включены реальные механизмы политической борьбы, где существует геополитика, где существуют интересы мощных, настоящих, серьезных сил» [25.02–3.03.2005].

Тем настоятельнее необходимость анализа не только феноменологии, но и *сущности* так называемый «оранжевой революции», «гордиевых узлов» завязанных ею противоречий, наконец, того, *кто* в Украине, даже условно абстрагируясь от кукловодов, действительно виноват. С точки зрения В. Рыжова, помощника президента Украины Л. Кучмы в 1994–1999 гг., затем первого заместителя министра промышленной политики, «существующее положение не может называться демократией. Власть народа – это не только выбор руководителей... Это повседневное... и всеобъемлющее участие общества в обустройстве страны... это соблюдение государством *всех* прав и свобод человека» [2007, с. 117].

Менее всего можно заподозрить в тенденциозности Тараса Черновила, сына В. Черновила, «отца-основателя» Народного Руха. Ранее Т. Черновил работал в команде В. Ющенко в составе парламентской фракции «Наша Украина». Однако его назначение руководителем избирательного штаба оппозиционного В. Януковича стало сенсацией. Как «рenegат» Т. Черновил объяснил ситуацию? – «На Украине *нет революции, а есть ползучий переворот*» [НГ, 8.12.2004].

Каковы его *объективные* предпосылки? «Оранжевисты» далеко на первые, кто привел Украину к такому опасному состоянию. Об этом свидетельствует сборник статей известных украинских аналитиков «Какая Россия нужна Украине?» (Киев, 2004) как ответ на дискуссию, проведенную в 2001 г. «Независимой газетой» [[http:// cis.ng.ru/woeds/20010425.1_ukraine.html](http://cis.ng.ru/woeds/20010425.1_ukraine.html)]. Содержание сборника позволяет заключить, что «оранжевая революция» во многом была подготовлена уже политикой президента Л. Кучмы. По его убеждению, Украина *более значима* для России, чем наоборот. Киев хотел бы видеть Москву нейтральной и беспрепятственно обеспечивающей экономическими преференциями. «Для того, чтобы Украина максимально выиграла от сотрудничества с Россией, ей необходимо максимально дистанцироваться от северного соседа», – писал М. Гончар [Какая..., 2004, с. 47].

Корневая система такой ситуации уходит в толщу столетий. Как заметил В. Рыжов, когда трое выборов подряд жители земель, которые входили когда-то в состав Речи Посполитой, голосовали за «оранжевых», а жители земель, в свое время заселенных беглыми вольными людьми (восток и юг Украины), голосовали против них, это был «не только культурный разлом... Это отличие на генетическом уровне без привязки к национальности. Понимают ли власти, что такая противоположность никаким насилем не преодолима и благо Украины – в уважительном единении этих противоположностей?» [2007, с. 116].

В начале второго десятилетия нового века политическое состояние Украины – в ситуации фактического *междувластия* и пока вялотекущего взрыва. Его провоцирует затянувшийся процесс формирования *общеукраинской* политической элиты, для которой государева «шапка», похоже, не «по Сеньке».

Что означает этот процесс для России и всего постсоветского ареала? Никто серьезно не обсуждает самую серьезную опасность – высокую вероятность *имплозии*, или взрыва вовнутрь, по аналогии с поздней Римской империей, когда враждебные «партии» буквально «пожрали друг друга» (Энгельс) и создали политический вакуум – легкую добычу для варваров. Зато предмет неослабевающего интереса – эффект «взрывной волны» в России и в целом в постсоветском ареале.

Восторженный голос А. Чубайса в бурлящем «революционными» страстями Киеве не был гласом вопиющего. В унисон В. Мироненко писал, что «удачное завершение украинского эксперимента по ускоренному овладению европейской политической традицией и хозяйственным опытом капитализма может коренным образом изменить мышление и поведение россиян и белорусов» [2006, с. 106].

Пока же «эксперимент» больше менял мышление и поведение властной элиты и иже с ней в Украине. В письме В. Путина украинскому президенту отмечалось: «Речь идет прежде всего о своеобразной трактовке украинской стороной событий нашей общей истории, героизации сотрудничавших с нацистами военных преступников, развязанной в ряде регионов Украины «войне» с историческими памятниками и захоронениями советских воинов-освободителей, усиливающейся дискриминации русского языка, деятельности, направленной на раскол Украинской православной церкви. Эти недружественные шаги уже омрачают атмосферу отношений между нашими государствами. Более того, они могут нанести серьезный ущерб двухстороннему сотрудничеству...» [Цит. по: ЛГ, 6–12.02.2008].

Вопрос о том, является ли «оранжевая революция» *проблемой* для России, имеет риторический характер. Напряженность этого вопроса подтверждает уже название круглого стола «Какого цвета революция ожидает Россию?», организованного по инициативе «Независимой газеты» [НГ, 24.02–1.03.2005]. Сопредседатель Совета по национальной стратегии И. Дискин отметил, что «вся Восточная и Центральная Европа строила новые национальные государства под одним лозунгом – «Прочь от Москвы!». В этом русле и «оранжевая революция». Но политолог обратил внимание на значение оппозиции «двух Украин» для России. «Теперь важно следить за дальнейшим развитием этого процесса в масштабах всей Украины. Перенесение этого процесса на Юго-Восток будет иметь другое измерение. Его ощущение себя колонией Запада и Центра Украины стало осознанным ... Один из наиболее вероятных сценариев – это национально-освободительное движение будет формироваться под лозунгом, что и есть настоящая, подлинная... Россия».

Не обойден вниманием и белорусский вектор «оранжевой» радиации. Немецкие эксперты Х. Риель, Р. В. Шульце и Х. Тиммерман полагали, что «смена руководства на Украине привлекает внимание к возможности развития в том же направлении и в Белоруссии, хотя президент Лукашенко считает, что «Беларусь нельзя равнять с Югославией, Грузией или Украиной». Тем не менее, в связи с событиями на Украине белорусский президент поставил задачу «укрепления стабильности и повышения управляемости системы власти в республике» [Цит. по: Полития, зима 2004–2005, с. 187].

Основания для озабоченности действительно были и есть. Хотя в целом социально-политическая ситуация в Беларуси стабильна, и слишком «узок круг революционеров» от оппозиции, западные спонсоры не оставляют ее в одиночестве и для «раскачки лодки» охотно прибегают к услугам украинских национал-радикалов. Так в названном выше манифесте Р. Ковалю предьявляются территориальные претензии к Беларуси, поощряется (особенно в Полесье) тенденция к украинизации. Известна роль украинских инструкторов и боевиков в организации уличных беспорядков в белорусской столице.

В целом, отмечает политолог В. Гельман, интерпретации «оранжевой революции» сводятся к двум дискурсам. На Западе склонны говорить о ее революционно-демократическом характере, в России же почти официально считается, что они обусловлены вмешательством Запада [Гельман, 2005, с. 36, 46].

В таком раскладе рациональное объяснение современной Украины должно быть *двуединым*, с учетом как внутренних, так и внешних обстоятельств. Однако характеризовать «оранжевый» феномен как «мирную трансформацию», «скорее реформу, чем революцию», – значит выдавать желаемое за действительное. Это не была *революция* в том смысле, который изложен в начале раздела. Но это была и *не трансформация* как внутритиповая реконструкция общественного строя с целью его оптимизации. Ни одна из задач такого рода даже не ставилась.

Перед нами – по сути типичный, хотя по форме и «лица необщего выражения», *политический переворот* (Т. Черновил), досистемная *модификация* власти с целью ее перераспределения между властными элитами в симбиозном режиме. Он подобен песочным часам, и затянувшаяся *патовая* ситуация, или *de facto двоевластие*, серьезно ослабила Украину. Тем не менее, с учетом ее потенциала и объективного места в Европе и мире, украинский фактор играет все более неординарную роль в геоглобалистском контексте.

3.3. Украина между НАТО, ЕС и Россией

«Эта страна превращается из у(о)краины России в у(о)краину Европы»

В. Иноземцев

«Все меньше и меньше внутриукраинские события выглядят чисто украинскими. Это нормально. Украина находится в центре геополитических страстей, но играет в политику, навязанную со стороны. Как тут не вспомнить Павло Тычину: «Свое в нас революция убила!». На этот раз – «оранжевая»

В. Рыжов

Украина – один из наиболее масштабных и значимых «перекрестков» евразийского сегмента глобализации – и как культурно-цивилизационный фронтир Средней и Юго-Восточной Европы, и как «козырная карта» в далеко идущих геополитических играх. «В мире идет настоящая *борьба за Украину*, ведь именно это государство – с самой большой (после России) в Европе территорией, с выгодным географическим положением и 52-миллионным населением – является необходимой «критической массой» для реализации любых крупномасштабных европейских и евразийских проектов» [Окара, 1999].

США в полной мере осознают приоритетную значимость Украины в своих проектах гегемонии в «евроатлантическом пространстве» и в этой связи – нейтрализации сердцевинны хартленда – России. Стратегия *разлома* Евразии, ее «геополитического плюрализма» это эвфемизм политики «разделяй и властвуй». Она служит двуединой цели: с одной стороны, предупреждает реинтеграцию стран СНГ, а с другой – не только открывает геополитическое пространство бывшего Советского Союза для экспансии «открытых дверей», но и подавляет всякую попытку возникновения любого блока, который мог бы угрожать расширению США. Шведский политолог И. К. фон Крейтор писал: «Как минимум, комбинация американского расширения в прибалтийские государства и Украину, спаренная с усилием изъять у России контроль над остатком СНГ, эффективно изолирует Россию и доведет до конца американскую цель – контроль над Евразией» [Цит. по: Геополитика..., 2006, с. 58].

З. Бжезинский открытым текстом говорил в интервью «Комсомольской правде»: «Запад, в частности, США запоздали с признанием геополитической значимости... суверенной Украины... Без 52-миллионного славянского государства восстановленная империя оказалась бы более азиатской и удаленной от Европы. Украина способна быть частью Европы и без России, Москва же может сделать это только через Украину, что определяет значимость этой страны в формировании новой Европы» [1998]. Исходя из концепции геополитического мэтра, контроль над Украиной является ключом для установления американского господства над всей Евразией. Idefix в том, что «ни Украина, ни Россия порознь никогда не встанут на ноги» [Цит. по: ОНС, 1997. № 4, с. 41].

Realpolitik по Бжезинскому подтверждается М. Голдманом, заместителем директора Девис-центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета, путем сопоставления американской поддержки реформации в России и Украине. Он пишет, что в России «исходили из того, что США бросятся предоставлять огромные займы, чтобы обеспечить переход к рыночной экономике. И хотя США предоставили определенную помощь, она никогда не была столь большой, как этого ожидали в мире. На деле гранты Украине были больше сумм, предоставлявшихся России» [Цит. по: НГ, 18.02.2005].

В США сознают, что такие – более демонстрационные и выборочные, чем реальные, – рычаги воздействия не дают необходимого *системного* эффекта, и пытаются достигнуть

его в процессе *натовизации* Европы. Миссия НАТО полифункциональна. Это: поддержание «евроатлантической солидарности»; иллюзия гарантий тем, кто испытывает страх перед русским «медведем» и готов заключить любой, тем более коммерчески выгодный, союз, лишь бы «прочь от Москвы»; надежды на то, что страны, заведомо не соответствующие экономическим и политическим критериям членства в Евросоюзе, приобретут натовский геополитический сертификат для приема в «европейскую семью».

Между тем, отмечал В. Рыжов, «нет ни одной сколь-нибудь объективной причины стремиться в НАТО... Если мы боимся нападения на нас, то с чьей стороны? Когда схлестнулись Греция и Турция из-за Кипра, им обоим не помешало членство в НАТО... США заинтересованы во вступлении Украины в НАТО», но «о наших интересах речь не идет... не их это проблема» [2007, с. 118].

Однако такие расчеты и иллюзии разделяет лишь прозападная часть украинской элиты. Не менее влиятельная юго-восточная Украина апеллирует к смыслу и тексту Декларации о государственном суверенитете Украины 1990 г. Она впервые провозгласила, что Украина намерена в будущем быть «постоянно *нейтральным* и безъядерным государством, не принимает участия в военных блоках». Такие принципиальные заявления были в Акте о провозглашении независимости Украины в «*нейтральном внеблоковом статусе*».

В то же время украинская внешнеполитическая деятельность все яростнее наталкивалась на формально объявленный нейтральный статус Украины, противоречащий интеграции в евроатлантические структуры. Менялась обстановка, и то, что политически было целесообразно в 1990–1991 гг., становилось тормозом в политике уже в 1993-м и последующие годы. «Внеблоковый нейтральный статус Украины уже рассматривался не как догма, а в зависимости от общей ситуации безопасности, к которой он должен адаптироваться. Такой... подход нашел развитие в Конституции Украины (1996) и Концепции национальной безопасности (1997)... в этих двух документах о нейтральном внеблоковом статусе Украины *вообще не упоминается*» [Гречанинов, 1999].

Движение маятника ситуационных «целесообразностей» в конце 90-х гг. вновь побудило политические элиты Украины поразмышлять о *действительных угрозах* стране. С одной стороны, агрессия НАТО против Югославии вызвала серьезное беспокойство Украине, и его причиной было не только недовольство бомбардировками народа, близкого в этническом им религиозном отношении, но и стратегические соображения. Действия НАТО дали аргументы тем силам в Украине, в основном левым и представляющим восточные и южные регионы. В стране с многочисленными этническими, региональными и территориальными проблемами были серьезно обеспокоены готовностью НАТО откровенно решать такие проблемы силой.

Если ясно, что НАТО опасен для национальной безопасности Украины, где надежная перспектива? Прозападная часть украинской элиты увидела «свет в тоннеле», ведущем в *Евросоюз*. Однако этот адрес по-своему отмечен высокой неопределенностью. Это *средне-срочная* вероятностная перспектива, учитывая фундаментальные трудности ЕС по адаптации 17 своих новых членов. Но в принципе «как много» Украины может осилить Евросоюз? Известный политолог и «ревизионист» М. Джилас отмечает, что, хотя, к примеру, «объединенная Германия является самым сильным европейским государством, но в то же время она явно переоценивает свою роль. И ей не удастся взять под свой контроль, допустим, Украину. Эта задача трудно выполнима даже для Америки» [МН, № 19, май 1992]. По украинскому присловью, это ситуация «тяжко нести, та й жалко кідати». Этим не снимается понятная стратегическая заинтересованность ЕС в *паневропейской* экспансии, и вовлеченность в нее Украины была бы «золотым призом».

Об этом пишет В. Шнейдер-Детерс, руководитель украинского бюро Фонда Ф. Эберта, апеллируя к «высшим» интересам стран, стоящих у брюссельского «парадного подъезда».

В отличие от Москвы, которая, по его мнению, заинтересована в том, чтобы «мобилизовать потенциал ЕС на благо России», но она не стремится не только к интеграции, но даже ассоциации с ЕС, «средние и небольшие государства в Европе смогут утвердить свое место в процессе глобализации» лишь путем включения в ЕС, и это «отвечает их национальным интересам». Тем не менее, эксперт признает, что не только стратегии, но и «единства мнений по поводу развития связей между ЕС и Украиной нет». Киев – за интеграцию, Брюссель – за «доброе соседство», «партнерство», но пока не членство Украины в ЕС [2000, с. 94–95].

Такое видение проблемы – совсем не по Бжезинскому. В «Среднесрочной стратегии» Евросоюза сказано: «Развитие партнерства с ЕС должно способствовать укреплению роли России как *главной силы* в построении новой системы межгосударственных политических и экономических связей на пространстве СНГ». Однако вопрос о зависимости взаимодействия ЕС–Украина от эволюции сотрудничества ЕС – Россия остается напряженно открытым. «*На деле*, – отмечает Шнейдер-Детерс, – ЕС... вряд ли согласится признать претензии России на главенствующую роль во взаимоотношениях с соседними государствами». Он полагает, что признание за Россией роли государства-лидера в СНГ влечет за собой «подспудное *исключение* Украины из объединительных процессов» [Шнейдер – Детерс, там же, с. 97].

Такая перспектива также неприемлема для Украины, и прозападная часть ее элиты стремится «переиграть» Россию даже ценой сдачи реального суверенитета своей страны. Действительно, «настораживает настойчивость, с которой украинские политики призывают интегрироваться в Европу и трансатлантические структуры: ведь это же призыв лишиться части суверенных прав государства. Чем же позиция этих политиков отличается от позиции ратующих за воссоздание Советского Союза в той или иной форме?» [Рыжов, 2007, с. 111–112].

Безоглядная интеграция Украины в ЕС равносильна обесценению государственной «самостийности», но стремление дистанцироваться от России и добиться полного политического контроля в стране неотвратимо влечет к «запретному плоду». У политических актеров есть своя аудитория. Заголовок в украинской газете во время визита федерального канцлера Германии: «Мы прощаем крестоносцев и ожидаем инвесторов» [Цит. по: МЭиМО, 2002, № 5, с. 17].

Далеко не все в Украине мыслят столь пафосно, и ее геополитический поиск отмечен синдромом двуликого Януса. Примечательна аргументация президента Атлантического совета Украины В. Гречанинова. В отличие от безоглядного В. Ющенко, характерно уже название его статьи «*Киев на распутье*». «Новая Украина, – пишет он, – продолжает поиск своего места в Европе и мире. Несмотря на отсутствие общественного единства в отношении выбора политического курса, все настойчивее устами властных структур декларируется *западный* курс развития государства». Тем не менее, «существует устойчивый разброс политических ориентаций электората разных регионов Украины. Если западный и центральный выступают за широкое сближение с Западом и вхождение в его структуры, то восточный и южный продолжают ориентироваться на укрепление СНГ, союз с Россией и т. п.»

Украина, продолжает Гречанинов, формально становится «стратегическим» партнером то США, то России, т. е. двух ведущих государств мира, проводящих в отношении Украины *разновекторную* политику. Это свидетельствует о непонимании смысла стратегического партнерства. «При сложении двух противоположных векторов они самоуничтожаются. Парадокс такого партнерства и в том, что если Украина объективно может идти в *рынок* только *вместе* с взаимосвязанной в экономическом плане Россией, то в *политическом* плане она все настойчивее выбирает западное направление, исключая партнерство с Россией. В принципе партнерство стратегического масштаба возможно тогда, когда экономический и политический векторы *совпадают*. Не менее важно для стратегического партнерства и то, что его основными признаками могут быть не только близкие цели и задачи,

но и *соизмеримость* потенциальных возможностей партнеров» [Гречанинов 1999]. Такой во многом здравый подход все же не лишен псевдо-дилеммы «западного направления, исключая партнерство с Россией». В русле этой логики автор констатирует *желаемое и действительное*: «И все-таки хотелось бы, чтобы подавляющее большинство граждан Украины осознанно оценивали и поддерживали западное направление и перспективы развития государства. Однако сегодня, видимо, в силу ряда обстоятельств и причин это вряд ли возможно» [Там же].

Рефлексия ситуации российским экспертным сообществом уже далека от ельцинской эйфории: «Каждое утро россиянам следует просыпаться с мыслью о том, что ты сделал для Украины!» [СМ-XXI, 2007, № 11, с. 115]. Ныне оценки колеблются между не лишенным эмоций скепсисом и сдержанным оптимизмом. До «оранжевой революции» стратегия сотрудничества мыслилась в категориях «евроатлантического пространства», в котором не столь значимой, но наиболее «строптивой» выступала украинская сторона. На семинаре «Россия и Украина в евроатлантическом пространстве» (Москва, 1999) В. Третьяков безадресно говорил о том, что вообще «украинцы пытаются сейчас прыгнуть в Европу... , делая вид, будто Россия – это Азия». Главный редактор украинского журнала «Политическая мысль» А. Дергачев не менее безапелляционно заметил, что Россия по определению «не может себя чувствовать между Востоком и Западом – она сама Восток». Такой «разговор глухих» скорее напоминал известную ссору гоголевских Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

Страсти охладил А. Пушков, начиная с констатации, что «Украина состоялась как независимое государство (следовательно, его право выбирать, куда «прыгать» – *И. Л.*)... Еще не утвердилось, но это уже не от России зависит... Отношения между Украиной и Россией будут зависеть от отношений между Россией и Западом... Речь идет о том, будет ли Россия великой державой или нет. По этому поводу идет, собственно, вся борьба...». Однако эти здравые суждения были обоснованы парадоксальной, но сомнительной аргументацией: «Потому что Россия по-прежнему представляет для Запада стратегическую проблему, а Украина для Запада стратегической проблемой являться не может».

Суть дела – не в масштабах и «ранге» проблемы, а в дефиците ее *всестороннего* видения в русле геоглобалистского потока. Принципиальная альтернатива в том, какой мир выстраивается – *многополярный* или *многомерный*. Обе тенденции имеют объективный характер. В первой ипостаси – это нарастающая тенденция к отчуждению и реанимации «холодной войны» между Россией и НАТО – ЕС. «Обычная схема рассмотрения обсуждаемой нами проблемы, – говорил на семинаре «Россия и Украина в евроатлантическом пространстве» (Москва, 1999) проректор МГИМО А. Загорский, – Украина должна сделать выбор, с кем она – либо с нами, либо с другими. Это обычное предположение враждебного окружения». Напротив, в *многомерном* мире, – отметил А. Загорский, – процесс объединения Европы – «коренной путь». В этой связи... и перед Украиной, и перед Россией... встает вопрос..., *в какой форме, какими путями мы будем входить в Европу*. Для решения этой задачи важны два серьезных требования. Первое и самое главное – и Россия, и Украина должны сначала справиться с домашним заданием, решить свои внутренние проблемы... Мы не должны и не будем разбегаться друга от друга, мы должны встретиться в европейском пространстве в новом качестве, в качестве новых партнеров, как полноценные и равноправные участники этого процесса».

Россия и Украина – «одинаково сильные души» (Гоголь), и существуют объективные и фундаментальные основания для строительства *триединой* Европы, в которой должно быть достойное место и роль и России, и Украины.

4. Субъектность Республики Беларусь как нации-государства

«Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе»

А. Лукашенко

Хорошо известно, что мировое сообщество наций-государств не признает претензий пассионарных этносов, например, ирландцев, басков, курдов, чеченцев, на роль суверенных субъектов. Вместе с тем, уважая их интересы и ментальность, оно благосклонно к обоснованной *мере* их свободы – предельно широкой автономии. Иное дело – народы бывшей советской Прибалтики. По словам А. Солженицына, издавна зажатые между тевтонским молотом и великорусской наковальней, они, вопреки обстоятельствам, устойчиво хранили и воспроизводили традиции государственности, национально-культурную идентичность, сохранили заметные позиции в европейской культуре – и с распадом Союза не оказалось серьезных доводов против их векового стремления к суверенитету. Таков, вопреки праву силы альянса Риббентроп – Молотов, неоспоримый аргумент силы *исторического права* древних народов на государственный суверенитет – верной приметы их культурно-цивилизационной зрелости.

Всякое сравнение «хромает», но все же ведет к пониманию некоторых граней белорусского культурно-цивилизационного феномена, однопорядкового с другими народами Средней Европы. Однако такая параллель не объясняет его *уникальности*. На современном этапе это рельефно проявляется в таких фундаментальных факторах, как особенности самоидентификации ее субъекта – полиэтнического народа Беларуси, двуединство процессов становления государственного суверенитета Республики Беларусь и тенденции к ее интеграции с Россией, «особые», хотя и по-разному, отношения Беларуси с Западом.

4.1. Белорусская одиссея

«А хто там ідзе..., а хто там ідзе // Ёў агромністай такой грамадзе? // – Беларусы. – А чаго ж, чаго захателася ім, // Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім? // – Людзьмі звацца»
Я. Купала

«Будем ли мы нацией?» – такой вопрос был беспрецедентным в новых постсоветских государствах 90-х гг. «Мы, – констатировал С. Дубовец, – не являемся в полной мере субъектами: нация – своей истории и современности, белорусские руководители – политики, возрожденцы – Возрождения» (1997). Исследователи проблемы полагают, что такая постановка вопроса должна стать исходной в объяснении истории и современности Беларуси. Методология белорусской истории и белорусского национального движения, писал А. Киштымков, пока не принимает тезиса о незавершенности процесса формирования белорусской нации. Между тем, он мог бы объяснить многие сложности политического развития Беларуси XIX и особенно XX века.

Еще недавно проблематический характер самоидентификации Беларуси подтверждался экспертами, вполне благожелательными к ней. «Беларусь – специфическая страна, – говорил в интервью белорусской «Деловой газете» А. Михник. – Так сложилось исторически, что до развала Союза Беларусь никогда не имела своего государства. Страна, по-настоящему не знавшая ни государственности, ни свободы, ни права... Беда белорусов – в отсутствии у них какой-то мало-мальски выраженной национальной идеи, мифа... Они есть у Польши, Литвы, даже Украины, которая в своей истории имеет казачье движение. Белорусская шляхта, к сожалению, не создала мифа. Поэтому сила Беларуси – в ее знаменитых писателях и деятелях культуры» [БДГ, 9.03.1999].

В этой оценке – явная асимметрия: с одной стороны, признание значимости, «знаменитости» белорусской духовной культуры, с другой – констатация дефицита политического самоопределения белорусов в истории, прежде всего традиции собственной государственности. В степени адекватности последнего суждения, особенно потребности в национальной мифе, еще предстоит убедиться, но в принципе оно свидетельствует о действительной *незавершенности* становления современной белорусской нации-государства. Такое противоречие требует рационального объяснения хотя бы в кратком историческом экскурсе.

Безотносительно к дискуссиям о времени возникновения белорусского этноса, народ, испокон веков населяющий Беларусь, всегда был самостоятельным или составным субъектом европейской *политической* истории и современности. Предпосылки белорусской государственности восходят уже к VI–VIII вв., когда здесь образовались зрелые государственные структуры – княжества, прежде всего Полоцкое и Туровское. Полоцк, отмечают исследователи, сыграл важную роль в создании крупнейшего государственного образования восточных славян Киевской Руси и занимал в нем привилегированное положение. Он стал крупнейшим, наряду с Киевом и Новгородом, восточнославянским центром и по территории, в которую входили 15 городов, равнялся Герцогству Баварскому или Королевству Португальскому у.

В Полоцком княжестве действовала «Русская правда» – древний свод законов Киевской Руси. В XI–XIII вв. все более заметную роль приобретал своеобразный средневековый парламент – вече – орган законодательной и судебной власти и рада – исполнительный орган. Названные структуры оказывали существенное воздействие на власть князей. Этим обеспечивалось участие в политической жизни всех полноправных людей. Вместе с тем, система

государственного управления была несовершенной, основывалась на обычном праве, а княжество представляло особый конгломерат во многом самостоятельных княжений-городов.

На смену раннефеодальной государственности в XIII в. пришло Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское (ВКЛ) как договорное объединение Литовского, Полоцкого и Витебского княжеств. Это было государство формально унитарного типа, но с широкой автономией входящих в него княжеств. Первой столицей объединения стал белорусский город Новогрудок (ныне – Гродненской области), а затем Вильно (сейчас Вильнюс). По оценке известного историка начала XX в. М. Любавского, «на этом фундаменте создавалась и вся дальнейшая стройка литовско-русского государства», начал формироваться жизненный уклад, «имеющий много сходного со средневековым западно-европейским феодализмом» [1915, с. 75–76, 80].

Непреходящее значение для белорусской и европейской истории имеют Статуты Великого княжества – своды законов феодального права, которые были нормативными на континенте. Автор последнего Статута (1588 г.) – Лев Сапега (получил образование в Лейпцигском университете) – правая рука великого князя Стефана Батория – тонкого политика, реформатора и мецената. Известный политик Речи Посполитой Г. Коллонтай сказал о Статуте как «о той книге, которую нельзя вспомнить без великого восхищения... Статут дает уважение человеческому уму... его можно считать самой совершенной книгой законов во всей Европе» [Цит. по: Кожедуб, 2008]. Характерно, что в тексте Статута отмечается официальный характер русского (точнее, старорусского) языка: «А писар земский маеть по руску литерами и словы рускими все листы, выписы и поэвы писати, а не иным езыком и словы» [Статут, 1989, с. 140].

Статут был классическим документом не только зрелой политической культуры, но и выражением формирования в ВКЛ культуры *Возрождения*, воздействия его гуманистической философии и общественно-политической мысли. В поздний период западноевропейского Ренессанса (XVI век) в Беларуси наступило кардинальное культурное обновление, которое обрело общеевропейскую ценность и одновременно ярко выявило национальное «лица необщее выраженье». Уже тогда многомерно выразился смысл максимы Ларисы Гениюш: «Быць людзьмі. // Ня толькі імі звацца», и вместе с тем Ф. Скорина, оценивая впечатления об Италии, ясно подчеркнул свое «самостояние», когда писал, что «адчуў гвалт чужацкіх культур і не прызнаў іх сваімі ў сваім сэрцы» [Абдзіраловіч, 1993, с. 11].

В то время «бури и натиска» было создано отечественное книгопечатание, основаны академии (в 1569 г. ведущая из них – Виленская иезуитская Академия). Культурный мир обогатился творениями Франциска Скорины, Симеона Полоцкого, Микола Гусовского, Михалона Литвина, Сымона Будного, Лаврентия и Стефана Зизаниев, Василя Цяпинского, Андрея Волана, Андрея Римши и многих других подвижников христианского гуманизма.

В этой плеяде, несомненно, выделяется Франциск Скорина – не только белорусский, но и *общеславянский* просветитель и культурный гигант. Он получил образование в известных европейских университетах, ученые степени бакалавра философии Краковского университета и доктора «лекарских наук» Падуанского университета. По инициативе ЮНЕСКО в 1979 г. была подготовлена и издана в Париже книга «Франциск Скорина», и феномен Скоринианы – международных исследований этого замечательного мыслителя и общественного деятеля отмечен непреходящей актуальностью. По оценке известного белорусоведа А. Мальдиса, его деятельность способствовала усилению и расширению духовных связей европейских народов задолго до того, как в среде политиков созрели еще абстрактные идеи общеевропейского дома.

Пик творчества Скорины – перевод Библии на старорусский язык, подобно ее переводу Лютером на немецкий язык. Глубокое понимание смысла и назначения сакрального текста содержится в предисловиях и послесловиях к нему Скорины. Своей творческой

интерпретацией и распространением через книгопечатание он «первым на восточнославянских землях начал практическое осуществление культурного проекта массового приобщения людей к книжному знанию», обосновал ценность Священного Писания как универсального источника знаний и практической мудрости, подчеркивал воспитательное значение Книги в духовном развитии человека» [Павильч, 2005, с. 6].

Ф. Скорина оставил непреходящие заветы социально-политического характера. Жизнь общества должна основываться на согласии – «с нея же все доброе всякому граду и всякому собранию приходит, незгода бо и наибольшие царства разрушает». Закон должен быть «почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея в себе закритости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный». Особые требования – к служителям Фемиды. «Судьи и справце да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся ни на жадную страну, и не зрять на лица, и не принимают даров, дары бо ослепляют очи мудрых и отмещут словеса праведных».

В целом период ВКЛ было *органичным* для белорусского народа, его *акматическим* взлетом (греч. акмэ – расцвет). Классическое белорусское Возрождение – подлинная культурная «скала», золотой век духовности народа. У него, как отмечает Я. Запрудник, была «общенациональная родословная».

Однако верно сказано, что «геополитику никто не отменял» (Тренин). Под жестким натиском Тевтонского ордена, с одной стороны, и Московского царства – с другой, во второй половине XVI в. на основе Люблинской унии 1569 г. ВКЛ объединяется с Польшей в формально федеративную республику – *Речь Посполитую*. В оценках этого этапа белорусской истории немало предрассудков «старого спора среди славян», и реально в нем было все – «и жизнь, и слезы, и любовь».

С формально-правовой стороны на белорусских территориях продолжала действовать особая государственная администрация, судебная система и свои законы. Главным источником права на Беларуси и во всем княжестве Литовском в составе Речи Посполитой оставался Статут ВКЛ 1588 года. Попытки его трансформации в интересах Польши были отклонены, и он без коренных перемен действовал на территории Беларуси вплоть до 1840 года. Вместе с тем, отмечают эксперты, «иное этническое самосознание белорусов и их самопонимание как части политической нации Речи Посполитой уже в начале XVI в. знаменует битва под Оршей в 1514 году, когда белорусские войска, руководимые князем Константином Острожским, разбили численно превосходящие войска Василия III» [Липатов, 2003, с. 86].

С другой стороны, Западную Беларусь – одну треть Польской республики – составляли так называемые «национальные меньшинства» – русские, белорусы, украинцы. Государственные инстанции называли их собирательными именами – *русины*, *русичи*, а белорусской этнической идентичности вообще не признавали. В 1697 г. ее язык был запрещен. При выдаче документов белорусам графа «национальность» не заполнялась. Ее не было и в анкетах во время народной переписи, производившейся каждые десять лет. По программе польского правительства белорусы являлись объектом *полонизации*, а Западная Беларусь называлась «Крэсамі Выходнімі», т. е. восточными окраинами Польши [Маркос, с. 312].

Об *отчужденном* состоянии белорусского народа в составе Речи Посполитой свидетельствует и эволюция его менталитета. Еще в начале XVI в. М. Гусовский поэтизировал смирение зубра-рыцаря («не трогай – не зацепит»), но позднее, в XVII в. Ф. Кмита-Чернобыльский уже иначе интерпретирует эту черту характера: «Давно резать стали литвина. И то де, с прырожения натуры... просто як овца: где их больш берет волк, там оне дальше за ним идут! Большы будет жычливый народу польскому, ничели своему!.. не ведаем, куды в сию есмо диру влезли!».

Однако сова Минервы все же прилетает в полночь, и а posteriori в Польше признают, что, по словам польского публициста С. Братковского, у Польши есть «кое-какие обязательства перед Беларусью, Украиной, Литвой и Латвией». Об этих долгах напоминает то, что «треть нашей интеллигенции носит фамилии, по которым легко установить, из каких земель она происходит». Достаточно напомнить, что официально польский поэт А. Мицкевич сильно тосковал по родине, когда утратил ее. В поэме «Пан Тадеуш» («Pan Tadeusz») он писал: «Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie, // Ile cie trzeba cenic ten tylko sie dowie // Kto cie stratil. Dzis pieknosc twa w calej ozdobie // Widze i opisuje, bo teskne po tobie».

С XVII в. начинается смена вектора эволюции Беларуси, ее «дрейф» на Восток. В результате войны между Речью Посполитой и Московским государством 1654–1667 гг. и в особенности ее последующих разделов в 1772, 1793 и 1795 гг. большинство белорусской территории было включено в состав Российской империи. В 1840 г. самое название «Белоруссия» было заменено на «Северо-Западный край».

Даже националистически ориентированные исследователи отмечают, что приобщение Беларуси к России привело к фундаментальным положительным результатам. Оно положило конец феодальной анархии, которая тормозила социально-экономическое развитие, способствовало росту производительных сил, принесло некоторую политическую стабилизацию. Вместе с тем имперская Россия не избежала и негативного воздействия на

Беларусь, прежде всего в форме принудительной русификации. «Западный край, – утверждал П. Столыпин, – был, есть и будет русский навсегда!» [19 2 8].

Тем не менее, значимо и русско-белорусское социокультурное взаимодействие. Заметную роль играли миграции. С одной стороны, массовые переселения русских, в особенности бегущих от закрепощения и преследуемых за веру («староверов») в Белую Русь, а затем – в Северо-Западный край, с другой – бегущих в Московию от ополячивания, главным образом – фактически принудительного обращения в католическую веру. В XVI–XVII вв. белорусы интенсивно заселяют Москву и составляют до 20 % ее жителей (ремесленники).

Пассионарии белорусской культуры Петр Мстиславец и Иван Федорович (Федоров) были основателями первой типографии в Москве, а Симеон Полоцкий, просветитель, поэт, драматург, автор первого устава Московской академии, был духовным наставником Петра I. Список этих имен без труда может быть умножен, но достаточны имена этнических белорусов Ф. Достоевского и М. Глинки. А. Пушкин впервые писал: «Народ, нам родной...» [1976, с. 84] и почти буквально – Ф. Достоевский: «Народ, издревле нам родной... Без этой веры в себя не устоял бы... в продолжение веков белорусский народ». Интересно, что в программе организации «Земля и воля» (1878), наряду с тем, что «наша обязанность – содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желанием», Беларусь не фигурирует среди тех, кто «при первой возможности готовы отделиться, каковы, например, Малороссия, Польша, Кавказ и пр.» [Цит. по: МН, 2–8.09.2005].

«Честное зеркало» органичного белорусско-русского культурного взаимодействия – позиция выдающегося деятеля белорусского национального движения В. Богдановича (член Сената II Речи Посполитой, «душа» журнала «Православная Беларусь»). По оценке эксперта, это «общенациональный белорусский лидер, независимый от конфессиональной ориентации» [Лабынцев, с. 161], защитник белорусского языка, боле того – узник польского концлагеря вплоть до освобождения войсками НКВД в Вильно в 1939 году.

XX век стал новым вызовом самостоянию народа Беларуси. По словам Маркоса, «неокрепшее национальное движение вошло в период Первой мировой войны и Февральской революции. В условиях оккупации оно нашло поддержку немецких властей... ориентация на Германию скомпрометировала идею создания национального государства и, по сути, погубила ее реализацию» [Маркос, с. 16].

Такой «компромат» не прошел бесследно. После краха Российской империи и накануне Великого Октября вопрос судьбоносного выбора Беларуси «во весь рост» встал на Всебелорусском съезде (Минск, декабрь 1917 г.). Ориентации депутатов были далеко не однозначны и четко выявили *двойственный* феномен Беларуси. Непреходящую значимость имеет произнесенная на съезде речь лидера белорусских социал-демократов А. Вазилло. «Но встает вопрос, – говорил он, – что же дальше? Как самоопределиться?... С плеча рубить судьбу целого народа – преступление... *Наша белорусская судьба слишком тесно переплетена с судьбой всей России...* И, будучи широко автономным народом, Белоруссия должна войти в Великий Русский Союз, образовав Федеративную Российскую Республику» [Вазилло, 1996, с. 45–53].

Не всем надеждам белорусских социал-демократов суждено было сбыться. Согласно Рижскому договору 1921 года, заключенному между РСФСР, УССР и Польшей, к последней было отнесено 40 % территории современной Беларуси, где проживало 2,6 млн человек, однако по польским данным – 1035 тысяч человек [Народная газета, 4.07.1992]. В 1939 и 1946 гг. значительная часть этнической Беларуси то соединялась со своей западной частью, то передавалась другому государству (Белостокский край). Тем не менее, белорусский зубр, проявляя традиционное великодушие, выбирал *меньшее* из двух зол. Профессор Я. Гросс в книге «Революция из-за границы. Советское завоевание Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии» [Gross, 1988] писал, что во время вступления Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину в 1939 г. польские войска учинили расправу над местным белорусским, украинским и еврейским населением. Поэтому оно приветствовало приход Красной Армии. Но затем, в свою очередь, были репрессированы 10 % населения Западной Белоруссии и Украины, из них – 50 % поляков, 20 % белорусов и 30 % евреев [Свабода, 1992. № 9–10].

Общий знаменатель этого калейдоскопа цифр и событий – по сути неустранный дефицит политической *субъектности* Беларуси, но теперь – в иных конкретно-исторических формах. В течение 70 лет XX века Беларусь жила в режиме коммунистического «безнационала». Первый секретарь КПБ В. Кнорин писал: «Белорусы не являются нацией... те этнографические особенности, которые их выделяют среди остальных русских, должны быть изжиты». Эта установка осуществлялась в системной и последовательной политике *русификации* Беларуси. Об этом убедительно свидетельствует статистика [Вестник, 1990, с. 77]:

Было бы дальтонизмом не видеть, что русификация, в отличие от полонизации, была дозированной и далеко не всегда и не во всем принудительной. В БССР было введено изучение белорусского языка в школах. Белорусский язык, вопреки обстоятельствам, стихийно хранила *вёска (деревня)*, а сознательно – многие творцы высокой культуры. Они следовали завету Ф. Богушевича: «Наша мова для нас святая, бо яна нам ад Бога даная, як і другім добрым людцам, і гаворым жа мы ёю шмат і добрага, але так ужо мы самі пусцілі яе на здзек... Яно добра, а нават і трэба знаць суседскую мову, але найперш трэба знаць сваю... ото ж гаворка, язык і ёсць адзежа душы» [Багушэвіч, 1952, с. 25–26]. По-белорусски писали Я. Купала и Я. Колас, и их творения вошли в золотой фонд не только советской, но и польской культуры (об этом напоминает памятник им в центре Варшавы).

Вместе с тем, пространством появления великих произведений стал белорусско-русский *билингвизм*. Его глубинный источник – в исторически сформировавшейся и ставшей народным архетипом способности глубоко и ярко выражать свою духовную сущность на двух языках – прецеденты выдающегося писателя, «белорусского Ремарка» В. Быкова, С. Алексиевич, замечательных «Песняров» В. Мулявина. Эти феномены – в русле высокой культурной традиции.

Как известно, так называемые «факты», объективные в своей основе, остаются «вещью в себе» и вписываются в историческое наследие в зависимости от их интерпретации. Опыт свидетельствует о способности народа Беларуси к созданию и развитию *суверенной* (на ранней ступени) или *составной* государственности, и ее обретения и потери сопоставимы с политическими объединениями других народов. Тенденция к возрождению полузабытого феномена белорусского Зубра в политической ипостаси это «свое-другое» более глубокого и непреходящего культурно-цивилизационного процесса. Белорусы издревле, благодаря или вопреки обстоятельствам, были и остаются оригинальным и значимым *культурным субъектом* в славянском ареале и общеевропейском контексте. Чем объяснить этот феномен?

Такое самоутверждение происходило в уникальных обстоятельствах *неотделимости* от Запада и Востока – одновременно исторического шанса и рока белорусского народа. Как отмечает белорусский исследователь Я. Риер, «отвергать историческую особость белорусов, как это повелось со времен появления так называемого «западнорусизма»... неверно... славянская основа и, одновременно, связь с западной культурой позволили Беларуси стать мостом между западным и православным типами культур» [2006, с. 181]. К степени адекватности термина «мост», скорее подходящего прочному *объекту*, чем деятельному *субъекту*, еще предстоит вернуться, но здесь достаточно отметить, что, вопреки далеким от однозначности политическим взаимоотношениям, многовековая коммуникация белорусской культуры с культурами-соседями, их взаимообогащение, опыт во многом органичного общения между народами – все это привело к формированию одной из важнейших, самоценных и общепризнанных черт белорусского менталитета – *толерантности*. Она означает не только неагрессивность, незаинтересованность в экспансии, склонность к поиску компромиссов, но и способность к *миротворчеству* – не сводимой к вопросам войны и мира синергии культурного потенциала народов. Так было веками, вплоть до увенчания белорусско-русской культуры такими общепризнанными мировыми шедеврами, как творчество этнического белоруса Ф. М. Достоевского, школа М. Шагала и др. Этим достигался тот всечеловеческий синтез, который «русский Екклезиаст», как принято называть Достоевского, венчает культуротворчество братских народов.

Однако объективной тенденции *восходящей культурной субъектности* белорусов в творении национальной культуры и культур соседних народов все более противостояла нисходящая *цивилизационная* и нередко впадающая в *варваризацию* тенденция – превращения Беларуси в *пограничье* Запада и Востока, в ристалище их противостояния. В русле такой устойчивой традиции Беларусь вступила в период *суверенизации* постсоветских государств.

4.2. Становление Республики Беларусь как нации-государства

«История выработала для белорусов особую национальность, и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития»

К. Калиновский

«Многие государства борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Среди развитых стран это Канада, Норвегия, Япония. Среди развивающихся – Россия, Белоруссия, Китай»

Е. Пономарева

Прежде чем Беларусь оказалась среди немногих стран, способных к политической и социокультурной самоидентификации в условиях глобальной реструктуризации современного мира, она, принявшая в 1990 г. Декларацию о суверенитете, изначально находилось

в состоянии бифуркации, или неопределенности. Начиная с 90-х гг. прошлого века, молодая республика более десятилетия переживала *системный кризис*, в котором противоречиво переплелись тенденции *деструкции* – дезинтеграции, ставшей в течение нескольких поколений традиционной социалистической системы ценностей и связанной с этим процессом активизации разнонаправленных культурных архетипов и комплексов, в том числе провинциализма, ксенофобии и шовинизма, а с другой стороны – формирования новой модели *реконструкции* общества, адекватной вызову современности.

Эксперты отмечали, что в условиях Беларуси «основанием для «культурно-идеологического» программирования служит та или иная интерпретация национально-государственной идеи в контексте существующей геополитической ситуации для нового государства. Историческая ретроспектива и современное состояние общественной мысли Беларуси обнаруживают, что на переломных этапах ее истории набор культурно-идеологических векторов в целом ограничивается тремя доминирующими течениями: идеология «возвращения в Европу»; концепция «славянского единства» в различных интерпретациях; идеология «цивилизационного моста» между Западом и Россией [Гуманітарна..., 1996, с. 43].

В целом в республике еще преобладали «расщепленное» сознание и ориентации. По оценке В. Конана, утрачивалась способность «сохранять гармоничную меру взаимодействия собственно-национального «ядра» и межнациональных духовных взаимодействий... Общественная мысль в Беларуси поляризовалась, население поделилось на белорусов – тех, кто за суверенную, независимую белорусскую государственность, за полноправное экономическое и культурное сотрудничество с «востоком» и «западом», и на антибелорусов – тех, кто отрицает национально-культурную самостоятельность Беларуси, а также тех, кто посередине, – не занимает никакой позиции или мечтает про «добрые старые времена» [Контакты..., 1996, с. 28].

На такой смысловой развилке в первой половине 90-х гг. культурно-политическая инициатива во многом принадлежала Белорусскому народному фронту (БНФ) «Возрождение». Объективности ради заметим, что он начинал свою деятельность в 1989 г. с программы, основанной на *реформации существующего* общественного строя. В. Быков на 1-м съезде БНФ заявил: «Мы верим в человеколюбивую мудрость Москвы, разум русской интеллигенции, ЦК нашей партии. Мы верим, что великий прораб исторической перестройки Михаил Горбачев нас поддержит. Иначе и не может и не должно быть» [Белорусская трибуна, 1989, № 7(11)]. Программа содержала реформу СССР, включая его действительно федеративное устройство, «организацию широкой поддержки начатых лучшими силами КПСС радикальных перемен во всех сферах общественной жизни, ... за возрождение ленинских принципов национальной политики, за реальный суверенитет Беларуси» [Там же, с. 7].

Если буквально за несколько лет «верные ленинцы» оборотились не менее верными *этнорадикалами*, то это свидетельствует если не об отсутствии традиции национально-освободительного движения в Беларуси, то во всяком случае – о ее *неукорененности*, разрыве такой преемственности и чисто прагматической ставке на этнонационализм как компенсаторный инструмент борьбы за перераспределение власти и собственности. Но очевидный диссонанс между амбициями и «амуницией» означал, что БНФ «под собою не чуял страны». Еще на его съезде в 1999 г. висел транспарант: «Зенон временно в эмиграции, но всегда – лидер нации». Вопрос к делегату съезда: «А чего ж он тогда не возвращается? – Боится. – Лидер нации боится тюрьмы? – Наоборот, боится, что власть на него просто внимания не обратит» [Общая газета, 5–11.08.1999] и фактически сошел с политической авансцены.

Здесь следует отделить зерна от плевел. Статистика показывает, что Беларусь, подобно Германии, – государство, близкое к *моноэтничности* (более 80 % – этнические белорусы). Это ориентирует на осмысление роли и самоутверждение белорусского этноса в завершении процесса консолидации народа Беларуси. Такая роль обусловлена признанным пра-

вом *титульного* этноса в современной нации-государстве. Это весомый аргумент и в отношениях с сопредельными государствами по поводу статуса проживающих там этнических белорусов. В России их 1,2 млн, Украине – 0,4 млн, республиках Средней Азии – 300 тысяч, балтских государствах – 200 тысяч.

Однако БНФ нарушил эту рациональную меру и встал на путь утверждения белорусской *этнократии*. На смену традиционной толерантности пришла не просто ориентация, а практика «Беларусь – для белорусов». Этнические белорусы рассматривались как «тут-эйшыя», а все другие этносы – как «чужынцы». Оранжевующая эту практику лексика уже не напоминала «Зубра» Гусовского, а была апологией цели, которая оправдывает средства. «Жизнь, – писал И. Вотщепка, – это колесо, земля стоит, а оно вертится. Бывает, подымет на самый верх, а потом со всего маху – вот тут не дай бог растеряться: раздавит, как жабу. Мокрое место оставит, а само покатится дальше. Ему некогда ждать, пока ты будешь штаны подтягивать. Но если ты правильно выбрал маршрут и у тебя есть план, как добиться своего, ты кум королю, а то и более. Мало кто найдет смелость сказать льву, что у него со рта смердит» [1990, с. 156].

Такому дурно понятому «макиавеллевскому» настрою этнократов явно не доставало ницшеанского различения: «Быть, а не казаться». В атмосфере созданных ими мифологем они фантастически быстро проделали путь от «овцы» до «льва», ностальгируя по виртуальной *сверхдержаве* – «старажытнай» Беларуси от Балтийского до Черного морей, от Вильно до Смоленска. Идеологи БНФ вызывали дух М. Довнар-Запольского – историка начала прошлого века: «Белоруссия представляет собой обширную страну, состоящую из губерний – Минской, Могилевской и Смоленской и почти всей Витебской... из почти всей Виленской, из Гродненской, из трех северных уездов Черниговской и прилегающих волостей и губерний... на востоке – Псковской, Тверской, Калужской и Орловской. Это составляет 258000 км², на которых живет 12 миллионов белорусского населения и более 3 миллионов других национальностей – великороссов, евреев, поляков и татар» [1990, с. 133].

Но география автоматически не становится геополитикой. «Легкость необыкновенная» такой, как помнят читатели по классическому прецеденту, «е-аргафии» (в особенности высокомерный пассаж с анонимными «прилегающими волостями и губерниями») в том, что Божий дар – белорусские Минщина, Могилевщина и Витебщина – перепутан с «яичницей» – исконно русскими Тверью и Орлом, украинской Черниговщиной. Провокационный характер и взрывной эффект такой геомифологемы подкреплялся настойчивыми живописаниями якобы *фатальных* и известных военных конфликтов между ВКЛ и Речью Посполитой с Россией. Определенность в смысл этой мифологемы внесло замечание Н. Короленко о том, что «мы ведь историю строим, ... как и где белорусы кого-то побили, какие войны и что нам принесли или отобрали. Так, может, лучше воссоздавать историю мира между народами Беларуси, России, Литвы и Украины» [Республика, 14.10.1992]. Но творить мир между народами невозможно, если у «льва» из пасти смердит.

Амбициозный размах этнократии, во многом уже пришедшей к власти, был обратно пропорционален ее реальной роли в безотлагательном решении накопившейся «критической массы» внутренних проблем страны. На острие этих проблем, безусловно, были последствия чернобыльской трагедии. Беларусь оказалась первой в мартирологе ее жертв, хотя она и произошла не на ее территории. В заключении экспертной комиссии Госплана СССР утверждалось «о величайшей катастрофе в истории земли» [Энергия, 1990, № 7, с. 4]. На 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН она была определена как «без преувеличения, величайшая катастрофа в истории человечества».

Тем не менее, подлинные масштабы материальных потерь и угрозы народному генофонду существенно превосходили официальные данные. Автор провел сравнительный анализ советской версии чернобыльского «следа» и оценок семи независимых международных

центров. Если максимальную оценку такой активности принять за 100, то оценка Госплана составила 37 и одного из международных центров – даже 26. Остальные пять групп экспертов оценили ее соответственно: 50, 70, 98, 100, 100. «Хвост» чернобыльской гидры простирался на расстояние 10000 километров, и, по некоторым оценкам, ее суммарная активность – 120 миллионов person-rem – будет способна оказывать свое воздействие в течение 70 лет, т. е. смены трех поколений [Levyash, 1992].

В Беларуси лишь через четыре года после аварии был признан ее пред-катастрофный популяционный эффект – угроза генофонду населения. В Декларации о государственном суверенитете БССР речь шла уже об угрозе национальной катастрофы и «спасении народа». Что же предложили и сделали властвующие этнократы?

Радиационный фон беспрецедентной беды стал лакмусовой бумажкой некомпетентности, политиканства и популизма определенной части белорусской элиты. Их исчерпывающе представил доктор исторических наук Л. Лыч: «Меня пугает мысль: может быть, сегодняшнее поколение молодых белорусов биологически будет сильнее, чем то, которое только народится на земле и будет считаться специалистами относительно чистой... а что, если эта часть не будет тем гарантом, который обеспечит в будущем нормальный генофонд для белорусской нации? Поэтому не разумней было бы, во имя сохранения ее самобытной общности на планете, определенную часть наиболее национально сознательных разнополых молодых белорусов, а также недавно сформированных семей в общем примерно до 100 тысяч человек в организованном порядке, за полный государственный счет компактно переселить куда-нибудь на новое место?... Думается, ООН благосклонно отнеслась бы к такой просьбе белорусов и с помощью всемирной прогрессивной общественности нашла бы на планете Земля благоприятный с точки зрения природно-климатических условий кусок территории для этого количества белорусов, чтобы они могли тут развиваться как самостоятельный народ... Поэтому направлять в далекий неизведанный край нужно белорусов с высоким уровнем национального самосознания, устойчивых против всяких форм ассимиляции» [ЛіМ, 4.05.1990]. Как говорят по таким поводам, комментарии излишни.

Глобальная по масштабам чернобыльская трагедия для Беларуси стала проблемой *выживания* нации. Последствия такой чудовищной катастрофы объективно не могут быть преодолены в короткий срок и окончательно. Но и полное осуществление принятой Чернобыльской государственной программы объективно не могло быть достаточным, тем более – оптимальным. Реально речь шла и идет о предельной *минимизации* последствий катастрофы. Это подлинное испытание компетентности и ответственности всех заинтересованных сил и структур. Помимо комплекса специальных мер в «зоне», необходимы повсеместный переход к экотехнологиям, полноценное питание населения, обустройство его быта, оздоровление больной всеми дефицитами медицины, и многое другое. Важную роль могла бы сыграть более энергичная мобилизация усилий мирового сообщества за счет разницы между «вяло-гуманитарной» (К. Ясперс) помощью и подлинно гуманной сопричастностью к трагедии.

Все это требовало *системной реформации* Беларуси, ее трансформации в современное высокоразвитое общество. С таким национальным приоритетом, по-видимости, согласны практически все – от «правых» до «левых». Вопрос заключался в соперничестве двух моделей социально-экономического развития, основанных на различных типах собственности и управления. Адепты каждой из моделей предлагали свою в качестве истины в последней инстанции. Одни апеллировали к чудо-свойствам рынка, автоматизму либеральной экономической стихии, другие – к директивному началу, плану как панацее от экономических бед.

Пытаясь реализовать неолиберальную модель, этнократы поставили под угрозу стагнации среднеразвитую и еще неконкурентоспособную производственную инфраструктуру,

ввели распределительный «военный коммунизм» (по карточной системе), обескровили инфраструктуру некогда славных своей ухоженностью белорусских городов и «весей».

Под угрозой деградации оказалось ядро конкурентоспособности страны – ее развитый *человеческий капитал*, унаследованный от советских времен. В Беларуси начала 90-х гг. работников с высшим и средним специальным образованием в расчете на 10 тысяч человек было больше, чем в 10 из 15 республик бывшего Союза. Годовая выработка чистой продукции на одного занятого составляла 41 % этого показателя в Германии. В прессе отмечалось, что японские партнеры Республики Беларусь обнаружили «неостывшую способность» белорусских рабочих и инженеров «давать высококлассную продукцию. Здесь умеют хорошо работать и выпускать не сырье, а готовую продукцию нужного качества» [Известия, 7.10.1995]. Японцы знают в этом толк: прочная репутация Беларуси как «сборочного цеха» – не столько порок, вызванный былой моноспециализацией, сколько стандарт технологической добродетели, свидетельство массовой способности к освоению сложных технологий. С таких позиций стартовать к развитому информационному обществу – не только реальная задача, но и для Беларуси как сравнительно небольшого государства, практически лишённого сырьевых «козырей», – единственный, но надежный шанс к тому, чтобы самоутвердиться в качестве государства с высоким интеллектуальным потенциалом. Однако в это десятилетнее «лихолетье» он так и не был востребован.

Глубинным основанием «мерзости запустения» первой половины 90-х гг. было бессилие властвующей этнократии сформулировать *общенациональные* интересы и ценности *народа* Беларуси, консолидировать его в единую нацию-государство.

Печатью такой ограниченности отмечена и *культурная политика* этого периода. Провозглашенное «Адраджэнне» пытались осуществить в духе *ретро*, свести его к «стараяйт-най беларусчыне». Мало кому было понятно, что Возрождение это не просто возвращение, и, следуя мудрости постпозитивиста А. Н. Уайтхеда, «мы так же не можем жить без музеев, как и не можем жить в музеях». И в Беларуси невозможно дважды войти в одну реку. Так, важно знать и чувствовать, что истоки национального менталитета – в крестьянской среде. Однако, уважая прошлое и храня его, *нельзя жить в нем и только им*. Но, по мнению В. Конана, именно «село и селяне... создали культуру... Урбанистическое общество создает не культуру, а современные формы унифицированной цивилизации». Здесь заметно влияние О. Шпенглера, его символов деревни как «задушевного детства», а цивилизации – «мертвого каменного города». Такая ориентация – в лучшем случае плод недоразумения. Ф. Скорина вырос и расцвел в Вильно и других культурных центрах Европы. Ф. Достоевский (этнический белорус) – законченный урбанист, мыслитель Северной Пальмиры, но его творчество – вершина как раз культуры, а не цивилизации, жесткий приговор ей в состоянии декаданса, но вовсе не цивилизации как таковой. Если также учесть, что из 9,5-миллионного населения Беларуси того времени уже около 8 млн человек составляли городское население, то чисто крестьянская ориентация возрождения напоминает птицу немецкого художника П. Клея – странное существо с устремленной вперед грудью, но повернутой назад головой.

Все, что является непреходящим в подлинно белорусском культурном наследии, остается одним из столпов современного этапа общенационального духовного обновления. Однако второе издание его возрождения парадоксальным образом связано с разночтениями по поводу субъекта национальной идеи, ее *этноцентристской* или *полиэтнической* интерпретациями. Их смысл выявился в характерном диалоге двух экспертов: «– Мы являемся свидетелями национального возрождения. И не только белорусского. Но иногда белорусские деятели примерно так высказываются в адрес представителей других национальных меньшинств: подождите, вот возродим белорусчину, а там уже и вам поможем. – Мы стали свидетелями двух параллельных процессов национального возрождения – белорусского и малых национальных групп – русской, польской, украинской, еврейской, литовской.

И думается, совсем не нужны упреки, кто более пострадал. Потерпели все в одинаковой степени» [Звезда, 6.01.1993].

Действительно, некоторые деятели «беларусчыны», трактуемой в узком смысле, как возрождение только белорусского этноса, оставили переставшую быть актуальной для них тему: «Кому на Руси жить хорошо?» – и занялись другим сюжетом: «Кому на Беларуси жить хуже?». Решив, что хуже всех белорусам, они предложили другим этносам «погодить», пока не возродится «беларусчына». «Последний довод» этнократов – заметное преобладание «тутэйшага» этноса в составе населения.

Это вызвало широкую оппозицию. В заявлении Координационного совета национальных объединений республики в 1992 г. отмечалось: «В последнее время на различных уровнях высшими официальными лицами делаются *заявления* о приверженности республики... соблюдению прав человека и национальных меньшинств. Но одно дело делать заявления, а другое – осуществлять их на *практике*... До настоящего времени не принят закон о национальных меньшинствах; законы о культуре, языке и другие содержат элементы дискриминации по отношению к национальным меньшинствам. Национальные меньшинства лишены доступа к средствам массовой информации... В органах законодательной и исполнительной властей нет структур подлинной защиты интересов национальных меньшинств» [Народная газета, 4.04.1992].

Однако преобладающие во властных структурах первой половины 90-х гг. этнократы были глухи к такому положению. Духовная роль титульного этноса – собирателя единой полиэтнической нации – оказалась для них явно шапкой не по Сеньке. В принципе этого и невозможно достичь, сохраняя в концептуальном арсенале представления о «национальных меньшинствах», которые заведомо ставят белорусское этническое большинство в привилегированное положение.

Вопреки этому, национальные «меньшинства» не только не согласились с монополией титульного этноса на фактический статус «чужынцаў», но и ответили, хотя и по-разному. Многие из тех, кто поддался гласу сирен, что у них есть «метрополия» (поляки, литовцы, особенно евреи), эмигрировали. Не говоря уже об утрате ими своей белорусской Родины, Беларусь потеряла сотни тысяч лояльных и высококвалифицированных кадров. Другие, не приняв статуса «чужынцаў», перешли на радикальные позиции выражения своих прав, вплоть до угрозы *унитарному* устройству государства, особенно в Полесье.

«По плодам их узнаете их». Плоды «адраджэння» в этнократическом духе оказались ядовитыми, не от древа добра и консолидации народа Беларуси, а зла его этнокультурного разобщения. Не удивительно, что искусственный вакуум между белорусскими этнократами и небелорусскими этносами стали охотно заполнять все заинтересованные международные «субъекты» – от украинских великодержавников до западных радетелей мультикультурализма как прикрытия угрозы национальной безопасности единой и неделимой Республики Беларусь.

По всему периметру проблем Беларусь оказалась перед *вызовом* Современности – как народ с богатой духовной традицией и высоким человеческим капиталом, как общество, взыскующее свободы и справедливости для всех, как государство, которому еще предстояло самоутвердиться. Общецивилизационные проекты реформации страны, основанные на апелляции к общечеловеческим ценностям либеральной демократии, выявили свою неэффективность вне конкретного *месторазвития* (термин П. Савицкого), или национальной «почвы». В равной мере обнаружилась бесперспективность этнократических ориентаций. Исход был в трансформации общечеловеческого опыта и ценностей в контексте уникальных культурно-цивилизационных особенностей Беларуси.

Как всегда в критических ситуациях, стал очевидным «железный» закон *примата политики над экономикой*. Именно политика – внутренняя и внешняя – требовала решитель-

ной смены политического курса для выхода из системного кризиса и решения назревших проблем.

Политические силы в Беларуси, сознавая, что «жить по-старому» нельзя, по-видимости согласно апеллировали к *суверенной демократии*, но понимали ее по-разному. В. Быков исповедывал безоглядный *демократический радикализм*: «В таком стремлении, – писал он – цель, которая оправдывает самые радикальные средства. Но средства демократические» [Народная газета. 13.05.1992].

Ориентация на «самые радикальные средства» ставила под сомнение легитимность *сильной*, т. е. *авторитарно-демократической* власти, вызывала призрак диктатуры. Большому художнику слова Быкову было прощательно не знать, что «использование термина «авторитарный» с необходимостью требует прояснить понятие авторитета. С этим понятием связана огромная путаница, поскольку широко распространено мнение, будто мы стоим перед альтернативой: диктаторский, иррациональный авторитет или вообще никакого авторитета. Но эта альтернатива ошибочна. Реальная проблема в том, какой вид авторитета следует нам признать... Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность... Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми» [Фромм, 1992, с. 17].

В такой оптике видится интервью С. Алексиевич «Народной газете» [13.03.1996]. «Мы, интеллигенция, живем в кругу своих представлений, иллюзий о народе. Надо признать: связь с реальностью у нас слабая, народ нас не услышал... Это наше общее поражение... Мы не поняли, что по-прежнему далеки от народа, не имеем о нем никакого представления. И та крайность, когда народ называют «быдлом», «совком», говорит о нашей слабости, бессилии... Каков священник, такова и паства».

В первую очередь это относится к БНФ. Проблема его лидерства еще оставалась открытой. В конце 80 – первой половине 90-х гг. оно принадлежало З. Позняку. Известны его заслуги в снятии покровы тайны о большевистском терроре (Куропаты), в возрождении национальной памяти. Однако Позняк не прошел даже школы диссидентства, обнаружил некомпетентность в генерации инновационных идей, изначально был склонен к абсолютизации этнической «беларусчины», вплоть до вульгарной русофобии. Широкое неприятие вызвали также радикальные методы «штурма и натиска», спровоцированные иллюзиями триумфального шествия БНФ. Вследствие этого в 1995 г. он потерпел поражение на парламентских выборах. Извлекая уроки, некоторые активисты (Ю. Ходыка и др.) предложили новую, более гибкую концепцию разделения БНФ на *партию* и *движение*. Движение должно было стать выразителем национальной идеи, партия – консервативной идеологии, и вместе они должны были идти на сближение с общедемократическими силами. Позняк – и не только он – были против, за БНФ как *фронт*, в буквальном смысле конфронтационная сила.

В результате, как писал публицист А. Майсеня, «БНФ не состоялся в главном – как Народный фронт, как подлинно массовое демократическое движение. И в этом его трагедия. Идея БНФ оказалась гораздо шире и привлекательнее реальности БНФ» [Знамя юности, 23.04.1991].

На таком фоне очевидна потребность в крутом повороте, который произошел со сменой политического руководства страны, переходом к президентско-парламентской республике во главе с президентом А. Лукашенко. *Стиль* его руководства – *сила авторитета*, если возможно, *авторитет силы*, если необходимо. Хорошо узнаваемый «городом и миром» секрет же его легитимного и стабильного лидерства – не только в известном «рациональном авторитаризме», но и устойчивой способности действовать согласно максиме французского философа Э. Ренана: «Все великое совершается народом, народом же нельзя руководить, не разделяя его идей... Нельзя порицать того, кто берет человечество со всеми его иллюзиями и пытается влиять на него и через него» [1994, с. 125].

Президент Республики Беларусь вполне «под собою чует страну». «Наш народ воспитан на традициях коллективизма, – говорил он на съезде Советов 29 сентября 2000 г. – Наш народ – социалистический народ. Основа

– социальная справедливость» [Цит. по: СМ – XXI, 2001, № 7, с. 34]. Это не следует понимать буквально, как курс на возврат к социализму. Но, сознавая «разрывы» переходного этапа, связанного с угрозой утраты скромных, но действительных социальных достижений (такая угроза заметна и в до-путинской России), а также с мощной тенденцией к *социализации* во всем развитом мире, особенно в Европе, президент и идущая за ним элита разработали и осуществляют *авторитарно-демократическую стратегию выживания и стабильного развития* Республики Беларусь. Судя по итогам выборов президента и органов государственной власти, референдумов (1995, 1996) и Всебелорусским народным собраниям (1996, 2001, 2009), этот курс вполне *легитимен*. Самые крупные результаты внутренней политики – политическая стабильность, недопущение деиндустриализации страны, спасение ее производительных сил от либерального погрома, осуществление ряда градостроительных и научно-технических проектов, социальная защита человека труда, внимание к молодежи, билингвизм и т. п.

Однако вокруг содержания и стиля такой политики до сих пор не утихают страсти. Известен остракизм и обвинения в адрес А. Лукашенко как «последнего диктатора Европы», которые Запад обрушил на действительно далеко не «ручного» президента Беларуси. Между тем, *искусственное противопоставление* авторитаризма и демократии объективно обесценивает концепцию и практику рационального демократического авторитаризма. Более точен руководитель российского Института национальной стратегии С. Белковский. Он полагает, что «в ходе последних сроков своего правления эти лидеры (Н. Назарбаев и А. Лукашенко) вполне успешно решают проблемы роста и создают предпосылки для плавной демократизации, не сопряженной с элитными потрясениями» [НГ. 14.09.2005].

С таких позиций реанимация индустриального комплекса Беларуси и его развитие к высшей, инновационной ступени на основе мобилизации человеческого капитала – не только вполне реальная задача, но и для Беларуси, как страны, практически лишенной сырьевых «козырей», – единственный шанс выживания и самоутверждения своего места в мире. Этому подчинены «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь» (1997), разработанная в русле известной «Декларации РИО» (1992), и «Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг.». Комплекс мер, предпринятых в последнее время по нейтрализации последствий надвигающейся мировой депрессии и вместе с тем – экономическому стимулированию и правовому регулированию цивилизованного предпринимательства, организации гибких форм его взаимодействия с государством, – все это свидетельствует об испытанном на эффективность в послевоенной Европе «третьем пути», или *социальном* государстве.

Политическая и культурная элита страны отдает себе отчет в том, что маршрут стабильного и динамичного развития не обещает быть триумфальным шествием, и во многом зависит от преодоления культурно-идеологического вакуума, формирования деятельной сопричастности всего народа, мобилизации его духовной и социальной энергии. На пресс-конференции 17 сентября 2002 г. А. Лукашенко констатировал, что современная «белорусская идея не выработана». Уже в следующем году президент изложил исходные позиции и принципы этой идеологии: «Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан. Государство без идеологии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более противостоять внутренним и внешним угрозам... Собственные традиции, идеалы, ценности и установки составляют становой хребет нашего народа. Они не придуманы, а выстраданы нашим народом» [2003, с. 20].

4.3. Республика Беларусь в новом мире

«Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции... Наш союз призван стать ключевым региональным игроком, который поможет выстраивать отношения с ведущими мировыми экономическими структурами... мы предлагаем интеграцию интеграций»

А. Лукашенко

Выраженный в эпитафии смысл внешнеполитического выбора Республики Беларусь – достаточно уникальный не только в постсоветском пространстве. В мире слишком много государств, которые открыто демонстрируют свою ориентацию с непременной приставкой «про» какого-либо могущественного субъекта. Выбор Беларуси это прежде всего «самостояние» молодой нации-государства на основе признания геоглобалистских реалий и международного партнерства путем баланса интересов и силы права. Такой выбор осложняется тем, что суверенизация Беларуси, которая при всей своей предыстории была Минервой, внезапно явившейся из головы Юпитера, стала историческим испытанием способности экстерном и «на марше» пройти «приготовительные классы» и продемонстрировать миру политическую зрелость. Ее безошибочный индикатор – осознание, что национальный суверенитет – не только степень свободы, но и бремя ответственности, соразмерность потенциала внутренней свободы – национальной безопасности с ее внешней ипостасью – государственной безопасностью, и только в их синергии – необходимые предпосылки стабильного развития страны.

Если молодое белорусское государство – продукт не просто «беловежского сговора», а естественной, хотя и трагической цивилизационной катастрофы распада Союза, то было бы безответственным следовать королю Лиру, который передоверил дочерям свои владения и остался на семи ветрах. Не только возможные штормы геополитической динамики способны снести белорусский суверенитет, но и психология провинциального Санчо, довольного тем, что, хотя ему и неведомы великие деяния, зато он избавлен от побоев. Белорусской альтернативы государственному суверенитету не существует, а если она существует, то как его суррогат. Иными словами, ключ к подлинному самоопределению народа Беларуси – в *завершении* его формирования как самостоятельного исторического субъекта [Левяш, 1994, 1995].

«Наши гуси» не спасли «Рим» средневековой суверенной белорусской государственности, и ее историческая традиция требует кардинального и творческого обновления – эмансипации от заведомо слабых моментов, прежде всего дефицита стратегического мышления и пассионарной воли, отчетливого различения противников, партнеров и союзников и служения им на основе взаимности.

Однако прозападная оппозиция в Беларуси не отмечена стратегическим «глазомером» (М. Вебер), и ее маятник колеблется от сервильных ориентаций незабвенного Санчо до appetitов амбициозного «льва». Незабываема глобальная утопия А. Сидоревича: «Нам не повезло на восточных и западных соседей. Польша и Россия, без различия, кто там правит, – Пилсудский или Сталин, коммунисты или монархисты – никогда не были нашими добрыми товарищами. Обе эти страны по меньшей мере хотели, хотят иметь Беларусь в зоне своего влияния, хотят иметь ее проходным коридором. С восточными и западными соседями нужно жить мирно, но не поискать ли нам союзников где-нибудь подальше?» [ЛіМ, 24.04.1992]. Речь, понятно, шла не о Китае, а о США. Этой иллюзии не избежали и российские либерал-реформаторы. Сегодня ни одна уважающая себя нация-государство в мире не взыскует такого «союзника», и Беларуси пришлось в этом убедиться.

Свидетельств тому немало, начиная с откровений З. Бжезинского. В интервью «Независимой газете» он не скрывал раздражения независимой политикой Беларуси и противопоставил ее более «податливой» Украине. «Я не считаю, что (на Украине) может быть использована белорусская модель. На Украине нет такой фигуры, как Лукашенко. Украинцы – это трезвомыслящие люди с реальным взглядом на вещи и не такие, так сказать, странные ребята, как в Минске» [НГ, 31.12.1998]. «Странность» белорусского руководства в том, что, как разъяснил известный политолог П. Ратленд, «недостаточно направить текст американской конституции в Минск, чтобы превратить Белоруссию в либеральную демократию» [2002, с. 16, 17]. Беларусь, отмечает эксперт, не приемлет окончательно дискредитированную политику «открытых дверей».

Более неоднозначно взаимодействие Беларуси с Евросоюзом. Стоит еще раз подчеркнуть не совсем совпадающие смыслы нашего отношения к «онтологической» Европе как таковой и Евросоюзу. Прежде всего широким кругам белорусской общественности пора сбросить бремя «ветхого Адама» провинциальной неполноценности и исходить из того, что Беларуси ни в какую «Европу» нет нужды «возвращаться». Старый континент, на котором мы живем, это не мессианская Европа как критерий оценки, на основе которого выставляются баллы «недоевропейцам». Европа – реальность, напоминающая два ассиметричных и дополняющих друг друга полушария головного мозга. Это Бастилия и Зимний, Освенцим и Минское гетто, Елисейские поля и радзивилловы замок и библиотека, и многое другое по своему европейскому духу. Каждый из этих феноменов не самодостаточен, и только *вместе они и есть Европа*. Беларусь была, есть и будет в центральноевропейской системе координат. В равной мере это дает основания как для отклонения менторского тона в отношении Беларуси, так и для аксиомы сопричастности Беларуси к европейской судьбе.

Вместе с тем, судя по результатам проведенного автором монографии в 1994 г. национального опроса, союз с западными соседями сочли более эффективным (в %) 19,3 русских и 26,3 белорусов [Левяш, 1994]. Через двенадцать лет, исходя из результатов социологического исследования в «славянском треугольнике» СНГ в 2004 г., желание жить в объединенной Европе высказали в целом (в %): в России – 10,7, Украине – 14,7, Беларуси – 28,1. По уровню образования соответственно – 14,2, 21,5 и 35,8 [Фурман, 2007, с. 75]. Более или менее 1/3 населения Беларуси (более – молодежи) – было *в принципе* за интеграцию с Евросоюзом, и если это позиция не большинства, но все же достаточно весомый фактор.

Почему же даже просвещенное большинство, тем более – его политическая элита поддерживается от такого курса? Ответ неоднозначен, но главным образом он заключен в *разрыве* между словом и делом Евросоюза, его латентной ставке на достижение своих целей путем последовательной *диффузии* феномена «цветных революций», ее «прививки» в Беларуси. О смысле такого далеко идущего политического «садоводства» пишет Ю. Годин: «В геостратегических планах Запада Украине отводится роль, схожая с ролью, которую должны играть страны Балтии. По всей видимости, в западных кругах не расстанутся с проектом создания «черноморско-балтийской федерации», то есть типичного «санитарного кордона» – геополитического образования, направленного на подрыв геополитической и экономической безопасности России. Белоруссия во главе с А. Лукашенко спутала эти планы, пойдя на единение с Россией на новой основе – вплоть до создания Союзного государства. Этот интеграционный ход двух стран вызвал плохо скрытое раздражение на Западе» [НГ, 2000]. Проблемный характер строительства такого государства повышает градус интереса к «санитарному кордону» и вызывает к жизни немало знакомых персонажей. Один из специалистов по «цветным революциям» в своем письме в английскую газету «Гардиан» признался, что «в Беларуси занимался тем же, чем в Никарагуа и Панаме, а именно «продвижением демократии» [Цит. по: ЛГ, 30.04.-6.05.2008].

Российские политологи практически единодушны в оценке такого «экспорта». «А что им нужно? – риторически вопрошает С. Кургинян. – Им нужен новый пояс, включающий в себя Кавказ и Украину. Этот новый пояс должен стать для нас своеобразной геополитической «берлинской стеной... Им нужно напрячь ожидания, рождаемые «оранжевыми революциями»... Если удастся легко сковырнуть такого... политика, как Лукашенко, то... это своего рода психологический мат... Посмотрите на карту! И представьте себе, что такое пояс из Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии и Закавказья... Если этот пояс замкнется, то речь пойдет о... тисках» [ЛГ, 27.04.–5.05.2005].

Такие – если не единые, то однопорядковые – замыслы полностью совпадали с проектом так называемого Черноморско-Балтийского альянса – традиционной геополитической мечты белорусских и украинских этнократов. Белорусская оппозиция настойчиво пытается вдохнуть новую силу в «цветную революцию», заметно *паразитируя* на органичных белорусской культурной традиции европейских ценностях и ориентациях значительной части населения и заодно – на трудностях союзных отношений между Минском и Москвой. Это типичная софистика, *подмена основания*, незаметная обыденному сознанию (на него и делается ставка). Национал-оппозиция, подобно украинским «оранжистам», навязывает мифологему о том, что Россия – «это и есть Азия», и, акцентируя ее евразийское *содержание*, игнорируют европейскую *сущность* и *европейский выбор* новой России.

Об этом откровенно и с сожалением пишет известный российский аналитик В. Соловей: «Беларусь ближе к Европе. Конечно, белорусское общество – не антироссийское, но оно начинает постепенно дистанционироваться. То же самое происходит с белорусской элитой. Белорусский суверенитет стал реальностью благодаря нынешнему президенту Александру Лукашенко. Он очень умелый, талантливый и харизматичный политик, что отмечают и европейцы, и американцы, даже те, кто Лукашенко терпеть не может. Именно он создал и укрепил Беларусь как независимое государство. Все это прекрасно видит Европа, создавая предпосылки для европейской интеграции Беларуси. При этом Беларусь будет интегрирована в Европу гораздо быстрее Украины» [Соловей, Риск..., 2008].

Таковы не только благоприятные, но и проблемные слагаемые формулы, в конечном счете, солидарной для Беларуси и России *европейской* ориентации. Верно, что ныне это выбор не в пользу их «растворения» в ЕС, а при условии сохранения национального суверенитета, шире – выбор модели «Европы отечеств».

Конструктивная перспектива только в том, чтобы *вместе с Россией* «идти в Европу». В итоге, отмечает В. Третьяков, «Беларусь, несмотря на свои небольшие размеры, при Лукашенко демонстрирует максимально возможную для такой страны самостоятельность внутреннего и внешнего поведения. Беларусь является одной из немногих суверенных не по титулу, а в реальности стран мира... Белоруссия сегодня – это политический нонконформист, политический еретик, политический диссидент... В Европе нас таких, политических нонконформистов и еретиков, осталось всего двое – Россия и Беларусь» [МН, 24–30.03.2006]. Вместе с Россией Беларусь успешно ревизует претензии на однополярный и даже «полуторполярный мир» и утверждает свою роль реального субъекта многомерного мира.

4.4. Союзное государство или Союз государств?

«Пойдут ли двое вместе, не договорившись между собой?»

Библия

«Краткий курс» становления государственного суверенитета Республики Беларусь выявил жесткую реальность. Метафорически – беловежскую «сладку ягоду рвали вместе», а «горьку ягоду» практических забот – в режиме «одиначества вдвоем». Самодостаточная

способность Беларуси обеспечить свой суверенитет оказалась мифологемой. В ней нет и не может быть ответа на решающий вопрос о *степени взаимозависимости* Беларуси с Востоком и Западом.

Как центральноевропейское государство, Беларусь неотделима от судеб европейского континента с его «западными» и «восточными» интересами и ценностями. Исторически они имели как цивилизационный, так и социокультурный характер. Однако «преданья старины глубокой» – не индульгенция на благоденствие в современном динамичном мире, тем более – перед лицом новой «Берлинской стены», которой Запад пытается рассечь Европу и по-своему «обустроить» еще не присоединившиеся к ЕС государства. Брюссельская «политика добрососедства» откровенно подкрепляется движением НАТО на Восток, в котором Вышеградской группе и новым прибалтийским государствам предложено занять «передовые рубежи», и это демонстративно геостратегический, с позиции авторитета силы, пресинг на Беларусь и Россию.

Риторический вопрос: рассматривает ли *такой* Запад Беларусь как равноправного партнера? Если мы безоглядно откроемся Западу, т. е. примем все условия международных финансовых структур, брюссельских «добрососедей» и проявим готовность поддаться силовому пресингу НАТО, у нас будет все – от «макдональдсов» до ракет среднего класса под западным контролем и «по мере необходимости», как нам популярно разъясняют. Все, *кроме суверенитета*.

В течение переходного периода формирования новой белорусской государственности в духе диалектики свободы и необходимости действовал принцип: «*Суверенитет – насколько возможно, интеграция – насколько необходимо*». Одной из институциональных форм интеграции стало Союзное государство Беларусь – Россия. Начиная с 2012 г., этот союз действует в более широком контексте новых интеграционных инициатив России, Беларуси и Казахстана. 18 ноября 2011 г. А. Лукашенко поставил подпись под Декларацией о евразийской экономической интеграции, Договором о Евразийской экономической комиссии и решением о регламенте Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Речь идет о создании нового интеграционного объединения – Евразийского союза (ЕЭС).

Отвечая на вопрос о судьбе белорусско-российского Союзного государства в свете этих событий, белорусский лидер не исключил, что «проект Союзного государства, может быть и растворится». По словам А. Лукашенко, это будет возможно, если интеграционный проект трех стран, в частности, создания Единого экономического пространства (ЕЭП), будет очень быстро двигаться вверх. «Тогда возможно, ЕЭП догонит по своей степени интеграции интеграцию в рамках России и Беларуси. И тогда мы вправе поставить вопрос: надо ли нам параллельное Союзное государство, как мы его называем сейчас?» – сказал А. Лукашенко [Цит. по: Быковский, 2011].

Такая вероятность требует всесторонней верификации. Беларусь и Россия во многом продолжают жить в одном культурно-цивилизационном, геоэкономическом и геополитическом пространстве. Однако определение *институциональной* формулы динамики и вероятной судьбы нашего Союза требует учета трех составных.

Первая из них заключается в исторической традиции «старажытнай» Беларуси как восточного ареала семьи средних и малых центральноевропейских народов – в большинстве своем ныне членов Евросоюза.

Проблема, однако, в том, что европейский архетип Беларуси недостаточно укоренен в народном сознании и в идеализированной форме сохранился в сознании определенной части элиты белорусского этноса.

Вторая «величина» в этой формуле обусловлена смещением центра тяжести дальнейшей эволюции Беларуси к исторической доле *фронтира* – вначале «Крэсаў Усходніх» Речи Посполитой, а затем – пограничья с Европой-3, или Россией, инкорпорацией Беларуси в Рос-

сийскую империю и далее – ее статусом БССР как *западного* фронта России/СССР. Произошла трансформация белорусского архетипа. Трехвековой русский культурный мессианизм, вопреки негативным результатам цивилизационного миссионерства и ассимиляции, из внешнего фактора-необходимости преобразился во внутреннюю *потребность* народного менталитета. Ностальгия по относительно «благополучной» БССР – лишь камертон мощной гравитации трехвекового бытия вместе с Россией.

В-третьих, такое единение не может выстраиваться по иллюзорной или циничной «вертикальной» логике «Старшего» и «младшего брата», но это не отменяет ценностей и смысла подлинного братства. Реально братской является семья, в которой никто не является «захребетником», и все напряженно сопричастны к общему делу.

В конечном счете, нынешняя практика формирования Союза Беларуси с Россией имеет органический характер. Глубинное основание его проблематичности – в реанимации и творческом *обновлении* белорусского национального архетипа в таком институциональном взаимодействии с Россией, которое на деле способно эффективно обеспечить «нашу и вашу свободу». Одним из индикаторов сложности на этом пути является уже то, что «Договор о Союзе Беларуси и России», в котором речь шла о *двух* государствах, был заключен в 1997 г., а в акте ратификации договора, как законе Республики Беларусь (1999), уже провозглашалось создание единого «Союзного государства». Иными словами, центральный вопрос – какой *институциональный тип* Союза является нормативным – остается по-прежнему открытым.

Экспертиза состояния дел в основном сводится к действительно существующим, но все более – к следствиям, чем причинам, и их интерпретация российской стороной напоминает претензии не к Республике Беларусь, а скорее к БССР как «сборочному цеху», одностороннему на «Центр». Констатируется, что происходит «постепенное сползание с ранее достигнутых позиций». Так, по итогам 2007 г. Беларусь оказалась пятым торговым партнером России, а до 2004 г. она была второй (после Германии). Обретение новых торговых партнеров расценивается не как успех спасенного от «шоковой терапии» и возрожденного производства в Республике Беларусь, а ее «измена». Любое выгодное Беларуси экономическое, геополитическое и культурное партнерство с «дальним зарубежьем» – Китаем и Индией, Саудовской Аравией и Венесуэлой – интерпретируется в эмоциях «ревнивого мужа». Аналогичным образом, как «факторы давления на Москву», расцениваются воздержание Минска от перехода на российский рубль, проект строительства белорусской АЭС, активизация сотрудничества Минска с Киевом и Тбилиси, и т. п.

В *основании* реальных проблем союзного строительства по меньшей мере три фундаментальных фактора.

Первый из них заключается в том, что строительство не союза двух государств, а единого союзного государства сталкивается с синдромом разных «весовых категорий». Стабильное союзное государство может состояться только при таком неременном условии, как относительное равенство потенциалов – территориально-ресурсного, демографического, экономического, оборонного, культурного. Их явное несоответствие в рассматриваемом ракурсе угрожает если не поглощением Беларуси, то заведомо обрекает ее на долю «младшего брата».

Второй источник напряженности – различные политико-экономические траектории эволюции Беларуси и России в переходный период. Подписание союзного договора произошло, с одной стороны, в условиях стабилизации политического режима и жесткого неприятия «дикого рынка» в Беларуси, а с другой – в «смутное время» олигархической диктатуры в России. Ее полпреды сделали все, чтобы добиться контроля над белорусским производственным комплексом, прессинговали отказом от энергетических предпочтений, вполне нормальных в отношении с союзным государством. В. Путин вначале, еще не обладая полной властью контроля, шел на поводу у олигархов, и лишь после их обуздания Россия,

не без понятной оглядки на рыночные отношения, вернулась к относительно приемлемым предпочтениям для Беларуси. Но физически снятый энергетический шок не может пройти бесследно и остается в политической памяти и ментальности.

Наконец, *в-третьих*, на первом этапе восходящая политическая траектория в Беларуси и нисходящая – в России стимулировали Минск к форсированию идеи именно *единого* союзного государства, а не союза или иной институциональной формы *двух* государств. Расчет заключался в том, что рядом с президентом Союзного государства (тогда Б. Ельциным) должность вице-президента должен был принять А. Лукашенко. В случае референдума по договору, опираясь на симпатии большинства россиян к нему как харизматическому лидеру и «сильной руке», не говоря уже о симпатиях к Беларуси, позиции Минска будут прочно обеспечены. Несколько позднее политолог А. Цыпко в беседе с помощником белорусского президента В. Цепкало заметил, что «конструкция союзного государства, созданная Лукашенко и Ельциным, нежизнеспособна, и назвал «громкими словами» сентенцию собеседника: «Я уверен, что Беларусь самостоятельно выживет, России тоже, естественно, нечего опасаться, но тогда на всех попытках постсоветской интеграции можно будет поставить крест» [ЛГ, 2002].

Путинская Россия, добившись стабилизации, первоначально предложила Беларуси дилемму: либо модель Евросоюза, либо вхождение Беларуси в Россию фактически в статусе прежней БССР. Оба варианта были и остаются неприемлемыми: первый – в силу остающейся неопределенности институциональных оснований Евросоюза, второй – как «мягкая» инкорпорация. Отсюда – вялотекущая стагнация в союзном строительстве.

Многие аналитики указывают на «камень преткновения» в отношениях Минска и Москвы. Он ясно назван в статье А. Астафьева «*Беларусь хочет быть в Союзе, а не в России*». Автор констатировал, что, при всей регулярности заседаний Высшего государственного совета Союзного государства, основные проблемы его строительства «остаются нерешенными... Не может же быть процесс строительства Союзного государства бесконечным» [ЛГ– Лад, вып. 15, 2003]. Действительно, в роли одного из субъектов Российской Федерации Беларусь не сможет полноценно решать свои внутренние и международные проблемы. Ее императив – синтез национально-государственного «самостояния» *вместе* с Россией, в новом Союзе с ней, но как одного из средневропейских государств, с ориентацией на собственную позицию в строительстве Большой Европы и ее центральноевропейского ареала.

Как ныне относится к этому официальный Минск? В ежегодном послании президента Республики Беларусь отмечалось, что стратегических изменений во внешнеполитических приоритетах республики не последует, и «ключевым партнером» Минска остается Москва. «Если кто-то ждет, что Белоруссия из-за возникших трудностей будет колебаться и менять направление своего движения, то глубоко заблуждается. Наша позиция в отношении интеграции с Россией неизменна» [МН, 27.04.-3.05.2007].

Российские эксперты не ставят под сомнение, что значение такого стабильного курса выходит далеко *за пределы* белорусско-российского взаимодействия. По словам В. Третьякова, «Чем же... Лукашенко так раздражает Запад и особенно США...? Тем, что Лукашенко гипотетически может привести Беларусь к созданию полноценного союзного государства с Россией» [МН, 24–30.03.2006]. Накануне визита Путина в Минск лидеры белорусской оппозиции побывали в Вашингтоне, встречались с Дж. Бушем и госсекретарем К. Райс, которая пообещала «защитить свободу в Белоруссии». Лидер Объединенной оппозиции А. Миленкевич говорил «об опасности аншлюса Беларуси Россией». По его словам, в Беларуси невозможно проведение свободного референдума по вопросу создания Союзного государства, но не потому, что он в принципе исключен, а потому что, как утверждал экс-кандидат в президенты, «результаты этого плебисцита, никогда не признает цивилизованный мир» [МН, 14–

20.12.2007]. Прозападный оппозиционер верно просчитал, *какими* с высокой вероятностью будут итоги гипотетического референдума, но забыл, что Минск и Москва как полноценные субъекты международного сообщества, конечно, нуждаются во внешней легитимации, но в качестве *вторичного* фактора своего союзного «самостояния» и выбора.

Текущее состояние проблемы резюмировал Е. М. Примаков. На вопрос «Литературной газеты» о перспективе Союзного государства России и Беларуси многоопытный политик заметил, что «есть трудности, которые необходимо преодолеть в ходе создания этого государства. Например, у нас некоторые считают, что Белоруссию можно включить в состав России в виде одной или двух губерний. Это – вредная крайность. Никогда на такое Белоруссия не пойдет... Белоруссия, даже находясь в Советском Союзе, была членом ООН! Белорусская сторона тоже склонна к некоторым крайним предложениям... Это, на мой взгляд, большой политический промах» [ЛГ, 6–12.04.2008].

Создание Союза как целостности своих основных составных остается открытой проблемой. Она автоматически не решается ни исторической традицией общности наших народов, ни известной ментальной предрасположенностью президента Беларуси к России.

Как быть? Примечательна конструктивным духом статья В. Дашичева «В интересах всей Европы. Союз России и Беларуси в контексте международной и национальной безопасности». «Можно наверняка сказать, – писал автор, – что исходная база для новой интеграции России и Белоруссии неизмеримо шире и прочнее, чем у стран Западной Европы в начале их интеграционных процессов в начале 50-х гг... На мой взгляд, наиболее подходящей и реалистической формой Союза России и Белоруссии было бы создание не «единого государства», а *конфедерации*» [НГ – Содружество, № 3 (15), 1999].

В этом ключе есть смысл прислушаться к идее, которая буквально «витает в воздухе» белорусского общественного мнения уже более десятка лет. Еще в 1996 г. НИСЭПИ в национальном опросе населения (1535 человек), выявил *эволюцию* белорусского общества взаимосвязанным и центральным вопросам – о суверенитете и интеграции.

Отношение населения к независимости Беларуси и объединению с Россией в одно государство (в %)

Вопрос	Да	Нет	Не ответили
1. Хотели бы вы, чтобы Беларусь была независимым государством?	64,6	34,4	1,0
2. Хотите ли вы, чтобы Беларусь и Россия объединились в одно государство?	62,5	32,0	5,5

Исследователям такая позиция представилась «в формально-логическом смысле – парадоксальной... На самом деле, никакого парадокса нет... Многие рядовые граждане (отчасти осознанно, отчасти интуитивно) поддерживают идею *конфедерации*. Они исходят из того, что конфедерация позволяет иметь одновременно и суверенитет, и союзное государство» [Шавель, 1996]. Искомая *институциональная* форма сближения с Россией на ближнюю перспективу уже подсказывалась большинством населения республики. В сроки формирования такого объединения внесла коррективы сама жизнь, но его исходные позиции и искомая институциональная форма «схвачены» верно.

Сама жизнь вносит коррективы в технологии и сроки формирования такого объединения, но его исходные позиции и адекватная институциональная форма «схвачены» верно. Известные возражения вообще против конфедеративной институции на том основании, что она «недолговечна», действительно подкрепляются некоторыми *историческими* прецеден-

тами, но это не довод для вывода, что они должны быть моделью взаимоотношений Беларуси и России на *современном* этапе. Если же искать аналогии, то их скорее можно найти в Евросоюзе – *de jure* Союза, но *de facto* во многом – конфедерации. Следует подчеркнуть, что это именно *аналогия*, а не модель, поскольку основания Евросоюза и предлагаемой *конфедерации* Беларусь–Россия, наряду с выражением общей закономерности интеграции, во многом специфичны.

Такая вероятностная перспектива не ослабела, а, напротив, *возросла* с активизацией евразийского интеграционного строительства. Хотя Евразийский экономическая интеграция наделяется полномочиями новой наднациональной структуры – Евразийской экономической комиссии, речь однозначно идет именно об *экономической* интеграции. Многие ее функции уже сейчас, пусть и относительно скромно, но выполняет Союзное государство. Но далеко не только эти функции. Союзное государство – *многомерная* структура, включающая в себя научно-образовательные, социальные, военно-политические, а главное – *культуротворческие* функции синергии не только наших государств, но и народов. Только экономическая интеграция не вмещает в себя белорусско-российское сотворчество компьютеров последних поколений (здесь нужна не коммерческая мотивация), устойчивое воспроизводство уникального в постсоветском пространстве белорусско-российского двуязычия, исторически сложившуюся «безбарьерную» общность нашего приграничья, тесноту родственных связей и т. п.

Эти, как и многие другие, функции Союзного государства растворятся в только экономической интеграции, и альтернатива в том, чтобы заново воссоздать его как *многомерную конфедерацию* двух государств, способную стать действительной моделью перспективы Евразийского союза [Левяш, Идея, 2011].

5. Россия и СНГ: авторитет силы или сила авторитета?

5.1. СНГ на глобальной «шахматной доске»: внешние и внутренние факторы

*«Нет попутного ветра для того, кто не знает, куда плыть»
Сенека*

Если сопоставить бесспорную сентенцию римского мудреца с мнением экс-председателя Комитета Госдумы Российской Федерации по делам СНГ А. Островским, то создается впечатление, что, в отличие от населения государств СНГ, их элиты знают, «куда плыть». В *тактике*, возможно, это отвечает реальности. Но в *стратегии* это иллюзия. Однако она не отменяет очевидной констатации Е. Примакова: «Говорить сейчас об СНГ как об успешной организации я бы не стал» [ЛГ, 6–12.04.2008]. В отличие от ясного указания на «обоюдострый» *максимализм*, как главную причину неоднозначного состояния российско-белорусского взаимодействия, в этой оценке нет хотя бы указания на комплекс причин затянувшегося дрейфа российской политики в СНГ. Между тем они имеют *фундаментальный* характер и изначально должны быть аналитически «разведены» по признакам «внешний – внутренний».

В послании президента России В. Путина (2005) распад СССР впервые определен как «самая большая геополитическая катастрофа века». В этом откровении нет *цивилизационной* компоненты – исторической неудачи коммунистического эксперимента, альтернативного «западному», но впервые дана оценка подлинного *масштаба* тектонического разлома как следствия внешних и внутренних факторов глобализации. Выше отмечалось, что одной из существенных характеристик этого процесса является *реструктуризация* культурно-цивилизационных комплексов, их *борьба за гегемонию или лидерство*. Те КПК, которые не смогли дать адекватный ответ на Вызов глобализации, обречены на судьбу Титаника. СССР оказался в «бермудском треугольнике» прежде всего потому, что советско-коммунистическая модель по существу была не универалистской, а партикулярной и конфронтационной (по Хрущеву – «мы вас закопаем»), и, в силу неспособности властной элиты преобразовать ее базовые основания, была обречена. В этом смысле констатируется *распад СССР*.

Однако этот процесс происходил не в вакууме, а под мощным и перманентным воздействием внешних сил – игроков на мировой «шахматной доске», прежде всего США, которые не без успеха утилизировали глобализацию в интересах своего гегемонистского проекта. Измотав все менее дееспособный СССР в гонке вооружений, они *подвели* его к коллапсу и вплотную приблизились к «золотому призу» – контролю над евразийским хартлендом. Еще в конце 90-х гг. эта сверхзадача звучала открытым текстом как традиционная колониальная формула «внешнего управления»: «Наша задача, – открытым текстом писала госсекретарь США М. Олбрайт, – состоит в том, чтобы *управлять* последствиями распада советской империи» [1998].

Аналогичную сверхзадачу по сути формулируют и многие эксперты Евросоюза. Так, немецкий политолог М. Бубе в книге «Главные особенности германской стратегии относительно России» (Берлин, 2007) называет Россию «европейской цивилизацией с китайскими границами». Россия не будет членом ЕС в обозримом будущем, и оно вообще не определено. В таком непредсказуемом *евразийском* контексте, в представлении европейцев, невозможно установить критерии поведения для России, в соответствии с которыми можно было бы *контролировать* ее внутреннее и внешнее развитие. Политолог отмечает, что между нею

и ЕС расположены три государства – Молдавия, Украина и Белоруссия, которые в настоящее время находятся в состоянии трансформации, однако идет она в разных направлениях и с разной скоростью.

Особое внимание М. Бубе уделяет проблеме интегрирования этих «переходных» стран в евроатлантические структуры и связанным с этой интеграцией российским интересам. Страны, находящиеся между ЕС и Россией, попадают в область, где *интеграционные потоки перекрывают друг друга*. Оба центра силы – ЕС и Россия – проиграют, если не будут сотрудничать в рамках данной проблемы. С одной стороны, не в интересах России терять исторические и экономические связи со своими соседями. С другой – при *ускоренном* движении «переходных» стран к полному членству в ЕС затраты на новое расширение превзойдут все возможные плюсы» [Цит. по: Совр. Европа, 2008, № 2, с. 153–155].

Между заявлениями американского официоза и немецкого автора есть определенная разница в *стиле*, но не по сути дела, и *управление, контроль* – ключевые смысловые термины. Политика «пробкового шлема» в сочетании с «soft power» – «мягкой силой» реализуется как два берега одного и того же селевого потока. В конечном счете, он должен привести к ситуации, которую некоторые российские геополитики метафорически маркируют как «остров Россия». Но Россия должна была стать «подмандатным островом».

На что делается ставка в субъективном плане? Прекращение существования СССР и официальное провозглашение СНГ не было пережито и понято, как катастрофа, новой властной элитой России. Напротив, в течение десятилетия в этой среде царило «счастливое сознание» (Г. Маркузе) – непонимание *смысла* происходящих процессов, вплоть до того, что, по данным социологов политической, административной и военной элиты в 1992 г., отношения России со странами СНГ рассматривались как *менее дружественные*, чем с США.

После затяжного запоя (ельцинского буквального и политического – «Запад нам поможет») наступило похмелье и понимание того, что Россию буквально «душат в объятиях». Стало ясно, что Запад нам поможет, но только на условиях формально «демократического» обустройства России на *периферии* евроатлантической ойкумены, в качестве регионального шерифа,

а также гигантского резервуара дешевого сырья и рабочей силы. Полуколониальный статус России необходимо было обеспечить двуединой стратегией создания «санитарного кордона» по всему периметру ее западных и южных границ, и с этой целью – объявления этого ареала зоной своих интересов и поощрения центростремительных тенденций в новых государствах, смены вектора их ориентаций с «восточного» на «западный». Технологии такого курса выстраиваются по узнаваемому принципу «кнута и пряника». Функции «кнута» берет на себя *de facto* проамериканское НАТО, а «пряника» – провозглашенная Евросоюзом политика «добрососедства», ныне «Восточного партнерства».

О назначении «кнута», как инструмента «огораживания» России путем создания «гарантий безопасности» за натовским «щитом», В. Путин впервые публично заявил в 2005 г. во время визита в Анкару. Он обвинил Запад в колониальном отношении к бывшим советским республикам и подчеркнул, что Россия не позволит, чтобы Европе делили, как раньше делили Германию – на Восток и Запад, на первый и второй сорт. По словам Путина, в рамках такого видения мира развитые западные страны диктуют бывшим советским республикам свои правила при помощи «дубинки» и «пробкового шлема», обращаясь с ними как с «туземцами» [Цит. по: Вестник Европы, 2005, № XIII–XIV, с. 10].

Евросоюз предпочитает политику soft power как следствие, с одной стороны, невозможности для него «здесь и сейчас» осуществить свое дальнейшее расширение путем полномасштабной интеграции постсоветских республик (исключая прибалтийские), а с другой – не отказываясь от подготовки реализовать этот проект в перспективе. Отсюда – скандально известная практика «въезда в квартал», особенно во время «цветных революций» в Украине

и Грузии, попытки (хотя и неудачные) ее дублирования в Беларуси, неустанное поощрение прозападной власти в Киеве и Тбилиси, оппозиции в Минске.

Россия по-разному относится к американскому «кнутому» и евросоюзному «прянику». Однозначно отклоняя натовский милитарный прессинг и выстраивая систему превентивных контрмер по обеспечению собственной безопасности, Москва не может не учитывать объективно *паневропейский* характер проблемы и, как отмечали эксперты, на саммите ЕС – Россия в 2005 г. обсуждалась тема «*общего соседства*». Официальная позиция России была такой: «Мы не претендуем на монополию в постсоветском пространстве. Мы готовы развивать партнерский диалог с Евросоюзом – тем более, что ряд стран поставили перед собой цель интеграции в ЕС» [НГ – Дипкурьер, 12.09.2005].

Романтика такой цели – «прочь от Москвы» – оказалась доступней прозаической действительности. Новизна ситуации в том, что такие функции Содружества, как «цивилизованный развод» подписантов Беловежского соглашения и затем «примкнувших» к нему, контроль за нераспространением ядерного оружия, суверенизация новых государств, первичная апробация «самостийного» опыта – эти функции уже исчерпаны, а перспективы нового этапа еще не ясны. Постсоветские государства, исключая Беларусь, до сих пор лучше представляют себе, от чего они ушли или их «ушли» геополитическим штормом, но теперь, после далеко не однозначного опыта государств – новых членов Евросоюза, задумываются над дилеммой «синицы в руках» (в прежнем СССР) или искомого «журавля в небе» Евразийского Союза.

Такое межумочное состояние длительное время объективно кумулировалось Россией, еще не способной за ситуационными интересами увидеть четкую перспективу и выработать хотя бы среднесрочную стратегию реинтеграции постсоветского пространства. Осознание идейного вакуума характерно для элит постсоветских государств и ясно выразилось в риторических вопросах премьер-министра Армении В. Манукяна в беседе с послом России: «Позиция Москвы озадачивает власти страны, – сказал премьер. – Ощущает ли она свои стратегические интересы в Закавказье? Отказывается ли она от своих позиций в ближнем зарубежье?» [Цит. по: Ступишин, 2001, с. 130].

Однако дело далеко не только в позиции Москвы. *Перепутье* выбора в решающей мере определяется реальным состоянием СНГ. Для политических и бизнес-элит входящих в него государств «опыт ЕС имеет определенное значение. Успешные экономические операторы в странах СНГ желают в принципе того же, что и в странах Евросоюза, – насыщения своих рынков и проникновения на новые, предсказуемой правовой базы и совместимых стандартов... (И все же) представление о том, что внутри интеграционного пространства бизнес работает рука об руку, активно обменивается ресурсами, кадрами и результатами труда во имя общей выгоды, является скорее мифом, чем реальностью... Власти государств СНГ пока не готовы идти на компромиссы и принятие общих правил игры в таких сложных процессах. Однако вряд ли стоит полагаться на то, что тенденция к интеграции постсоветских экономик способны естественным путем (то есть без усилий со стороны политики) победить тенденции к автономизации» [Кондратьева, 2008, с. 75].

В СНГ сложилась *асимметрия* между гораздо большим осознанием его участниками своих государственных, чем общих, межгосударственных интересов, выявилась недооценка взаимообусловленности обеих групп интересов. Эта «детская болезнь» препятствует разработке и реализации адекватной реальностям концепции «большой дороги», четко артикулированной и согласованной стратегии развития Содружества даже на ближнесрочную перспективу.

Во многом стагнация политики России относительно СНГ спровоцировала *разнонаправленность* центробежных интересов его участников и *неопределенность* направления их

стратегических интересов. Эти тенденции нашли свое выражение в разноцелевой и структурной *фрагментации* Содружества.

Сепаратизм заявил о себе вначале и по преимуществу в южноазиатском сегменте СНГ. В середине 90-х гг. руководство постсоветских среднеазиатских государств предприняло усилия для формирования оргструктур нового регионального блока под эгидой казахстанского «центральноазиатского барса» (Назарбаев, 1997). И. Каримов признал, что договоренности «идут дальше СНГ». Эксперты отметили, что «союз трех может стать весьма внушительным фактором, позволяющим каждому из его участников сыграть в новые политические шахматы с другими странами, прежде всего с Россией» [Портников, 1995].

Еще недавно Л. Кучма, выступая перед студентами Киевского национального университета, заявлял: «Когда внутри СНГ создается столько союзов и когда в самом союзе имеются еще и другие союзы, то какие могут быть перспективы? Есть ли в Европейском союзе другие союзы? Нет». При этом экс-президент Украины не упомянул, что сама Украина являлась членом ГУУАМ.

Объединение государств – членов СНГ – *первоначально* с аббревиатурой ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Армения, Молдавия) было создано в 1997 г. по инициативе Киева в качестве *альтернативы* СНГ. Уже в 2002 г. от участия в альянсе отказался Узбекистан, и отныне его аббревиатура сократилась до ГУАМ. Организация имела отчетливо *антироссийский* характер, вопреки своей «черноморско-балтийской» шильде. В этом отношении показательно отношение к Беларуси. Под давлением Запада Киев пошел на беспрецедентно недружественную внешнеполитическую акцию и в последний момент отозвал ранее посланное приглашение

А. Лукашенко участвовать в международном форуме европейских стран Балтийско-Черноморской зоны в Ялте в 1999 году. Представитель ЕС заявил, что в ближайшие три года государства ГУАМ получают от ЕС 915 млн евро, и только Украина – 494 млн евро [НГ, 22.04.2005]. Чего стоит США выстаивание «дуги Анаконды», осталось за семью печатями.

Скрепляющим и наиболее массивным звеном этой «дуги» в пределах пространства СНГ являлась Украина. Это определяется ее геополитическим масштабом и геоэкономическим потенциалом. Украина в рамках СНГ занимает второе место после России по численности населения (50 млн человек) и по объему ВВП. По территории уступает только России и Казахстану. В принципе Украина – фактически единственное – после России – государство в постсоветском пространстве, которое обладает всем набором экономики крупного современного государства европейского масштаба. Страна имеет выходы к морю, обладает современным судостроением, в том числе и военным, располагает торговым и рыболовным флотом. Развита транспортная инфраструктура. Украина была одним из центров науки, культуры и образования в бывшем Союзе. В военном плане страна обладает значительным потенциалом, ее армия имеет современное вооружение, а по численности войск превосходит многие крупные европейские страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.